

Александр Бушков

ПИРАНЬЯ

ПЕРВЫЙ БРОСОК

РУССКИЙ ПРОЕКТ

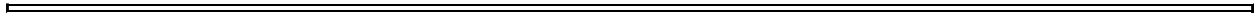
Annotation

Роман «Пиранья. Первый бросок» открывает серию захватывающих бестселлеров о Кирилле Мазуре. В поисках золота с затонувшего фрегата, на который советских боевых пловцов навела сотрудник французских спецслужб очаровательная Мадлен де Ронак, им приходится вступать в бой с пиратами.

- [Александр Бушков](#)
  -
  - [Часть первая](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

Александр Бушков

Пиранья. Первый бросок

Черт побери! Как и все другие, наказанные нами, вы управляетесь законом, который богачи придумали для собственной безопасности. Эти трусливые собачьи души не имеют смелости каким-либо иным способом защитить то, что они мошеннически нахапали. Проклятья и кровь на имуществе этих продувных бестий. Между нами единственное различие: они обирают бедняков под покровительством закона, не так ли? А мы грабим богатых, рассчитывая только на свою храбрость.

Чарльз Беллами, пират

Место действия романа, как и описанные события, вымышлено от начала и до конца.

Александр Бушков

Часть первая

Райский остров

Глава первая

И на локаторе – тоска зеленая...

Он скользил над светлым песчаным дном словно призрак или ангел – чересчур материальный для призрака и слишком грешный для ангела, признаться, но полет-скольжение в прозрачной воде и в самом деле был призрачно-бесшумным. Как-никак в своем деле он смотрелся если и не асом, то уж состоявшимся профессионалом, точно.

Он шел замыкающим, на правом фланге. Дно здесь понижалось плавно, протяженным откосом, но остальные, плывшие далеко впереди, уже были значительно ниже: двое буксировали перед собой «око» (неимоверно засекреченную хреновину, больше всего напоминавшую снабженный короткими крыльями пылесос), за ними, чуть правее и сзади, размеренно колыхали ластами Волчонок с Черномором, еще правее – трое, еще правее и опять-таки сзади плыл Коля Триколенко, он же Морской Змей, ну, а замыкающим двигался Кирилл Мазур, по молодости лет не имевший клички (что служило источником легоньких потаенных терзаний, поскольку без клички ты как бы и неравноправен пока что вовсе, хоть и профессионал).

Красота вокруг имела место такая, что у любого бездельника вроде Кусто от эстетического умиления спирало бы в зобу дыхание. Увы, в отличие от «туриста» Кусто, они были на работе. На серьезной работе. А потому и заросли кораллов, розовые и фиолетовые, причудливо-загадочные, и стайки рыбок – пестрых, полосатых, радужных – были сейчас для них чем-то вроде тех самых небесных красот, причудливых облаков и многоцветных закатов, на которые никогда не обращает внимания запаренный страдой крестьянский мужик. Какие там закаты, когда нужно выкосить ложок до дождя...

В отлаженном походном порядке вдруг произошел секундный сбой.

Первыми остановились ребята с «пылесосом». Тот, что справа, по кличке Папа Карло, дважды щелкнул кастаньетами – и его напарник по прозвищу Князь тоже притормозил с наработанной сноровкой, а там и остальные замкнули их в кольцо. Морской Змей, как и полагалось хорошему командиру, в соответствии с чапаевскими наставлениями держался повыше остальных, что вполне соответствовало сейчас земному «позади».

Что-то там усмотрела на дне хитрая электроника. Однако у Кирилла –

как наверняка и у остальных – не было и тени жгучего романтического предвкушения. За три дня случалось столько ложных тревог, что они плюнули на азарт и предвкушение. Электроника, хоть и хитрая, интеллектом не блистала, она попросту реагировала на любой металл, в точности так, как глупый дворовой щенок, еще не выросший в толкового цепного кобеля, тявкает на все, что оказывается в поле зрения. А металл мог оказаться самого разного происхождения – от искомого до прозаической вилки, оброненной за борт нерадивым коком с туристской яхты...

Волчонок с Черномором прямо-таки поползли по дну, погружая в песок ножи, поднялись струйки взбаламученных песчинок из тех, что полегче, брызнули в стороны пестрые рыбешки.

Кирилл, покосившись вправо, отплыл на пару метров левее – совсем недалеко, в разрыве ближайшего кораллового лабиринта, на песке распластался большой серый блин с плавниками-треугольниками и тонким хвостом. Скат-хвосток, чтоб ему, твари такой, утонуть спяну на неглубоком месте. Если приложит ядовитым шипом, мало не покажется. Пристукнуть бы гада, но, располагая лишь ножом, в такое предприятие связываться не стоит...

Он все же не удержался, подобрал обломок мертвого коралла чуть побольше кулака, прицелился и аккуратненько запустил его по дуге так, что серому блину прилетело в точности по тому месту, где у собаки находится загривок.

Песок взвихрился бесшумным взрывом – ушибленный скат рванул прочь, стелясь над самым дном, быстрее лани уходя на глубину. Осталось полное впечатление – что-то такое было в его движениях и развороте, – что изобиженный морской житель от души матернулся по-своему, на неразгаданном рыбьем языке.

Морской Змей – как и полагается хорошему командиру, затылком видевший все, что происходило в расположении части, – энергично показал Кириллу кулак. Кирилл смущенно развел руками, автоматически изобразив на физиономии раскаяние, чего под маской все равно нельзя было углядеть.

Очередная пустышка, конечно: Волчонок поднял руку, сжимая обтянутыми черной резиной пальцами здоровенный, тронутый ржавчиной шарикоподшипник с обрывком светлой капроновой лески. Все было понятно. Снова они столкнулись с изыском творческой фантазии местных рыбаков, присобачивавших к сетям в качестве грузил всевозможные тяжелые предметы. Морской Змей сделал недвусмысленный, с похабным оттенком жест – и подшипник полетел на дно. А все девятеро, размеренно

колыша ластами, двинулись дальше в прежнем порядке.

Над ними не поднялось ни единого воздушного пузырька – акваланги были с замкнутым циклом, так что ни одна живая душа не смогла бы определить на поверхности, что под лазурной и безмятежной морской гладью странствуют часами, с небольшими перерывами, новоявленные Ихтиандры наших дней. Их вообще словно бы и не было в океане, никому из посторонних и в голову не должно было прийти, что на «Сириусе» имеются аквалангисты, вот уже две недели уютящие дно...

Стоп! Кирилл замедлил темп, ушел вправо и ниже, повис над самым дном. Меньше всего ему хотелось поднимать шум из-за пустышки, но и остальных следовало немедленно оповестить о том, что задержался, – и он после секундного раздумья остался на прежнем месте, подхватил болтавшиеся у правого запястья кастаньеты и простучал один из условных сигналов.

Прекрасно зная, что его не могли не услышать – звук в воде разносится далеко, – уже не оглядываясь по сторонам, всецело сосредоточившись на странном предмете, чьи чересчур уж правильные геометрические формы наводили на мысль об искусственном его происхождении. В конце концов, лучше уж десять раз выловить подшипник или ржавую автомобильную рессору, чем упустить искомое...

Кончиком ножа он аккуратно поддел непонятный предмет и, не встретив особого сопротивления, поднял его над песком. Потом перехватил рукой, показал подплывшему вплотную Морскому Змею. Остальные, встав в кружок, сблизили головы. Меж ними в приступе любопытства попыталась протиснуться большая золотистая макрель, но Волчонок безжалостно поддал ей ластом, отогнав, как бродячую собачонку, – и правильно, в конце концов, у рыбыны наверняка не было соответствующих допусков, и подписок она не давала никаких, а следовательно, должна была обратиться к чертовой матери...

Больше всего это походило на полдюжины небольших дисков, словно бы сплавившихся меж собой в совершеннейшем беспорядке подобно абстрактной скульптуре, покрытых толстой известковой коркой. Теперь Мазур уже мог с уверенностью сказать, что это не раковины каких-то моллюсков, – загадочная штука оттягивала вниз ладонь, словно отлитая из металла. То же, очень похоже, пришло в голову взвесившему ее в руке Морскому Змею. Совсем недолго поразмышляв, он скупыми жестами распорядился обшарить этот участок дна скрупулезнее.

Обшарили, приняв место находки за центр, от которого двигались по расширявшимся спиралям. Но ничего похожего более не нашли. Мазур тем

временем успел поскрести находку лезвием ножа – и в одном месте словно бы проступили буквы. Однако приглядываться не было времени: убедившись в бесплодности дальнейших поисков и глянув на часы, Морской Змей дал команду возвращаться к судну.

Сначала плыли по компасу, а потом в приборах не стало нужды – над головой, заслоняя солнечный свет, овальной исполинской тенью, чуточку размытой, замаячило днище «Сириуса».

Круглый люк, располагавшийся метрах в трех пониже ватерлинии, был, конечно же, гостеприимно распахнут. Соблюдая давно оговоренный порядок, они один за другим головой вперед скользнули внутрь. Оказались в горизонтальной цистерне, не столь уж и обширной, но позволявшей разместиться гораздо уютнее, чем в переполненном автобусе.

Цистерна с надписью «Живая рыба». Мазуру отчего-то всякий раз приходило на ум это сравнение. Убедившись, что все в наличии, а люк задраен, Морской Змей, неловкими прыжками перемещаясь по вогнутому дну цистерны, прошлепал в дальний конец и придавил ладонью черный резиновый пузырь, прикрывавший кнопку.

В дальнем конце цистерны забурило, к потолку толстой струей рванулись громадные бульбы воздушных пузырей. Процедура была нехитрая, но довольно долгая: прошло минут десять, прежде чем мощный поток сжатого воздуха вытеснил воду за борт, где ей и было самое место. Загубники они вынули, не дожидаясь конца процедуры, – как только торсы оказались над водой. На дне цистерны, как обычно, вода осталась чуть ли не по колено. Шлепая по ней, они гуськом прошли к торцу и, сняв ласты, стали осторожно подниматься по узкой железной лесенке к распахнувшемуся уже над головами второму люку.

Один за другим перешагнув высокий железный бортик, оказались в обширном помещении, где было совершенно сухо, тепло, светло, а потому и уютно, хотя обставлена была каюта со спартанской простотой: длинный, привинченный к полу стол с такими же стульями да шеренга шкафчиков, куда складывали снаряжение. За столом уже суетился доктор Лымарь (давно заслуживший кличку, но обходившийся без таковой, поскольку с такой фамилией, по общему мнению, кличка как-то не особенно и нужна), расставлял кружки с горячим чаем, высыпал из пакета плитки шоколада, пачки печенья – все, как полагается после долгого погружения.

Капитан-лейтенант Самарин смирненько сидел в углу стола, поблескивая своим знаменитым пенсне, из-за которого и получил меж своих кличку Лаврик – в память о заклеяменном историей и лично Никитой Сергеевичем Лаврентии Палыче Берия. Вообще-то, зрение у

Самарина и в самом деле требовало подспорья в виде парочки диоптрий, однако общественное мнение справедливо считало ветхозаветное пенсне легоньким выпендрежем, а потому не могло не отразить сие в соответствующей кличке. Почему «Лаврик», а не, к примеру, «Чехов»? Для любого посвященного вопрос снимался сам собой: свои-то знали, что капитан-лейтенант имеет честь представлять здесь вовсе не изящную словесность, а контрразведку флота...

Лаврик, как уже отмечалось, сидел смирненько и с вопросами не лез, соблюдая ту самую неписаную традицию, которая давным-давно зафиксирована в русских сказках: сначала накорми-напой, а потом вопросы задавай... Терпеливо ждал, пока они, старательно обтершись полотенцами, хрустели печеньем и чавкали шоколадом, запивая все дегтярного цвета чаем. Ну, а когда налили по второй, этикет уже и позволял любопытствовать...

– Как успехи? – спросил Лаврик нейтральным тоном.

Ему было легче всех, если откровенно, – чуть ли не единственный здесь, кто не зависит от конкретного результата. Сиди себе, озаботясь контрразведывательным обеспечением операции, и точка. А если учесть, что зловещие иностранные шпионы пока что не беспокоили, поневоле вспоминалась фразочка из богомоловского романа о принципиальной разнице меж медведем и особистами. Топтыгин спит только зимой, зато особисты – круглый год... Если империалистические разведки так и не протянут свои блудливые щупальца, всегда можно изобразить в отчете дело так, будто это ты их распугал, заранее и предварительно.

Хотя, по большому счету, Лаврик был парень не вредный, а это большой плюс, когда речь идет об особисте... Замполита и одного хватает выше головы.

– А черт их знает, – сказал степенно Морской Змей, опустив в ладонь капитан-лейтенанту Мазурову находку. – Вот тут Кирилл выкопал что-то, какую-то хренотень...

Лаврик присмотрелся – в обществе заглядывавшего ему через плечо Лымаря, ничуть доктору не препятствуя проявлять любопытство. Лымарь был свой, украшенный допусками и подписками, как барбоска блохами, при нужде мог и спуститься под воду, хотя, конечно, и не с той сноровкой, что остальные.

При электрическом свете находка выглядела гораздо более убого, нежели под водой. Словно защищая ее от невысказанного пока вслух поношения, Мазур поторопился пояснить:

– Я вон там, справа, поскреб ножом... Вроде бы буквы.

– Это точно, что вроде бы, – задумчиво кивнул Лаврик. – Вроде и «Р» латинское, вроде и «С» латинское... и как бы там ни было, под водой эта штука пролежала долго, а? Ишь обросла... Доктор, можешь что-нибудь изобрести, не вмешивая ученый мир?

– Запросто, – сказал Лымарь. – Подручными средствами. Если это медь, мы ее в кефирчик, а если другой какой металл – тогда его уксусом пользительно... Давай сюда, пойду поэкспериментирую. Я так понимаю, это срочно?

– Не обязательно, – загадочно ухмыльнулся Лаврик. – Вполне сойдет, ежели через часок проявятся первые результаты.

Морской Змей резко поднял голову, уставился на него:

– Это почему? Старик требует результаты как можно быстрее...

– Друг мой, я вам когда-нибудь давал хреновые советы? – вкрадчиво поинтересовался Лаврик. – Вот видите... Сейчас я вам категорически советую о находочке доложить не в начале разговора, а где-нибудь ближе к концу...

– Это почему?

– А потому, собрат по званию, что Старик первым делом всерьез собирается вам всем учинить прежестокый втык с последующим распубликованием в приказе по лейб-гвардии... Нет, серьезно. Дракон ведет себя так, что свою кличку полностью оправдывает: третью люстру в каюте дожевывает... Ох, вынырнут, бает, эти водоплавающие, ох и вставлю я им извращенным образом...

– Это за что?

– Вам виднее, сударь мой, – развел руками Лаврик с видом крайнего простодушия. – Поройтесь в памяти и срочно вспомните, за что вас могут... извращенным образом. Я в ваши внутренние дела не посвящен, я как-никак советский контрразведчик, не царский жандарм с его негласною агентурою.

– Самарин, не вредничай...

– Честное слово, без понятия. Меня самого, по некоторым признакам, ждет та же процедура. Единственная догадка, на кою меня наталкивает профессиональное чутье, – не обошлось здесь без отдельных товарищей, облеченных, так сказать, особым доверием партии и правительства...

– Ах, во-он оно что... – убито протянул Морской Змей.

– Да уж очень похоже.

– Затрахал...

– Должность такая, – философски заключил Самарин. – В общем, кто предупрежден, тот вооружен. Усекли? Да, кстати, в дополнение к

печальному есть и приятное, с некоторых точек зрения, известие. Пока вы плавали, радист перехватил одну буржуинскую станцию... Мао Цзе Дун помер. Вчера.

– Ну ничего себе, – с чувством сказал Морской Змей. – А мне-то он бессмертным казался. С тех пор, как себя помню, Мао был на слуху. Насчет положительного смысла я, откровенно говоря, плохо и вспоминаю, зато в отрицательном столько склоняли... Погоди, он с какого года?

– С девяносто третьего.

– Семь плюс семьдесят шесть... Нехило.

– Ага. А уж в Поднебесной сейчас веселуха...

Ненадолго воцарилось молчание. Все хлебали приостывший чай, старательно оттягивая неизбежное, торжественную порку, как выразился бы бравый солдат Швейк. Один Самарин, не проявлявший желания гонять чай, ритмично барабанил по уголку стола и тихонько напевал под нос:

Русский с китайцем братья навек,
крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
с песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас.
Москва-Пекин, Москва-Пекин,
идут, идут вперед народы.
За светлый труд, за прочный мир
под знаменем свободы...

Один бог ведает, где Лаврик эту совершенно забытую песню откопал, – он был всего года на три старше Мазура, а следовательно, рос во времена, когда ее, по выражению классиков фантастики, высочайше запретили к распеванию. Должно быть, род занятий давал доступ к самой разной информации...

– Короче, – сказал Лаврик, оборвав нудящее пенье. – Поступим согласно золотому правилу бывалого солдата: сначала молча и покорно получим сполна фитиль в задницу, а потом уж вспомним, что сегодняшней поиск принес-таки некоторые результаты. Как совершенно справедливо заметил Штирлиц, запоминается последняя фраза...

– Возможно, это никакие не результаты...

– Эта хреновина больше всего напоминает комок монет, судя по минерализованной поверхности пролежавших под водой чертову уйму

времени. Еще не факт, что они непременно связаны с нашим объектом... но ведь это первая находка. До сих пор вы ничего вообще не находили. Резон?

– Резон, – без особой радости в голосе согласился Морской Змей. – Ну, вы долго еще наливать будете? Чай – не водка, много не выпьешь... Пошли?

Он шумно отставил эмалированную кружку и поднялся первым. За ним поневоле потянулись остальные.

– Мао, конечно, как был прохвостом, так и остался, – сказал сзади Лаврик. – Нет бы ему подождать еще годик, загнулся бы аккурат к шестидесятой годовщине Великого Октября, хорошо бы помер, полезно, агитационно. А он и тут свинью подложил напоследок...

Его идеологически выдержанное замечание никто не стал комментировать. Вереницей они вышли в соседнее помещение, представлявшее собою на посторонний беглый взгляд самую обычную каптерку, порученную заботам крайне хозяйственного боцмана, где на покрашенных стеллажах в образцовом порядке лежала всякая необходимая на корабле всячина, от аккуратных бухточек тонкого каната до фонарей «летучая мышь» и ящичков с сигаретами «Прима». Подтянутый матросик из палубой команды как раз возился у одного из стеллажей, что-то там поправляя-перекладывая.

Конечно, матросик был не матросик, а Лавриков подчиненный в лейтенантском звании. Мнимая каптерка служила таким тамбуром для входа в самое засекреченное местечко «Сириуса», изолированный отсек, откуда незаметно для всего окружающего мира можно было выпускать в море аквалангистов, а потом принимать оных на борт. Большая часть команды и настоящих ученых (были на борту «Сириуса» и такие), конечно же, прекрасно знала, что к чему, знала, что в носовой части корабля есть помещеньца, о которых следует помалкивать даже наедине с собой перед зеркалом, – но, во-первых, весь этот народец был намертво опутан всевозможными подписками и проверен на сто кругов, а во-вторых, деталей, разумеется, не знал. Что там делают загадочные молодые люди самого штатского облика – лучше не вникать, а то в два счета станешь невыездным со всеми вытекающими последствиями. В каптерку посторонним вход воспрещен (о чем снаружи гласит соответствующая табличка на двери), да если и попадет туда посторонний, долгонько ему придется искать замаскированную дверь, не говоря уж о том, что без знания шифра замок ни за что не откроешь...

Чтобы попасть на ют^[1], пред светлы очи Дракона, пришлось пройти через шлюпочную палубу, где их ждала не особенно приятная встреча.

Товарищ Панкратов, замполит (официально, само собой, числившийся третьим помощником капитана), как раз там и пребывал, восседал в напряженной позе на раскладном стульчике, старательно позируя седовласому художнику, прихваченному в рейс из Ленинграда. Художник был не то чтобы светило, но все же достаточно известный, маститый и отмеченный званиями-наградами. Что весьма немаловажно, маэстро был одним из немногих, кто вообще не подозревал об истинном лице «Сириуса» и половины его обитателей, витал себе в эмпиреях, откуда его, понятно, никто не торопился спускать. Очень уж идеально он придавал экспедиции должную респектабельность...

Так они и сидели – маэстро упоенно возюкал кистью, замполит застыл в оцепенело-монументальной позе. Почему выбор мастера кисти пал на него, понять нетрудно: Панкратов, надо отдать ему должное, был чрезвычайно плакатен и фотогеничен, с красивой проседью на висках и физиономией старого полярного волка. Увы, никто не удосужился (да и права такого не имел) растолковать художнику, что сей благообразный субъект всю свою сознательную жизнь протирал форменные брюки в политотделах военно-морского флота аж с сорок четвертого года, когда оказался в рядах, и все его награды (планки носил постоянно, а как же), вроде бы свидетельствовавшие о славном боевом пути участника Великой Отечественной, отхвачены исключительно на берегу, а в море он выходил, по точным данным Лаврика, три раза в жизни, включая нынешний рейс...

Они вереницей прошли мимо, стараясь не встречаться с замполитом взглядами, – а тот, наоборот, взирал на них прямо-таки с отеческой добротой и заботой, от чего еще сильнее хотелось смазать ему по сытой физиономии. К сожалению, мечта была насквозь несбыточная, Мазур это отчетливо понимал, как-никак не первоклассник уже...

Дракон ждал их в кают-компании, пробурчал что-то, указывая на стулья, и, пока они неспешно рассаживались, без всякого нетерпения наблюдал за ними, сохраняя на широкой обветренной физиономии настоящего, неподдельного морского волка крайне удачную имитацию полнейшего равнодушия. Словно созвал поболтать о пустяках. Хреновые были симптомчики, товарищи офицеры... Успели уже привыкнуть к отцу-командиру и узнать, что предвещает то или иное выражение лица...

Вот у Дракона, в отличие от Панкратова, на груди могучей не красовалось ни единой ленточки, хотя регалий имелось раза в три побольше, нежели у замполита. Показная скромность тут ни при чем – просто-напросто нельзя было человеку выступать в роли капитана мирного исследовательского судна Академии наук СССР, имея на груди такой

иконостас. Понимающий наблюдатель с той стороны мог с одного взгляда понять, что к чему, почувствовать неладное. Вот и пришлось нашему Дракону оставить в одном из сейфов Главного штаба не только регалии, но и планки...

Если по большому счету, Дракон был легендой. Начинал еще в знаменитом ЭПРОНе, потом стал одним из первых боевых пловцов – и в смысле заслуг, и в смысле хронологии. Временами Мазур добросовестно пытался себе представить, как это – быть одним из первых, но получалось у него плохо, точнее, не получалось никак. Все равно, что представить себя братьями Райт, Уточкинским или Гагариным. Принципиально непредставимо – какой из тебя, к свиньям, Уточкин, не говоря уж о Гагарине?

– Располагайтесь, товарищи офицеры, – сказал Дракон голосочком, который старательно пытался сделать медовым. – Никому из форточки не дует? Пардон, я и запамятовал, какие у иллюминаторов форточки? Сдавать стал старик, на берег пора, на лавочку, в домино стучать...

Они обреченно сгорбились – и эти симптомчики были прекрасно известны...

– Ну, как служба? – поинтересовался Дракон, помаленьку наливаясь багровым румянцем от прямых, коротко подстриженных височков до воротника форменной рубахи. – Как оно, ничего? Что молчим? Старший по званию вам задает прямой вопрос... Старший лейтенант Мазур?

– Так точно, – сказал Мазур.

– Что – так точно? – ласково-грозно поинтересовался Дракон.

– Виноват... – пробормотал Мазур, окончательно потерявшись и в очередной раз поняв, что Дед, не начав еще разноса, размазал его по подволоку.

Настала такая тишина, что слышно было, как по столу ползает парочка заходящих бактерий.

– Вашу мать! – рявкнул Дракон. – Бабку вашу вперехлест через клюз и трипперного осьминога ей в жопу сапогом утрамбовать! – Вслед за тем он запустил такую руладу, что никто из присутствующих, пожалуй что, не сумел бы с первого раза запечатлеть ее на бумаге. Немного успокоившись, помолчал, обвел всех колючим взглядом и на полтона ниже поинтересовался: – Что это у вас, хорошие мои, уши в трубочку свернулись? Хлипкий нынче офицер пошел, одно слово – мирного времени, продукт разрядки и факультативных курсов по эстетике... А по-простому-то говоря, якорь вам в жопу... И плевать, что не влезет... – Окончательно успокоившись, он обвел всех взглядом вторично, слева направо и справа

налево, почти нормальным голосом спросил: – Хлопцы, вы что, от теплого моря и отдаленности Отечества помаленьку умом поплыли? Делать вам нечего? Дети малые? Два капитан-лейтенанта, восемь старлеев... Уж извините за пошлую, заигранную банальность, но на фронте в ваши годы командовали кто полком, кто кораблем... Охерели?

Кому-то предстояло вызвать огонь на себя. Мазур решился – не из отваги, а главным образом оттого, что неизвестность смотрелась даже грознее громовой выволочки. Он, стараясь не опускать глаз, спросил:

– Товарищ вице-адмирал, что вы имеете в виду?

– Гондон, – сказал Дракон. – Товарищ старший лейтенант, это я не вам характеристику даю, а отвечаю на поставленный вами вопрос. Гондон я имею в виду. Каковой кто-то из вас, вместо того, чтобы использовать по прямому назначению или, на худой конец, в качестве жевательной резинки, пользнулся сами знаете как...

Мазур все же отвел взгляд, философски уставясь в потолок. Операция была проведена безукоризненно: импортный презерватив, в каковой залили не менее ведра воды, с превеликим тщанием, словно антикварную стеклянную вазу, транспортировали в каюту Панкратова и разместили, прикрыв простынкой, так, что со стороны это было совершенно незаметно. Многие знали, что у Панкратова есть привычка плюхаться на койку с маху, рывком... Вот и плюхнулся. Со всеми вытекающими, простите за невольный каламбур, последствиями.

– Чья работа? – сварливо спросил Дракон. – Всехная? Или терпилу назначили, который героически будет за всех отдуваться? – Он помолчал. – Нет, не объявляется терпила... Круговую поруку лепите?

– Разрешите, товарищ вице-адмирал? – рассудительно сказал Лаврик. Ему было чуточку легче, он, в отличие от остальных, все же не напрямую подчинялся Дракону. – Мне ваша позиция представляется несколько странной. Почему-то на роль подозреваемых в сделанной замполиту пакости вы в первую очередь назначили именно офицеров советского военно-морского флота. Боже упаси, мне по рангу не приличествует делать вам замечания, я просто хочу отметить некоторую странность такой точки зрения. Может создаться впечатление, что вы считаете, будто советские офицеры как раз и являются теми, кто в первую очередь готов делать пакости заместителю командира по политической...

– Засунь язык в жопу, – ласково посоветовал Дракон.

Лаврик его просьбу, разумеется, не выполнил, но замолчать замолчал.

Нагнувшись к нему, Дракон с ухмылочкой протянул:

– Сыночка, ты мне такое не лепи. У нас на дворе семьдесят шестой

год, а не кое-какой предшествующий. Хоть и нацепил ты пенсню, а до абакумовских особистов тебе – как до Китая раком. Они волчары были, хоть и суки, а волчары, потому как не только подводили народ под петлю, но и сами под петлей ходили каждодневно, а это в людях воспитывает нешуточный профессионализм. Ты, сынок, супротив них, уж прости, бледная спирохета...

– Вы меня неправильно поняли, – сказал Самарин. – Я просто хочу сказать, что не следует заранее суживать круг подозреваемых... На корабле пятьдесят пять человек, считая и команду, и научный состав. Если рассудить, капитан второго ранга Панкратов мог вызвать к себе повлекшие... эксцессы, неприязненное отношение не обязательно у присутствующих здесь. Учитывая склонность означенного кавторанга к тесному общению с женским полом и проистекающие отсюда на замкнутом пространстве коллизии...

– Все сказал?

– Все.

– Умен ты, сынок, а глуп, – сообщил Дракон. – Все ты правильно говоришь, вот только одно совершенно упускаешь из виду: товарищ Панкратов писать будет не касаясь команды или научного состава. На это у них свои есть... замполиты. Писать товарищ Панкратов будет касаясь присутствующих. А писать он умеет кудряво, поверь старику... – Он вздохнул. – Ребятки, вы что, и в самом деле от заграничной экзотики малость охренели? Позабыли, что все ваши действия сопровождаются, помимо прочего, ворохом бумаг? А эти бумаги, между прочим, люди внимательно читают, поскольку деньги им как раз за это и платят. А то и звезды дают, вплоть до лампас. И за чтение, и за реагирование на сигналы. – Он говорил тихо, с расстановкой. – Ребятюшки, неужели вы в самом деле считаете себя суперменами? Супермен – это персонаж разложившейся буржуазной культуры... как там дальше, Самарин? Ты ловчей меня сплетишь... В общем, поняли, о чем я. Вот, к примеру, старший лейтенант Мазур. Каковой о себе отчего-то возомнил, что является Колумбом и Дрейком в одном лице. А никакой он не Дрейк, не говоря уж о Колумбе. Дзержинку кончил? Так все кончали. Во Вьетнаме понырял? Так многие ныряли... к тому же во Вьетнаме ты, товарищ старлей, строго говоря, не работал, а купался, что несет непонятные непосвященным нюансы... а?

Мазур кивнул, не поднимая глаз. Многие слова в их узком кругу, как частенько бывает, носили иной, непонятный непосвященным смысл. «Работал» – это значит, вступал под водой в активный контакт с... ну,

скажем, с потенциальным противником. Грубее говоря, резался под водой с такими же, как сам, подводными хамами, убивал их насмерть, чтобы они тебя не убили. А ежели «купался», это означает, что твоя подводная деятельность протекала без непосредственного контакта с противником. Пусть даже тебя, как собаку, гоняли на боевых катерах и вертолетах, глушили гранатами, как рыбу, и в любой миг могли отправить к Нептуну. Все равно – «купался»...

– Вот... – продолжал Дракон. – Даже не работал, а купался. Ну, искупнулся неплохо. «За боевые заслуги» имеешь, вьетнамское что-то там в придачу... Так это – у многих. Вот и все твои свершения на сегодняшний день, старлей. Ну, у этого, – он ткнул пальцем в сторону Морского Змея, – дела обстоят несколько авантажнее. И поработал пару раз, и орден в придачу к паре медалей... Но все равно, хорошие мои, со столь куцым послужным списком вы еще котенки. И ежели один старательный службист отпишется, а другой на его писюлюотреагирует, сверкать вам вашими медальками где-нибудь на малом сторожевом корабле Северного флота. А тебе, – он кивнул в сторону Лаврика, – обеспечивать безопасность мореходства в Певеке или Игарке... Вбейте это себе в башку. И не думайте, что старый хрен вам чересчур уж мрачные картины рисует. И не таким орлам бумажки жизнь калечили. А вы... Гондон с водой... Дети малые... Он ведь на вас может качественно отоспаться, если не уйметесь. Ребята, я вам добра желаю...

Если бы он рычал, брызгал слюной, колотил кулаком по столу, все смотрелось бы гораздо несерьезнее. Но от его тихого, усталого голоса веяло чем-то настолько мрачным и непреложным, что Мазуру поневоле стало не по себе, словно лежал на рельсах перед яростно грохочущим поездом и знал, что отползти не успеет. Он поник на стуле. Стояла тишина.

– Я вам добра желаю, обормоты...

Мазур решил, рывком поднял голову:

– Можно рассказать абстрактную притчу?

– Ну-ну? – поднял бровь Дракон.

– Человек идет с другом и девушкой в кино. Здесь, в городе. Получив законное разрешение на выход в город. Фильм, между прочим, не шедевр, но под категорию идеологических диверсий никак не попадает, его в Союзе скоро будут крутить, я сам в «Советском экране» читал. И тут появляется... некто. Орет, как на мальчишку, и происходит все это посреди улицы, никто из местных не понимает ни слова, но все равно... Он, видите ли, сомневается в полной идеологической чистоте сего фильма, а потому на всякий случай не рекомендует посещение кинотеатра, которое вдобавок

может быть неправильно истолковано... Ну, и разное прочее... Полный набор.

– Ага, понятно, – кивнул Дракон. – С Ирочкой был, что ли? Ну, ладно, ладно... Ну и что? Плюнь на дурака. Козырни, поблагодари за науку, кружным путем обойди пару кварталов, а потом отправляйся на другой сеанс. А ты – гондон с водой... Знали б вы, что там про вас понаписано... Гонор у них, видите ли, разыграл. Орелики, в нашем мире столько идиотов, что ежели собачиться с каждым, жизни не хватит. А уж собачиться с тем, у кого больше звезд, весьма даже чревато...

– Что, позволять в лицо плевать? – угрюмо спросил Мазур.

– Ну, уж так-то не стоит... Дипломатом надо быть. Учитывать сложности жизни и военной службы – так оно будет точнее. А вы, краса особого отдела? – уставился он на Самарина. – Вы-то что себе позволяете? Ну, снимают на здешних очаровательных ландшафтах кино какие-то португальские французы или бельгийские итальянцы... И пусть себе снимают. Какой вас черт дернул лезть и брать автограф у актрисы?

– Все брали, – пожал плечами Лаврик.

– Все – это все, а вы, сокол мой, – советский офицер. И, между прочим, контрразведчик. Они же не мультяшки там снимают про волка с зайцем, а самую натуральную порнографию. Известный на гнилом Западе порнографический сериал «Эммануэль». Вот, почитайте на досуге, – он хлопнул уграбистой ладонью по стопе газет. – Вот вам орган Союза писателей СССР, «Литературная газета». Изучите как следует статью советского писателя Василия Аксенова – он, помимо прочего, и этот сериал выводит на чистую воду, и эту вашу, как ее там, Сильвию Кристаль. Она в порнографии снимается, а вы ей блокнотик для автографа суете. Уж вам-то насчет идеологической выдержанности следовало бы помнить.

– Он что, и меня заложил? – мрачно поинтересовался Лаврик.

– Товарищ капитан-лейтенант, не «заложил», а вовремя по инстанциям просигнализировал. Бумажки – оне подшиваются...

– Во-от кстати! – Лаврик несколько театрально хлопнул себя по лбу, распахнул папочку из кожзаменителя. – Товарищ вице-адмирал, я и забыл о своих прямых обязанностях... Тут у меня оформленный должным образом рапорт, в рамках контрразведывательного обеспечения операции. Рутинка, конечно, однако каждая бумажка подшивается... Короче говоря, восемь дней назад капитан второго ранга Панкратов, находясь в городе, продал хозяину ресторанчика «Викторьез» две бутылки водки «Столичная» и четыре баночки черной икры вместимостью пятьдесят граммов каждая, за что получил некоторую сумму денег, конкретно – в фунтах стерлингов.

Точная величина суммы в настоящий момент выясняется оперативным путем, но вряд ли это так уж существенно: главное, действия капитана второго ранга Панкратова самым беззастенчивым образом нарушают строгие предписания, перечень коих в моем рапорте приведен. Как вы совершенно справедливо заметили несколько минут назад, есть люди, обязанные реагировать на сигналы, в особенности когда речь идет о членах экспедиции, подобной нашей...

Несколько мгновений Дракон ошарашенно таращился на него, потом, прямо-таки взвизгнув от избытка чувств, хлопнул себя по колену:

– Н-ну, Самарин... Дезу не шьешь?

– Товарищ вице-адмирал! – с видом оскорбленной невинности возопил Лаврик. – Повторяю, речь идет об оперативных данных, добытых с использованием местных источников. Название ресторанчика, имя хозяина, время и место – все полностью соответствует истине. Семьдесят шестой год на дворе, а не какой-то предшествующий... Прошу, – он широким жестом протянул бумагу Дракону. – Нужно будет подшить согласно заведенному порядку, по инстанциям отправить...

Мазур мысленно оскалится – мстительно, недобро. Приходилось признать, что Лаврику они все должны как минимум литр. Конечно, он и себя, любимого, вытаскивал, не такой уж он альтруист, но все равно удачно получилось. Минус на минус дает плюс. Этой бумаженцией Панкратова можно будет заткнуть надолго. Что бы он там про них ни понаписал, Лаврикова «телега» – вещь не в пример серьезнее. Не за то вора бьют, что украл, а за то, что попался.

– Ловко, – с ухмылочкой констатировал адмирал. – Ну, при таком раскладе, думается мне, сведем ситуацию к нулю. Поговорю с товарищем, объясню возможные последствия... Но вы у меня смотрите, кончайте выделяться. Один раз соскочили с карающего органа, в другой раз может и не пройти... Усекли? Всерьез усекли? – И он подпустил в голос того самого командного металла, ясно давшего понять, что малейшая несерьезность неуместна: – Поняли, я вас спрашиваю?

Они молча закивали с приличествующими случаю физиономиями. Мазур понимал: дело и впрямь обстоит крайне серьезно, ребятки тоже это просекли. Но все равно во рту остается явственный привкус дешевого мыла. Не нашкодившие школьники, в конце-то концов, даже не провинившиеся курсанты. Офицеры, которым Родина доверила серьезную работу и государственную тайну. И тем не менее следует постоянно подыгрывать Панкратову по его правилам. Может, и не унижительно, но безусловно неприятно...

– А самое главное я и забыл сказать, товарищ вице-адмирал, – после хорошо продуманной паузы произнес Лаврик. – Ребята нашли на дне что-то, крайне смахивающее на кучку монет, Лымарь их сейчас керосином драит...

– Вот с этого и следовало начинать! – сварливо рявкнул Дракон.

– Где же, когда пошли такие разносы... Обо всем забудешь. Начальство, когда оно тебя разносит, перебивать не положено.

– Точно тебе говорю, далеко пойдешь, – хмыкнул Дракон, снимая увесистую трубку внутреннего телефона.

Лымарь появился через минуту, гордо неся перед собой на плоском фарфоровом блюдечке три кружочка. Пояснил, не дожидаясь вопросов:

– Крайние удалось отколупнуть и кое-как обработать, остальные так пока комком и лежат, часика через полтора отмякнут...

Он звонко плюхнул блюдечко на стол, и все присутствующие, не особенно обращая внимание на субординацию, едва ли не стукнулись лбами, сдвинув головы над тусклыми кружочками. Мазур хорошо рассмотрел профиль человека с жирными щеками и лавровым венком на голове.

– Точно! – ликующе воскликнул Лаврик. – Георг Третий! Две полкроны, серебряных, золотой в полгинеи! Семьсот семьдесят первый... эта тоже... а эта – семьдесят третий. Мне при подготовке так вбили в голову все картинки, аверсы, реверсы, разновидности, что я, наверное, и спросонья на ощупь фартинг от кроны отличу... Все соответствует. Как раз хватило бы времени, чтобы монеты попали сюда в карманах у морячков...

– Не спеши, – сказал Дракон задумчиво. – Дырочку для ордена нужно вертеть не заранее, а только после вручения... То, что время соответствует, ни о чем еще не говорит. Английских, как и прочих кораблей здесь ходило немеренное количество. И то, что именно эта кучка – с «Агамемнона», еще не факт... Где нашли?

Морской Змей старательно показал на огромной карте.

– Вообще-то, приблизительно соответствует заданному квадрату, – констатировал Дракон. – Но в том-то и дело, что – приблизительно.

– Точного места вообще никто не знает.

– Ну, я и говорю... – Адмирал встряхнул блюдечко, так, что монеты жалобно брякнули. – Ладно, отнесемся к этому спокойно. Не будем бросаться в любые крайности. Это может оказаться и «Агамемнон». С тем же успехом монеты могут происходить с борта французского или индийского пирата, который где-то грабанул англичанина и вытряс карманы. Будем искать дальше... Да, я же вам не сказал. Судно уходит на

стоянку, пару дней проведем в порту. Топливом заправиться, водички подлить и все такое прочее. Черт с вами, в город я вас и на сей раз выпущу, можете поглазеть на экзотику и пропустить баночку пивка... но если кто-то хоть один опять влипнет в историю, пусть и пустяковейшую, вся банда надолго останется без берега. Уж если вы мне суете круговую поруку, я вас таковой же повяжу, и не благодарите старого садиста, не за что... Вопросы есть? Вон Мазур что-то рот многозначительно разевает, как та рыбка из детского стишка... Ну?

– Товарищ вице-адмирал... – медленно сказал Мазур. – А что, если фрегат все-таки булькнул в батиаль?^[2] Мало ли куда его могло забросить штормом... Я не говорю, что надоело работать, боже упаси, просто задумываешься иногда: не пустышку ли тянем?

– Резонно, – подумав, сказал адмирал. – Судя по лицам, наш юный старлей выразил общее мнение... Да? Ну что ж, вопрос, конечно, резонный. Место утонутия никому толком не известно, корабль мог и в батиаль булькнуть, и на абиссаль уйти... Только решать тут не нам, коли уж командование приказало копать канаву от забора и до заката, то выполняться приказ будет в точности. Там, – он ткнул в потолок толстым пальцем, – решат. Когда надо. От нас в данном случае ничего не зависит. – Он придвинул к себе блюдечко, поколупал ногтем лик незадачливого короля Георга. – Ишь, в лавровом листе, а ведь Америку просрал, токарь несчастный... Ладно, господа офицеры, я вас больше не держу. Грядите себе и постарайтесь употребить личное время с пользой, без всяких там презервативов, х-ха...

Оказавшись на палубе в достаточном отдалении от адмиральской каюты, Лаврик сообщил:

– Вода водой, горючка горючкой, но есть, други, еще одна причина. Послезавтра, как вам должно быть прекрасно известно, день рождения Владимира Ильича Ленина, и к здешнему монументу будет торжественное возложение венков. Советую побриться и отыскать комсомольские значки, ибо мы туда потопаем всем коллективом.

– Ну, ничего себе, – грустно сказал Мазур. – А я свой оставил в Ленинграде, вместе с пожитками...

– Я свой вообще потерял, – грустно признался Волчонок. – Остался, правда, знак ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть», но он, как у Кири, на базе, да здесь его все равно надеть нельзя было бы – кто позволит так светиться... Хорош мирный океанолог со значком «За воинскую доблесть»...

– Вот вечно я за вас отдувайся... – покрутил головой Лаврик. – Ладно,

у меня чисто случайно с собой оказалась... горсточка. Спецфонд для проведения агитационной работы среди местного населения, – поторопился он добавить с ханжеским видом. – В общем, на всех хватит.

Мазуру это известие показалось крайне интересным, он раза два видел в городе, на лотках у торговцев сувенирами, и пионерские значки, и комсомольские. Однако свои догадки, даже окажись они правдой, следовало держать при себе: Лаврик, в общем, был свой мужик, неплохой, не то что Панкратов... Пусть себе фарцует помаленьку, может, ему это в контрразведывательных целях потребно. Самому бы что-нибудь толкнуть, на жалкие суточные Ирину только в кино и сводишь, но ничего не догадался прихватить, а ведь советовали бывалые, неоднократно загранику посетившие. У самого-то опыта – один Вьетнам, братская державочка, где фарцовка символикой особенно не поощряется...

Ребята ушли, а он задержался на палубе, за спиной у седого маэстро, клавшего на цветной портрет Панкратова последние, вовсе уж микроскопические мазочки, должно быть, весьма необходимые. Сам Панкратов уже убрался, и Мазур оказался с художником тет-а-тет.

Идея пришла неожиданно и после короткого размышления показалась гениальной. Похихикивая мысленно, Мазур деликатно кашлянул, чтобы обратить на себя внимание, как и подобает воспитанному человеку. Потом осведомился:

– Виктор Эрастович, а что вы потом с рисунком сделаете?

– Подарю товарищу Панкратову, он просил, – охотно откликнулся маэстро. – Когда вернемся в Ленинград, устрою выставку, это заранее было обговорено, ну, а потом кое-что раздам, так сказать, натурщикам... – Он уставился на Мазура хитрым птичьим глазом. – А не хотите ли вы, милейший, у меня выпросить рисунок некоей молодой особы?

«Господи, и этот в курсе», – мысленно охнул Мазур, опасаясь, что покраснел. И произнес как можно равнодушнее:

– Я об этом не думал, но мысль неплоха... В самом деле. А я вам красивую раковину раздобуду, идет?

– Согласен. Благо молодая особа судьбу рисунка не оговаривала...

– Но дело, собственно, не в этом, – сказал Мазур. – Я вот подумал, глядя на портрет нашего героического товарища Панкратова... Знаете, он по скромности натуры постеснялся вам сказать, не хотел утруждать излишне...

– А в чем дело? – заинтересовался маэстро.

– Понимаете ли, Виктор Эрастович, – задушевно сказал Мазур, – есть у моряков среди прочих и такая устоявшаяся традиция: они чертовски

любят, чтобы их портреты были украшены, ну, скажем, сигнальными флагами... Вот здесь, к примеру, – он осторожно провел пальцем над портретом, – совсем неплохо смотрелся бы флагшток с полудюжиной флагов...

– Думаете?

– Уверен. Сам Панкратов ни за что не попросит, он деликатный, но могу вас заверить, ему очень понравится...

Седой смущенно признался:

– Знаете, Кирилл, я ведь совершенно не разбираюсь в этих ваших сигнальных флагах...

– Большое дело! – фыркнул Мазур. – Хотите, подскажу в минуту?

– Обязете, голубчик...

– Значит, так, – воспрянул душой Мазур, видя, что розыгрыш прекрасно удастся. – Можно карандашик и этот вот листок? Это, как легко догадаться, Панкратов. Вот так, косо, идет у него за спиной флагшток. Шесть флагов, смотрите и запоминайте. Сначала – прямоугольный, красный с желтым крестом... вот так, у меня коряво получается, но вы улавливаете, а? Отлично. Теперь – снова прямоугольник, желто-синий, нет, полосы вертикальные, третий – треугольный, желто-красный, здесь цвета – по горизонтали, потом... Самый последний чуть посложнее остальных... Улавливаете?

– Большое дело! – беззлобно передразнил его маэстро. – Мы это сделаем не откладывая, в минуту...

Стоя у него за левым плечом, Мазур испытал нешуточное удовольствие, глядя, как в соседстве с красивой проседью товарища Панкратова возникают шесть сигнальных флагов. Все они были буквенные, сиречь обозначали ту или иную букву алфавита и согласно «Военно-морскому своду сигналов СССР» именовались следующим образом: «Яко», «Покой», «Иже», «Земля», «Добро», «Аз». Любому понимающему человеку достаточно беглого взгляда – и товарищ Панкратов опозорен навсегда. Подобные истории незамедлительно попадают в морской фольклор и надолго в него впечатываются, особо удачные шутки и розыгрыши поминают долгие года, они перепархивают с флота на флот, от Балтики до Курил, обрастая смачными подробностями, сочиненными уже самими рассказчиками...

Главное, виновник небезобидной шутки так и останется безнаказанным. Панкратов, моряк исключительно по названию и форме, в сигнальных флагах не разбирается совершенно, как и в большинстве других морских реалий. Много воды утечет, прежде чем этот портрет

окажется у него на стенке, да и потом еще не скоро отыщется кто-то, умеющий читать флаги, – общается Панкратов, надо полагать, с такими же береговыми крысами. Но рано или поздно кто-то понимающий определит, что к чему, вот только Мазур к тому времени окажется вне пределов панкратовской мстительности, это уж точно. Хорошая месть, право, есть в ней что-то от коварной изощренности Востока... Мазур был доволен собой.

На всякий случай следовало покинуть место преступления. Он перешел на шлюпочную палубу, встал у металлического планшера и, бездумно улыбаясь, смотрел на море, искрившееся мириадами солнечных зайчиков. «Сириус» уже шел к далекому острову Баэ, еще в незапамятные времена прозванному Райским.

Как не впервые уже, старший лейтенант Кирилл Мазур испытал приятно возбуждавшее чувство причастности к государственным тайнам. Мало кто из адмиралов был в эту тайну посвящен, а вот старший лейтенант Мазур знал все или почти все, потому что оказался среди тех, без кого в данный момент не обойтись...

Двести с лишним лет назад, в семьсот семьдесят четвертом, британский военный фрегат «Агамемнон», следуя из Индии в метрополию, был застигнут штормом где-то в здешних местах, близ Ахатинских островов (к тому времени уже лет тридцать как отобранных англичанами у оплошавших французов), и, таково уж было его невезение, пошел ко дну едва ли не со всем экипажем. Шлюпки с оставшимися в живых то ли разбило на безлюдных атоллах, коих в этих местах и сейчас множество, то ли потопило тем же ураганом. Как бы там ни было, никто не спасся.

История, в общем, банальная для любого океана, но в том-то все и дело, что «Агамемнон» вез из Индии захваченные там огромные ценности, заключавшиеся главным образом в золоте и драгоценных камнях. И то, и другое, как известно, может без всякого для себя ущерба пролежать на морском дне хоть тысячу лет, нимало не утратив ценности, наоборот, лишь увеличив таковую. А стоила вся эта музыка, как выразился Дракон вслед за Остапом Бендером, миллиончиков тридцать долларов. По нынешним ценам.

Конечно, далее начинались многозначительные неясности и умолчания. Мазуру, понятное дело, вовсе не полагалось знать иных подробностей. Как вышло, что сведения о приблизительном месте катастрофы и грузе попали не к потомкам адмирала Нельсона, а в Главный штаб советского военно-морского флота, как вышло, что сами англичане оказались не у дел, Мазур представления не имел, а спрашивать, конечно же, не полагалось. Впрочем, по большому счету, эти подробности и

несущественны. Главное, как было им сказано на инструктаже, ценности до сих пор покоятся где-то на дне, вероятнее всего, в международных водах, а потому любой, кто постарается их потихоньку извлечь, отнюдь не со всех точек зрения может считаться злостно преступившим международное право. Победителей не судят, в конце-то концов, – особенно если победитель проявит похвальную скромность и не станет кричать о своих достижениях на всех углах... И вообще, чем меньше вопросов, товарищи офицеры, тем лучше. Не дети малые, не на портовом буксире службу несете, малость повидали зарубежный мир, кое-что позвякивает на груди, так что высоким доверием облечены не зря. Через левое плечо кругом, отбыть к месту дислокации. Соответствующие подписки взяты давно, но дополнительная не помешает, так что навестите предварительно пятый кабинетик...

Вот только предприятие, казавшееся на Родине чем-то вроде лихого кавалерийского наскока, давно уже обернулось нудным и долгим блужданием под водой, где дни походили один на другой, а находки вплоть до сегодняшнего дня не имели ничего общего не только с «Агамемноном», но и со всем восемнадцатым веком... Таково уж было их цыганское счастье. Остается надеяться, что сегодняшние монеты с незадачливым Георгом эту поганую тенденцию все же сломают. Вдруг да сломают...

Глава вторая

В один английский порт ворвался теплоход...

Глупости, конечно. Никуда они не врывались, ошвартовались вполне чинно и благонамеренно, как и полагалось мирному советскому научно-исследовательскому судну, плававшему под флагом солидного ученого учреждения, Института океанологии имени П.П. Ширшова Академии наук СССР. Да и порт уже одиннадцать месяцев был не английским, а всецело принадлежал новому суверенному государству, Республике Ахатинских островов, снабженному почти всеми атрибутами суверенитета, от президента с парламентом до флага и денег (которым, правда, по старой памяти все еще предпочитали английскую валюту, пока что имевшую хождение наравне). Вот только собственной армии здесь не имелось, но в ней, по рассуждению, и не было особой нужды. Военным флотом, быть может, и следовало обзавестись, но вот бронетанковые силы на островах совершенно ни к чему, как и авиация, любой реактивный истребитель, разгонись он чуточку, моментально выскочит из суверенного воздушного пространства, и хорошо, если не окажется ненароком в мадагаскарском или танзанийском...

Мазур перечитал письмо от Ани вторично, хотя, откровенно признаться, оно этого и не заслуживало вовсе. Если честно, письмо было никакое. Писанное доброму знакомому, и только. Ни «да», ни «нет», вообще ни единого намека на будущий разрыв или, наоборот, освященный ЗАГСом союз, равно как ни тени намека на то, что отправительницу и адресата все же, как ни крути, связывают кое-какие общие воспоминания интимного характера. Парочка дежурных ленинградских новостей, вялый интерес к тому, как проходит служба в загадочной в/ч 25476 (для всего остального мира Мазур сейчас пребывал в командировке где-то на Дальнем Востоке), умеренно-тепловатые пожелания удачи... И все такое прочее. И вновь совершенно непонятно, кто же ты, собственно говоря, такой: жених или отставной любовник. Фотографию прислала, на фоне «зеленого джигита», сиречь Медного Всадника, но вот черкнуть на ней хотя бы пару словечек не удосужилась.

Странно, но Мазур, в общем, не ощутил ожидаемого душевного смятения, равным образом не чувствовал тоски, уныния или чего-то схожего. То ли устал уже пребывать в душевном раздрае, то ли в ответ на все хорошее начал охладевать и сам. Он честно (по инерции, если совсем

честно) попытался вызвать в душе надлежащую тоску. Аня очень уж лукаво улыбалась на фоне «зеленого джигита», очень уж ладненько обтягивал фигурку светлый плащик, да и с теми самыми общими воспоминаниями с маху не расстанешься. Но получалось плоховато. Чересчур уж все затянулось, настолько, что не хотелось ни сердиться, ни тосковать...

Он все же примостил фотографию на столик, рядом с той, где Аня, в красном купальничке, закинула руки за голову, сияя ослепительной улыбкой роковой женщины. Выполнил некую формальность, попахивающую штампом: моряк в дальнем плавании, далекая невеста, которая, очень может быть, и не невеста вовсе... Хотя, когда он представил ее в той же ситуации, но с другим, внутри явственно закипело, но это могло оказаться всего-навсего оскорбленной гордостью бывшего собственника... И ведь мир не рухнет! Как выразился бы любимый писатель, будет другая. Такая же. Или лучше. Какие наши годы? И вообще, когда стану адмиралом, пожалеет по-настоящему, потому что адмиралом я стану отнюдь не в шестьдесят, будем надеяться, гораздо раньше...

В конце концов он решительно спрятал письмо в тумбочку, кое-как запихав его в конверт, покосился на обе фотографии и, вздохнув философски, как и полагалось настоящему мужику, направился к выходу. У самого порога спохватился, вернулся. Надел очки с простыми стеклами, в комплекте с его пушистой шкиперской бородушкой придававшие Мазуру вид заправского молодого доцента, этакого вундеркинда от науки. Приказы не обсуждаются. Именно его физиономию куратор в Ленинграде признал достойной очков и бородки, – а вот Волчонку не повезло гораздо больше, начальство по своим неведомым соображениям велело именно ему отрастить битловские патлы, коих Волчонок терпеть не мог, но против начальства не попрешь... Ушел в ботву, как миленький.

«Сириус» был освещен ярко, словно в преддверии некоего праздника: кроме дежурных ламп, по обеим бортам сияло еще не менее дюжины. На своем обычном месте восседал седовласый Виктор Эрастович, свято веривший, простая интеллигентская душа, что вся эта иллюминация зажжена для его удобства благодаря душевной широте капитана. На самом деле лампы были зажжены не из почтения к живописи, а по более прозаичному, но, разумеется, секретному поводу: они облегчали наблюдение вахтенным. Аквалангист из понимающих, вздумай он пошнырять под водой у бортов, сразу заметил бы люк шлюзовой камеры и сделал выводы. Вряд ли удалось бы ему воспрепятствовать (как запретишь в чужом порту плавать вокруг мирного научного судна?!), но вот заметить

его – это уже полдела. Сразу будешь знать: есть к тебе интерес со стороны определенного народа, есть...

Музыка, долетавшая со стороны большой кают-компания, позволяла без особых усилий сделать нехитрый логический вывод: там снова танцы. Мазура, естественно, потянуло туда, но он все же задержался у планшера выкурить сигаретку.

И, конечно же, не остался незамеченным – «Русалка» опять приперлась с моря и ошвартовалась, как и в прошлый раз, по соседству с «Сириусом», чему не было ни поводов, ни смысла, ни возможности препятствовать. Ну, а то, что яхта и ее хозяин группу чертовски раздражали, приходилось списать на неизбежные издержки.

«Акула капитализма, мать его», – про себя чертыхнулся Мазур, стараясь не пялиться слишком уж откровенно на вольготно разметающуюся в шезлонге блондинку в крохотном алом купальничке. Блондинка его тоже заметила, не мудрено, корабли разделяло всего-то метров восемь, чуть приподняла высокий бокал, стервочка, в знак приветствия, закинула ногу на ногу, ничуть не смущаясь скудостью одеяния. Уходить в спешке было бы и вовсе глупо, так что Мазур остался на прежнем месте, дымя.

«Интересно, на чем этот хрен мериканский сколотил состояние, что смог себе позволить такую вот яхту? Суденышко не такое уж маленькое, тонн пятьсот водоизмещением, так что и яхтой-то его именовать не вполне правильно – океанская посудина, пришла сюда из порта приписки, сиречь Сан-Франциско, конечно же, своим ходом. То глушат вискарь прямо на палубе, то болтаются по морю, где заблагорассудится. Прибавочную стоимость, содранную с пролетариата, прожигают, одним словом. Но хороша „Русалка“, ничего не скажешь, а уж русалки на борту...»

– Мое почтение, товарищ коммунист! – жизнерадостно рявкнули на яхте.

Мазур досадливо поморщился и решил стоять на прежнем месте, благо оставалось еще полсигареты. На палубе «Русалки» нарисовался владелец, мистер Драйтон, жизнерадостный калифорнийский облом. Что печально, он вовсе не походил на хрестоматийный образ капиталиста – старого брюхатого уродца, чахнувшего на мешке со златом, злодейски уворованным у трудового американского народа, как рабочего класса, так и угнетаемого монополиями фермерства. Лет ему было не более сорока, никаких признаков ожирения не наблюдалось, скорее уж походил фигурой на жилистого спортсмена, а рожей – на ковбоя из вестернов. Импозантен был, собака, даже в плавках, говоря откровенно. Зависть, конечно, не пробирала, не имеет советский офицер права завидовать ни таким яхтам, ни таким

блондинкам, ибо принадлежит все это осужденному историей классу, коему предстоит уйти в небытие... Но все равно некий дискомфорт чувствовался.

– Товарищ Сирил! – рявкнул Драйтон. (Помнит ведь имя, стервь калифорнийская!) – Ну что, приказать перекинуть сходню? Заходите в гости, хлопнем по бокальчику! Гейл, – он показал высоким стаканом на девицу, – жаждет с вами познакомиться, у нее нет никакого опыта с русскими, вдруг вы ее научите чему-то полезному?

– Благодарю, недосуг, – сказал Мазур, сделав светский жест.

– Товарищ Сирил, честное слово, мы не из ЦРУ! – заржал Драйтон. – ЦРУ, между нами говоря, не столь уж щедро оплачиваемая контора, мальчики из Лэнгли себе не могут позволить ни таких яхт, ни таких девочек! Все заработано собственными трудами! А вот вы, товарищ Сирил, не из Кей-Джи-Би ли? Очень уж вы классно болтаете по-английски, а это наводит на подозрения... Кто еще может у вас знать английский, кроме людей из Кей-Джи-Би?

– Вы читаете чересчур уж старые газеты, мистер Драйтон, – сказал Мазур беззлобно. – Английский у нас хорошо преподают. И вообще, ваш Кеннеди в свое время сам признавал, что образование у нас поставлено лучше...

– Ого! – рявкнул Драйтон. – Гейл, малютка, будь бдительной! Товарищ Сирил начал коммунистическую пропаганду... Осторожно, он в два счета запишет тебя в колхоз, где все женщины общие... Сирил, не надувайте щеки так обиженно, я шучу! Нет, в самом деле, заходите, выпьем! Или боитесь этого вашего комиссара? Он, между прочим, в прошлую вашу стоянку не просто подглядывал за Гейл и Моникой, а в бинокль на них из своей каюты таращился... Так что поймет.

– Положительно, все знания о нас вы черпаете из каких-то замшелых источников, – сказал Мазур. – Комиссаров давно уже нет... кстати, комиссаров первыми как раз вы придумали.

– Ну?!

– Вот вам и «ну»! Вернетесь в Штаты, сходите в хорошую библиотеку. Там прочтете: в сороковые годы прошлого века в вашей армии как раз и ввели комиссаров – правительственный чиновник, надзирающий за моральным духом солдат. Точно вам говорю.

– Сирил, ну вы точно – Кей-Джи-Би! Откуда все это знаете?

– Книги читаю.

– Оно и видно, совсем заучились. Позовите лучше вашу брюнеточку, с которой вы в прошлый раз ворковали у шлюпок, и ступайте в гости. Мне уже осточертели одни и те же рожи на борту. Не бойтесь, я вас похищать не

стану, я не педик... Кстати, как зовут брюнеточку?

«Сука глазастая, – сердито подумал Мазур. – Не порт, а форменная деревушка, где каждый чих далеко разносится. Потопить бы тебя, акула капитализма. Ах, как я потопил бы тебя, будь такой приказ, качественно и в сжатые сроки пустил на дно. Заряд в пластиковой оболочке, эквивалент примерно шестисот граммов тротила, в три секунды прикрепляется хотя бы к левому борту, метрах в трех левее от места, где ржет эта американская жердь, на метр пониже ватерлинии... прикрыть кумулятивной полусферой, закрепить таковую – и в пять минут пойдет твоя лоханка к морскому царю...»

Не подозревая о том, что Мазур мог без особенного напряжения проделать с его роскошной яхтой, Драйтон с пьяной настойчивостью заорал:

– Ладно, Сирил, что мы будем собачиться? В самом деле, валяйте в гости! Посидим, выпьем, распропагандируем друг друга, Гейл вам покажет свою каюту... Ведь тянет, по глазам видно! Когда вам еще выпадет шанс побывать на яхте настоящего миллионера?

– Всего наилучшего, – сказал Мазур, сделал ручкой, отвернулся и направился на ют.

Не стоило чересчур уж долго болтать с этим загнивающим буржуем – Панкратов, чего доброго, и в самом деле углядит, опять пойдет писать губерния... За спиной раздался серебристый смех Гейл, Мазур чуть не споткнулся, сердито ускорил шаг.

Танцы в большой кают-компании протекали не оживленно и не вяло, как обычно, в общем: восемь пар колыхались в медленном танце, а поскольку дам более и не имелось, еще человек пятнадцать мужского пола, главным образом научный состав, подпирали стенку и просиживали стулья, по исконному обычаю русских танцулек притворяясь, что им ужасно скучно, неинтересно, и вообще они в глубине души только и мечтают о том, как бы отсюда слинять. Только Волчонок не выглядел скучающим, поскольку был при деле, надзирал за магнитофоном. Да вездесущий Панкратов в своем уголке глядел соколом, озаряя угол доброй улыбкой наставника молодежи, снисходительно допускающего столь безыдейные увеселения. Правда, как подметил Мазур, взгляд политического сокола частенько скользил по фигурке аспирантки Светы (что со стороны Панкратова было проигрышно во всех смыслах, ибо со Светочкой откровенно подружился Дракон).

Мазур присел не в уголке, но и не на виду. Хорошо расслышал, как Панкратов наставительно сообщил Волчонку:

– Нет, Сережа, ты это импортное вытье убери, есть же отличная

советская эстрада...

– Семен Иванович, это ж у меня «Генералы песчаных карьеров», – не моргнув глазом, отвечал Волчонок. – Фильм, сами знаете, идеологически выдержанный, о тяжелой судьбе подростков в странах капитала... Соответствующие рецензии в нашей прессе имели место быть.

– Да? – с некоторым сомнением сказал замполит. – Не врешь?

– Семен Иванович, сами можете в библиотеке порыться.

Панкратов вздохнул:

– Ну ладно, запускай уж...

Не дожидаясь, когда Волчонок установит бобину, Мазур встал и целеустремленно направился в тот угол, где рядом с Ириной так и вился тот, пижонистый и хлыщеватый, один из тех, кто представлял на судне чистую науку. То ли кандидат, то ли уже доктор, из вундеркиндов, в общем. Небрежно бросил ему:

– Пардон, месье... – и, закрепляя успех, повернулся к Ирине: – Вы позволите?

Кажется, выиграл раунд: бородатый вундеркинд не успел опомниться и предпринять контрмеры, а Ирина с мимолетной улыбкой, снова заставившей его старлейское сердце ухнуть куда-то в сладкую тоску, послушно пошла впереди него на середину кают-компаний. Тут и мелодия грянула из обшарпанных динамиков, грустная, плавная, завораживавшая совершенно непонятным языком – португальским, кажется. Знатоков португальского в группе не было ни единого – слишком много времени прошло с тех пор, как островами владели «португезы», всякое их влияние давно исчезло и язык тоже...

В мозгу у Мазура сам собой ложился на музыку чей-то доморощенный перевод, который они на базе пели под гитару:

Пускай опасность ходит по пятам, да, по пятам...

Нас полицаи ловят здесь и там,

и здесь, и там, и здесь, и там.

Нас генералами не зря зовут,

они себя в обиду не дадут...

Ирина колыхалась в его объятиях, полузакрыв глаза, но Мазур, с женщинами, в общем, не новичок, все же не чувствовал, чтобы между ними проскочила пресловутая искра, установилась не определяемая словами связь. Он был сам по себе, девушка – сама по себе, и от этого брала тоска.

Чуть опустил голову, коснулся щекой ее распущенных темных волос, попытался притянуть к себе, на самую чуточку, чтобы только это было многозначительно и выломилось за пределы обычных танцевальных объятий. И тут же почувствовал, как ее тело под тонким платьем легонько напряглось – опять-таки знак, не позволивший сократить дистанцию ни на миллиметр.

– Ира... – сказал он тихонько.

– Что?

– А не полюбоваться ли нам звездами? Они прекрасны в эту пору...

– У меня в школе всегда двойка была по астрономии.

– Вот я и постараюсь школьные знания расширить. Нет, я не в том смысле...

– А в каком? – смешливо шепнула она на ухо.

Мазур замолчал – она вновь ухитрилась в два счета загнать ухажера в тупичок...

– Интересно выглядит на корабле флирт, правда? – прошептала Ирина. – Все обычные штампы моментально отпадают. Две уловки только и остались: звезды на палубе посмотреть да в каюту зайти чайку выпить...

– Ира...

– Ну что? Я самая лучшая на свете, да? Это у тебя эффект ограниченного пространства, да и юбок тут мало. Остынь...

– Что с тобой сегодня?

– Со мной? Ровным счетом ничего. Танцую вот...

Мазур тяжело вздохнул про себя: как будто и не с ней неделю назад до рассвета целовался на палубе, как будто не этим самым ладоням позволялись кое-какие вольности... Выходит, все это ровным счетом ничего и не значило? Научится он когда-нибудь понимать женщин или это только адмиралам дано? Взять вон Свету: ведь спит с Драконом, полкоманды в курсе, а ему пятьдесят восемь, старик, как же так получается?

– Ну что ты надулся? – тихонько засмеялась она.

– Ничего подобного.

– Надулся-надулся... Кирилл, я женщина взрослая. Замужем была.

– Ну, на сколько ты там меня старше...

– На полтора года. Но не в том дело.

– А в чем?

– Пацанчик ты еще, мой верный обожатель. Хочешь, прямо сейчас, на людях, вопьюсь в губы страстным поцелуем? – Почувствовав, что Мазур от неожиданности легонько отпрянул, она прыснула: – Ну вот, я и говорю...

– Играешь ты со мной, а?

– Ну вот, слава богу, догадался наконец... Я – молодая ветреная женщина, мне так по судовой роли положено. А тебе положено мяться, вздыхать и уныло тосковать. Умеешь? Хочешь, пойдем к тебе в каюту? Или – ко мне? Или – не пойдем, чтобы замполита зря не дразнить, он, хоть по Светкиным коленкам взглядом и елозит, службу знает четко. Бдит-с.

– Дать бы тебе в ухо, – неожиданно сказал Мазур.

– А вот это уже интересно, – промурлыкала Ирина. – Это уже называется – действовать в правильном направлении... Впечатление производит, а как же. Ну, дай. Только легонько.

– Не могу.

– Это пуркуа?

– Нравишься ты мне чертовски.

– Ой, как романтично... Ну, не дуйся. Может, мне надоест уже сегодня роковую женщину изображать. Мы, женщины, создания непредсказуемые. Ты лучше скажи, почему это ты, хоть я тебе и нравлюсь чертовски, вокруг француженки вился? Я, конечно, про красоточку Мадлен. Имя-то какое пошлое, стандартное до одури...

– Вовсе я вокруг нее не вился, – сказал Мазур. – Это она вокруг нас вьется, и романтики здесь нет ни малейшей. Она ж журналистка, ей, хоть расшибись, сенсации нужно раскапывать. А какие здесь сенсации? Вот и надеется от «руссо маримано» выдоить хоть капельку того, что сойдет за новости...

– Ага, оправдываться начал?

– Ничего подобного. Чист я перед тобой, как слезинка. Ирину, может, все же...

– Посмотрим, – пообещала она. – А пока, если ты не заметил, уж пару минут как быстрый танец лабают...

– Ну и черт с ним, подумаешь...

– И верно...

Они колыхались в медленном танце, пока не наступил короткий перерыв. Ирина вернулась на прежнее место. Провожая ее унылым взглядом, Мазур в очередной раз назвал себя дураком, в очередной раз пообещал себе завязать с этим безнадежным делом – и, конечно, в очередной раз сообразил, что так на это и не отважится, будет по-прежнему, как она совершенно точно подметила, мяться, вздыхать и уныло тосковать...

– А не выйти ли нам погулять, старый?

Это, конечно, был молодой вундеркинд. Мазур не раздумывал:

– А пожалуй что, месье...

Стараясь не привлекать внимания излишней поспешностью, они прошли в конец коридора, где в тупичке-загогулине висел огромный красный огнетушитель, а в ведре с песком покоились во множестве скукоженные окурки.

– Ну? – спросил Мазур вяло.

– А не кажется ли вам, друг мой, что нам пора как следует стукнуться? – осведомился вундеркинд.

– В каком смысле?

– От ситуации зависит. Может, морально, а может, и по принципу «Морда-морда, я кулак, иду на сближение!»

– Причина?

– Старый, ну ты ж не дурак?

– Да вроде, – сказал Мазур.

– Вот видишь. Хоть и атеист я, а скажу тебе, как на духу: с этой девушкой я намерен дружить. Вдумчиво и углубленно.

– А она?

– Мы ж мужики, старый... Кто-то да должен отвалить в сторонку. У меня вот твоя кандидатура возникла...

– Странно, – сказал Мазур. – А у меня, наоборот, твоя... Уловил?

«Что ж ты делаешь, идиот?» – прямо-таки взвыл он про себя.

Эту ситуацию он прекрасно знал еще по Вьетнаму. «Запомните одно, – талдычило начальство, независимо от личности и звания. – На задании ваш организм вам попросту не принадлежит. Организм ваш – казенная собственность. Избегать любых травм, как геенны огненной. Боевой пловец со сломанным пальцем, ушибленным коленом или вывихнутой рукой – балласт форменный, и не более того. А посему смотрите у меня!» Самое печальное, что начальство было кругом право: иногда слишком многое поставлено на карту. Каким бы ни был многообещающим кадром Толя Чехарин, а когда в Камране подрался с вьетнамскими летунами и всего-то лишь расшиб кулак так, что через недельку зажило бы, как на собаке, – вылетел в Союз быстрее баллистической ракеты. До Северного флота дело не дошло, но неприятностей он поимел вагон и маленькую тележку, крупно повезло парню, что вообще оставили в бригаде...

Так что драться нельзя. И не драться нельзя. Положеньице... Мазур мог бы разделать этого пижона, как бог черепахи, но ведь возможны любые случайности, от которых виртуозное владение боевой рукопашной не спасает...

– Позвольте, ребята? – Самарин непринужденно протиснулся меж

ними, раздвинул их в стороны и дружелюбно осклабился: – Вы тут, часом, не дуэль намерены устроить?

– А если бы? – с вызовом поинтересовался вундеркинд.

Лаврик подкинул на ладони принесенный с собой прямоугольный сверток, тщательно завернутый в газету «Советский спорт», и в три секунды освободил его от бумаги. Обнаружился качественный, нимало не выкрошившийся кирпич темно-морковного цвета.

Вундеркинд отступил на шаг, удивленно пробормотав:

– Эт-то как понимать?

– Смотри сюда, – сказал Лаврик и ловко вложил кирпич ему в руки. – Целый ведь, без подвоха? Погляди-погляди, изучи... Целый? А теперь глянь и оцени...

Он положил кирпич на крышку высокого пожарного ящика, без замаха, без крика сделал молниеносное движение рукой. Чуть слышно скрежетнуло. Лаврик взял в ладони две половинки кирпича, продемонстрировал их бородатому доценту и грустно-ласковым тоном сообщил:

– У меня еще плохо получается, а вот этот парень, – он кивнул на Мазура, – то же самое делает и быстрее, и качественнее, уж ты поверь моему честному слову. Ну не может он с тобой стукаться, чудило, по причине своего полного превосходства, неохота ему за тебя сидеть, научный ты наш... Ты уж к нему не липни, а? Пусть девочка сама решает. Она ж, по-моему, еще совершенно ничья, так что не стоит тут мне мушкетеров из первого тома изображать... Ну, разбежались, соколы?

Вундеркинд молча таращился то на него, то на кирпич, то на Мазура. Разрубленный пополам кирпич был, что ни говори, аргументом весомым. В конце концов бородач, отчаянно пытаясь сохранить лицо, отступил на шаг и сказал Мазуру:

– Это не значит, старый, что я от своих намерений касательно девушки отказываюсь...

– Да ради бога, – сказал Лаврик. – Только чтоб без дуэлей мне... А то невыездными люди в три секунды становятся...

Глядя вслед сопернику, удалявшемуся так, чтобы ни за что не произвести впечатления испуганного, Мазур недовольно сказал:

– Ну, и к чему эти номера?

Лаврик поморщился:

– Слушай, тебя что, мало предупреждали? А рученьку бы вывихнул?

– Да ладно...

– Нет уж, – сказал Лаврик чужим, жестким голосом. – Ты все это

прими ближе к интеллекту и не забывай, фендрик, что говоришь со старшим по званию... – Лицо у него было тоже чужое, напряженное и жесткое. – Ну?

– Извините, товарищ капитан-лейтенант... – серьезно сказал Мазур.

– Вот это лучше, хотя «вы» и звание были не-обязательны... Итак?

– Слово офицера, не повторится, – сказал Мазур.

– Совсем хорошо... – Лаврик огляделся и, убедившись в полном отсутствии посторонних, сказал уже обычным тоном: – Придется тебе, голуба, пока суд да дело, пока стоянка, на меня маленько поработать.

– В смысле?

– Тебе не кажется, что прелестная Мадлен болтается вокруг наших людей чересчур навязчиво?

– Черт ее знает, – серьезно сказал Мазур. – Может, обычная журналистка. А может, ищет подходы. Тут я не спец, это уже по твоей части...

– Так-то оно так, – сказал Лаврик. – Только куда ж мы денемся без поддержки широких слоев советского общества? В общем, если человек ищет подходы, самым выигрышным будет не пускать это дело на волю волн, на самотек, а заботливо подставить кандидатуру. Так оно гораздо выигрышнее, согласен? Вот и умница. Ты уже уловил направление моей пытливой мысли?

– Хочешь сказать...

– Ну да, – безмятежно признался Лаврик. – Дорогой мой старлей, на вас возложена почетная миссия сыграть живца. Помнится, она тебя, как и парочку других, в ресторан приглашала, контакт усиленно налаживала? Все, конечно, как и подобает советским людям за рубежом, героически отмели поползновения... Так вот, если она завтра опять станет вокруг нас болтаться, разрешаю поддаться на провокацию. Иди, куда ни позовет, пей вискарик, ежели угостит, в общем, плыви по течению... Между прочим, я не в самодеятельность играю. Дракон полностью в курсе, сегодня санкционировал. Уж извини, что именно на тебя пала миссия, но так уж сложилось. «Вказивка» сверху пришла, нам положено откозырять и исполнять... Справишься, дело нехитрое.

– Но я же...

– Все понимаю. А что поделать? – развел руками Лаврик. – Нет у меня своих людей для такого мероприятия, те, что есть, на конкретных участках пашут... Выше головы своих хлопот.

– Ну, а если она все же – резидент?

– В таком случае, естественно, будет тебя вербовать. Вербуйся, коли

начальство разрешает. Поломайся, конечно, как семиклассница, когда ее физрук к стеночке притиснет в спортзале, попищи – мол, я не такая, я жду трамвая, я этого в жизни не делала, страшно мне... Ты ж у нас парень неглупый, а? Только не переигрывай, побольше естественности... Мелкие проколы сойдут – в конце концов, не каждый день тебя вербуют. Самое-то главное – никто тебя, орла нашего, наказывать не будет. Сорвется – так сорвется. Не Штирлиц, ежели по большому счету.

– Озадачил ты меня... – честно признался Мазур.

– Извини, меня тоже начальство озадачило.

– Может, она все же журналистка без двойного дна? – вслух подумал Мазур. – Нормальная баба, хоть и старовата, годочков тридцать пять... Раскованная только...

– Вообще хорошо, – усмехнулся Лаврик. – Масса сложностей снимается автоматически. Но скажу тебе честно: что-то у меня свербит в районе ответственного за нюх органа. Так и свербит. Словами внятно выразить не могу, а инстинкт чечетку выбивает... – Он полез в карман. – Вот тебе, кстати, полсотни фунтиков, которые стерлинги. Чтобы не выглядел совершеннейшим альфонсом. Свои, поди, все до пенсюка на адмиральскую дочку Ирочку потратил? Бери-бери, это у нас официальные командировочные, скажем так.

Мазур неловко засунул деньги в карман, пожал плечами:

– Самарин, это все-таки, как серпом по известному предмету...

– Привыкай, – ухмыльнулся Лаврик. – Уж прости циника, но после этого дела тебе хар-рошая запись добавится в личный листок: участие в контрразведывательном мероприятии и проявленные при этом... Пусть даже тянем пустышку – но мероприятие-то тем не менее состоялось, а? То-то... А теперь иди себе, танцуй дальше, только, я тебя умоляю, помни, что пальчики ты беречь обязан, как пианист...

Он поднял крышку пожарного ящика, бросил на кучу песка обе половинки кирпича, хмыкнул и подмигнул.

Глава третья

Ай люли, се тре жоли...

С утра на судне стараниями товарища Панкратова прямо-таки нагнеталась торжественная обстановка: динамики, включенные на полную громкость, в данный момент как раз сообщали на всю прилегающую акваторию:

И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди!
И Ленин, такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

Сам же товарищ Панкратов, сияя надраенными регалиями, суетился, что твой колобок, он то исчезал в недрах «Сириуса», то вновь возникал на палубе, неумоимо напоминая всем и каждому, что товарищи мужского пола обязаны надеть галстуки, а лица пола женского – особое внимание уделить длине юбок, понятно, в сторону максимума, отличающих советского человека за рубежом приличий. Натолкнувшись на Мазура, он, видно, замотался уже настолько, что прошипел:

– Комсомольский значок есть, а награды где?

– Това-арищ Панкратов... – сказал Мазур тихонько. – Мне что, «За боевые заслуги» нужно было с собой прихватить? Вопреки строжайшим инструкциям начальства?

Панкратов очнулся:

– А? Н-да, точно... Галстук поправьте. – Он с определенным сомнением покосился на пенсне принаряженного Лаврика, явно настроенный недоброжелательно по отношению к сему нехитрому оптическому прибору. Не удержался:

– Вид у вас...

– Вы никогда не видели портретов товарища Луначарского в пенсне? – преспокойно осведомился Самарин.

– А, ну да... Ладно, проходите в автобус. – Он покосился вправо и, стараясь проделать это понезаметнее, от души сплюнул: – Тв-варь такая, расстрелял бы...

Справа, на палубе «Русалки», калифорнийский облом Драйтон

прилагал все усилия, чтобы испаскудить святой для каждого советского человека праздник: вся его компашка, состоявшая из него самого, ослепительных блондинок Гейл с Моникой и четырех бездельников мужского пола, маршировала взад-вперед от носа к надстройке, причем Драйтон что есть мочи колотил в местный барабан, похожий на половинку дыни. На шее у всех алели куски материи, долженствующие, надо полагать, изображать пионерские галстуки, вся банда, включая девушек, была лишь в плавках. Мало того, по сигналу Драйтона они время от времени дружно орали:

– Лье-нин! Парртия! Комунизм!

И еще что-то неразборчивое, что, скорее всего, было вовсе уж исковерканными русскими словами. На Панкратова жутко было смотреть, он клокотал и кипел, как распаявшийся самовар, но прекрасно понимал, что ничего не в силах предпринять, – провокаторы не покидали суверенной американской территории, каковой согласно международным законам являлась «Русалка», мало того, вели себя так, словно и не подозревали о присутствии метрах в пяти от их корыта советского судна «Сириус»...

– Послу напишу докладную, – жалобно пропыхтел Панкратов. – Пусть подаст ноту...

– Не получится, – изображая полнейшее равнодушие, пожал плечами Лаврик. – Зацепки не усмотрит. Вот если бы они к нам на палубу полезли... Пойдемте?

...Бюст Ленина располагался в весьма живописном месте – совсем неподалеку от берега океана, под величественными пальмами. Мазур впервые участвовал в такой церемонии и поначалу увлекся, смотрел во все глаза. Самого президента островной республики так и не дождались, должно быть, занят вовсе уж неотложными государственными делами, зато на черном «Ситроене» под эскортом четырех мотоциклистов в белых шлемах и белых крагах прибыл его высокопревосходительство Арман Лажевен, губернатор острова, по здешнему обычаю соединявший в своих руках все мыслимые власти, от судебной и полицейской до таможенной и культурно-просветительской. Осанистый и вальяжный был господин, смуглый и курчавый, с четырьмя наградами на груди. Мазур таращился на него и свиту во все глаза, он так и не успел привыкнуть к весьма экзотическому облику местных жителей. Здесь, на островах, смешалась кровь африканских рабов и пиратов всех европейских национальностей, французских колонистов, английских и арабских моряков, китайцев, индийцев, мадагаскарцев. И потому проще всего было сказать, что коренные ахатинцы походили исключительно сами на себя: смуглые,

курчавые, с выразительными чертами лица, то недвусмысленно напоминавших о близкой Африке, то казавшихся инопланетянами-гуманоидами с неведомой планеты. Попадались настолько красивые девушки, что мужику их даже не хотелось – трудно представить этих марсианок в прозаической постели.

Увы, постепенно все стало оборачиваться неинтересной рутинной – сначала возложили гирлянды ярких тропических цветов советские дипломаты и губернатор со свитой, потом к бюсту с такими же гирляндами потянулись местные, потом произносили речи, гости и хозяева, потом подростки устроили длиннющий концерт с песнями и декламацией на четырех языках. Становилось все скучнее. Мазур, когда Самарин незаметно подтолкнул его локтем, переключил внимание на кучку иностранных журналистов – те тоже уже откровенно скучали, засняв все достойное внимания.

Мадлен он отыскал взглядом довольно быстро. Она тоже, полное впечатление, умирала от скуки, лениво облокотясь на капот своего простенького зеленого «джипа», ее оруженосец-оператор, положив камеру на капот, старательно пускал кольца дыма, с той же скукой озирая многочисленное собрание.

Конечно, она старше Мазура лет на десять. Но все равно была хороша – синеглазая блондинка в защитного цвета шортах и белой блузке, небрежно расстегнутой ровно настолько, чтобы ничего не явить нескромным взглядам, но заставить мужские мысли свернуть на избитую тропку. Добросовестно попытавшись усмотреть в ней хоть какие-то отличительные признаки разведчицы, Мазур вскоре мысленно расписался в полнейшем бессилии: он попросту понятия не имел, что это должны быть за признаки. Даже темных очков не носила. 3-заданьце... Но как ее блузка обтягивает, господа офицеры, товарищ Панкратов все глаза украдкой проглядел...

Неужели кончилось? Да, похоже, отбой. Его высокопревосходительство, чинно беседуя с советским послом, направляется к своей машине, мотоциклисты подобрались, замолотили подошвами по стартерам, произошел тот неуловимый перелом, после которого аудитория рассыпается на кучки и группки, перестав осознавать себя участниками.

– Вперед, друг мой, вперед... – посоветовал на ухо Самарин. – Валяй со всей непосредственностью, подзадержись сначала, пока наши малость подрассосутся, – и с богом...

Добросовестно потоптавшись у монумента, сделав вид, что увлеченно

разглядывает надпись на нем и орнамент, Мазур мало-помалу отбился от потока соотечественников и взял курс чуточку левее, так, чтобы он пролегал неподалеку от «джипа». Разведчик из него был никудышный, но, с другой стороны, здесь требовалось не мастерство Штирлица, а обычная ловкость молодого мужика, с определенных пор умеющего якобы невзначай столкнуться с конкретной девушкой на улице, а там и заговорить.

Одним словом, он топал себе, не особенно пялясь по сторонам, всем видом показывая, что бредет скучающе, без ясной цели, – и очень быстро достиг своей цели. Был замечен.

– Сирил!

Вот теперь можно было совершенно непринужденно остановиться. Он подпустил радушия в улыбку:

– Здравствуйте, Мадлен!

И с самым живейшим интересом уставился на крыло «джипа».

– Сирил, вы меня разочаровываете, – сказала француженка. – Мы с вами третий раз сталкиваемся, и каждый раз вы, виляя взглядом, таращитесь мимо меня на мою машину...

– Завидую, – сказал Мазур. – У нас таких нет.

– А как же «все советское – самое лучшее»?

Русского она не знала, но по-английски трещала не хуже Мазура, так что языкового барьера не возникало.

– А я и не говорю, что ваша машина лучше наших, – сказал Мазур с простецкой ухмылкой. – Я говорю, что у нас таких нет.

– А вы, оказывается, дипломат...

– Увы, – сказал он. – Я скучный ихтиолог. Совершенно неподходящий материал для интервью.

– Глупости, – энергично сказала Мадлен. – Хороший репортер должен сделать интервью из чего угодно.

– Тут нет ничего для меня обидного? «Из чего угодно» – это, знаете ли, может означать нечто вовсе уж непрезентабельное...

Оператор по имени Жиль лениво курил, совершенно не интересуясь разговором. Если он и был разведчиком, то – гениальным. Столь законченное равнодушие ко всему на свете, включая и Мазура, и свою начальницу, нужно уметь сыграть...

– Помилуйте, Сирил! Я только хотела сказать, что интервью можно сделать из всего. Даже из вашей скучной ихтиологии. Особенно если учесть, что на этом острове не происходит ровным счетом ничего интересного. Вчера в полиции сообщили, что, по их данным, поблизости от Баэ вроде бы была замечена шхуна контрабандистов – и на эту голую

косточку дружно кинулись все мои коллеги, включая меня... Наиболее циничные засняли парочку парусов на горизонте и отослали снимки в качестве иллюстрации подлинного судна контрабандистов. Увы, мне воспитание не позволяет прибегать к подобным финтам. Скука... Даже сепаратисты куда-то подевались. Они не пытались взять вас на abordаж?

– Мы их вообще не видели, – сказал Мазур чистую правду. – Пока неделю торчали в море, видели массу судов и суденышек, но не станешь же запрашивать у каждого, кто он такой. Пусть себе мимо плывут, так спокойнее...

– И никакого морского змея?

Мазур наострил было уши, но тут же сообразил, что она имела в виду, конечно же, не Колю Триколенко, а легендарное чудище из пучины.

– Увы... – пожал он плечами.

– Я же говорю, непроходимая скука... – грустно сказала Мадлен. – Ну хоть капельку интересного, умоляю!

– Увы, – повторил Мазур. – Я вам могу, конечно, рассказать, как мы пытаемся обнаружить скопления рыбы вдали от традиционной шельфовой зоны, над подводными хребтами...

– Сирил, бога ради! – она в комическом ужасе зажала уши. – По-английски эта абракадабра звучит особенно угнетающе...

Поправив бутаторские очки, Мазур печально пожал плечами:

– Вот видите, ничем не могу быть вам полезным...

И этак бочком, с видом не желающего навязывать свое общество воспитанного человека, отодвинулся на шаг в сторону. И тут же остановился, услышав энергичное:

– Подождите!

– Да?

– В конце-то концов... – протянула Мадлен, откровенно разглядывая его с легкой улыбкой. – Если постараться, можно сделать интервью с самым обычным советским человеком. У себя на родине он, в общем, типичен, но для нашего читателя и зрителя – предельно экзотичен... Вообще удивительно, что мы с вами вот так простецки болтаем один на один. Ваши люди – я и о «Сириусе» и вообще – от меня откровенно шарахаются, как будто я шпионка...

– Должны же здесь быть шпионы, – сказал Мазур.

– Ого! Масса. Учитывая, что спецслужб здесь, собственно говоря, не существует. Англичане тут, как и во всех своих колониях, поставили неплохую полицию, которая почти вся и досталась в наследство президенту, но много времени пройдет, прежде чем на ее основе местные

родят контрразведку... Так что здесь вольготно разгуливает масса агентов – ваших и американских, юаровских и кенийских...

– Покажите хоть одного, – сказал Мазур. – В жизни не видел шпиона.

– Ну-у! Я в теоретическом смысле, Сирил. Сами понимаете, толкового тайного агента даже приткая журналистка не вычислит... Впрочем... Ваш второй секретарь наверняка шпион. У нас где-то писали, что все вторые секретари ваших посольств – шпионы... ну, истины ради стоит добавить, что и все вторые секретари янки наверняка тоже... Вот ваш зам-по-лит – вряд ли шпион. Чересчур недалек для шпиона. Шепчут злые языки насчет во-он того индийца... Но точно никто не знает... Итак?

– Что?

– Вы согласны выпить кофе с представительницей империализма и дать ей совершенно аполитичное интервью? Как живет молодой советский ученый, что он хочет от жизни, нравятся ли ему блондинки?

– Особенно синеглазые, – сказал Мазур, глядя ей в глаза.

Мадлен чуть подняла бровь, рассмеялась:

– Ого! Вы любопытный экземпляр, Сирил. Хотя бы потому, что не убегаете от меня с визгом: «Провокация»!

– А я не из пугливых, – сказал Мазур.

– Но как же инструкции? Выходить в город только группами под начальством особого человека?

– Ну, у нас начинают на это смотреть сквозь пальцы, – сказал Мазур. – Я не говорю «смотрят», однако помаленьку начинают...

– Приятно слышать. В таком случае едем?

– А почему бы и нет?

– Деньги у меня есть, не беспокойтесь.

– У меня тоже есть деньги, – сухо сказал Мазур. – Уж на кофе хватит.

– Вы прелесть, Сирил. С такой комической важностью это произносите... Ну, не вздумайте обижаться. Я женщина ехидная, такова работа...

Она повернулась и что-то бросила оператору. Тот равнодушно пожал плечами, подхватил с капота камеру и побрел в глубь парка.

– Лентяй потрясающий, – пояснила Мадлен. – В глубине души он вам глубоко благодарен. Сейчас возьмет упаковку пива и будет до вечера валяться на газоне, разглядывая студенток из колледжа искусств... По лености даже не пытаюсь с ними познакомиться. Едем? – она ловко запрыгнула на место водителя.

Мазур уселся с ней рядом. Скрежетнула коробка передач, и «джип» шустро понесся в город. Вокруг потянулись старомодные дома из красного

кирпича, классически английские, невысокие, как на подбор, – согласно старому правилу, здесь отчего-то запрещалось строить здания, которые были бы выше пальм. Мазур засмотрелся на непритязательный памятный знак – глыбку красного местного песчаника, на которой был грубо высечен якорь.

Именно на этом самом месте, если верить старожилам, двести с лишним лет назад вздернули на виселицу знаменитого пирата Оливье Левасера, он же – Ла Бюз. Восходя на эшафот, старавшийся умереть красиво джентльмен удачи, по преданиям, швырнул в толпу листок с шифром и крикнул, что все его закопанные сокровища достанутся тому, кто эту головоломку прочитает. Шифр этот давным-давно опубликован не только в западной, но и в советской печати, но что-то не слышно о счастливчиках, которым удалось бы его расщелкать. Быть может, это просто-напросто подделка. Или Ла Бюз ценил хорошую шутку, а потому заранее состряпал совершеннейшую бессмыслицу... Самарин в свое время говорил, что они у себя в нерабочее время попробовали разгрызть шифровку с помощью нехилой ЭВМ, но результат оказался унылым. Быть может, и насчет «Агамемнона» все врут? «Агамемнона» ищет не одна лишь группа Дракона – в тех местах долго утюжили море два советских корабля, «гидрологические» только по названию, а на самом деле набитые хитрой аппаратурой, способной отыскать на дне морском ту самую пресловутую иголку. Безуспешно. Может, все же не там искали? Мало ли куда мог утащить шторм потерявший управление фрегат...

– Сирил?

– Да?

– Можно сделать вам страшное предложение?

– Вербовку категорически отвергаю, – сказал Мазур, ухмыляясь. – С порога.

– Ну, какой вы... Извините за цинизм, но какому дельному шпиону нужна ваша ихтиология и промысловые рыбы?

– Тогда?

– Хотите посмотреть стриптиз? На прошлой неделе на Виктория-стрит открылось новое, весьма приличное заведение. Я своими глазами видела, как ваши люди с великими предосторожностями покупали «Плейбой» и подобные ему журналы...

«Ага, – сказал себе Мазур, испытывая нечто вроде неподдельного охотничьего азарта. – Началось. В точности как на лекциях засекреченных преподавателей. А там и фотокамера в пудренице, и предъявят тебе потом цветную фотографию – твоя похотливая рожа на фоне безыдейно

обнаженной женской попки... Классический вербовочный подход. Только наша задача как раз в том и состоит, чтобы уцапать наживку и с хрустом ее жевать, чавкая, слюни пуская...»

– Боитесь?

– Думаю, – сказал Мазур. – Я же говорю – у нас на многое лишь начинают смотреть сквозь пальцы...

– Господи, никто не узнает.

– Гарантируете?

– Гарантирую. Хозяева приличных заведений не любят всех этих шпионских подвохов, да будет вам известно. Принимают несложные, но эффективные меры...

– А, ладно! – Мазур ухарски махнул рукой. – Что-то у меня и в самом деле сегодня настроение лихое...

– М-да... – покачала головой Мадлен, не отрывая глаз от дороги. – И в самом деле, что-то сдвинулось в мироощущении советских людей...

– Мужчина остается мужчиной, – браво сказал Мазур. Подумал, не выпятить ли гордо грудь, но по размышлении счел это явным перебором.

– Вообще-то да, отец мне рассказывал, как в сорок пятом ваши морские пехотинцы, те, что шли с американцами в составе армии Риджуэя, веселились в Париже... Хотя при дядюшке Джо инструкции были не в пример строже.

– Вот видишь, – сказал Мазур браво. – Такие уж мы, моряки. На корабле любой кабинетный ученый очень скоро себя начинает настоящим моряком чувствовать...

Он лишь похмыкивал про себя. Такие чудеса в жизни советского офицера случаются редко: заявиться с натуральной француженкой, возможной шпионкой, в заведение, где показывают символ буржуазного разложения, сиречь стриптиз, – и начальство при этом не то что в курсе, но еще и подкинуло валюты на эту наглую эскападу... Жаль, нельзя никому рассказать, иначе от зависти тихо падали бы на асфальт рядами...

Лихо свернув направо, Мадлен притерла машину к тротуару и выключила мотор. Мазур огляделся. Улочка, застроенная теми самыми старомодными домами с вовсе уж бесполезными в здешнем климате каминными трубами, выглядела, в общем, благопристойно и вовсе не производила впечатления окраинных трущоб, рассадника порока. Довольно близко к центру города, вон чинно шагает пожилая мулатка с внучонком, а там полицейский прохаживается... Впрочем, это ничего еще не значит. «Сириус» тоже выглядит вполне мирным и респектабельным кораблем, а спуститесь в каптерку и нажмите нужные кнопки на кодовом замке – в

другой мир попадете...

– Ну? – с любопытством спросила Мадлен. – Не передумали?

– Считайте, что я гордо выпятил челюсть, а глаза у меня отливают стальным блеском, – сказал Мазур. Поправил галстук и украдкой отстегнул с лацкана комсомольский значок, дабы не подвергать компрометации моральный облик строителя коммунизма. Среди публики могли оказаться люди, разбирающиеся в таких значках, в том числе и падкие на сенсацию буржуазные репортеры.

– В таком случае возьмите меня под руку и...

– И постарайтесь не выглядеть деревенщиной, – закончил за нее Мазур. – Постараюсь, мадам...

– Мадемуазель, точности ради...

Они вошли в вестибюль, напомнивший Мазуру какой-то фильм, где действие происходило в старинном английском клубе. Именно так здесь все и выглядело – позолота, темно-вишневые портьеры, старинная мебель. Ничего удивительного, наверняка осталось в неприкосновенности после ухода отсюда детей туманного Альбиона – в отличие от пары-тройки других мест, независимость островам досталась мирно, без особой стрельбы и беспорядков. Это уж потом, как по волшебству, вынырнули сепаратисты, начались ночные взрывы и пальба...

Пожилой седовласый ахатинец в строгом смокинге с красной бабочкой, вынырнув из-за портьеры, словно привидение, что-то спросил у Мадлен по-французски, выслушал короткий ответ и, вежливо кивая, согнулся в полупоклоне, захватил край тяжелой бархатной портьеры и отодвинул ее как раз настолько, чтобы мог пройти человек. Пропустив Мадлен вперед, Мазур браво направился следом, чувствуя себя заправским Джеймсом Бондом. Журналистка уверенно направилась меж столиками в дальний левый угол.

Ничего такого уж жуткого и отмеченного жирной печатью порока Мазур в немаленьком зале не узрел. Разговаривали сидящие, конечно, не шепотом, и табачный дым едва успевали размешивать многолопастные вентиляторы, но все же чуть ли не каждый провинциальный советский ресторан выглядел по сравнению с этим залом едва ли не шалманом.

«Так, – подумал Мазур. – Интересно. Что, чисто случайно здесь оказался свободный столик, к которому она так уверенно прошла? Их, свободных, почти что и нету... Жаль, с французским обстоит предельно хреново, ни слова не понял из их реплик».

Официант, возникший над плечом бесшумной тенью, вмиг расставил на столе бутылку вина, бокалы и тарелочки с какой-то местной кулинарной

экзотикой. В полсекунды выдернул пробку с помощью огромного никелированного приспособления, смахивающего на пыточный инструмент. Вежливо бормотнул что-то и растаял, как не было.

«Порядок, – сказал себе Мазур. – Она себе наливает из той же бутылки, первая пригубила, так что с этой стороны можно неприятностей не ждать...»

– Ну, и каковы впечатления? – с любопытством спросила Мадлен.

– Подождите, дайте набраться впечатлений, – сказал Мазур, глядя на круглую сцену, выложенную матово-желтыми деревянными плашками.

Нельзя сказать, чтобы зрелище ошеломляло. Как-никак, а за время долгого перехода из Ленинграда насмотрелись по телевизору иностранных передач, в том числе и с клубничкой, – как ни проявлял бдительность товарищ Панкратов, разорваться он не мог, то в одной, то в другой кают-компании да успевали полюбоваться пикантным зрелищем.

Здесь все выглядело довольно пристойно: под томную тихую музыку, определенно претендующую на восточный колорит, танцевала, понемногу освобождаясь от одежды, ладненькая белокурая девица европейского облика. Личико у нее вовсе не выглядело порочным, скорее отрешенно-улыбчивым, позы и выгибания, в общем, смотрелись не так уж и развратно, и, по большому счету, это было красиво. Положа руку на сердце, совершенно непонятно, почему это зрелище на одной шестой части земного шара понадобилось запрещать.

Мазур, откровенно признаться, засмотрелся, хотя и было чуточку стыдно оттого, что свет в зале не погашен, все видят то же, что и он, и знают, что он это видит. Давала о себе знать праведная комсомольская закалка, да и замполит чудился за спиной, ощущался едва ли не осязаемо...

Краешком глаза он видел, что Мадлен с легкой улыбкой наблюдает за ним, и изо всех сил старался придать себе равнодушно-бывалый вид. На сцену выпорхнула еще одна прелестница, смугленькая креолка, крутнулась волчком, приблизилась к блондинке, успевшей уже полностью разоблачиться, – и началось полубалетное действо с мимолетными объятиями, белыми ладонями на смуглых бедрах, смуглыми ладонями на белой груди. И все такое прочее.

Мазур невольно отвел взгляд – это чересчур уж выламывалось за рамки социалистической морали.

– Интересно, а вы знаете, что чуточку покраснели? – слышался рядом безмятежный голосок Мадлен, тщательно маскировавшей легкую насмешку.

Мазур поджал губы, не то чтобы сердился, но чувствовал себя немного

неловко и неуклюже.

– Ну, не дуйтесь, – сказала Мадлен, лукаво поглядывая на него поверх бокала. – Хотите маленький секрет? На женщин такая чуть-чуть отдающая варварством неиспорченность порой производит даже большее впечатление, нежели ковбойская уверенность...

«Интересно, туда ли она клонит, о чем мне думается?» – подумал Мазур. Он попытался представить, что предпринял бы на его месте Штирлиц, но получалось плохо – Штирлиц общался главным образом с одноглазыми гестаповцами и лысыми абверовцами, а этот опыт здесь совершенно не годился. Не станешь же бить Мадлен коньячной бутылкой по голове?

Мельком глянув на нежничавшую парочку, Мадлен осведомилась тоном благовоспитанной девочки:

– Интересно, лесбийская любовь вас пугает или возбуждает?

«Тебя бы, красотка, на партийное собрание, – подумал Мазур, – посвященное целиком твоему персональному делу – с аморалкой, бытовым разложением и прочими ужасами. То-то повертелась бы... Поняла бы, где настоящий ужас, а не в вашем фильме с этим, как его там, Фредди Крюгером...»

– Показать вам еще одну достопримечательность этого заведения? – спросила Мадлен, ни сном ни духом не подозревавшая, какие ужасы ей уготовила обиженная фантазия Мазура.

– Сделайте одолжение.

– Пойдемте.

Она уверенно направилась к портьеру в дальнем углу. Мазур механически двинулся следом и оказался в узком коридоре с двойным рядом дверей, где было полутемно и тихо, а достопримечательностей, на первый взгляд, имелось примерно столько же, сколько их может оказаться в Антарктиде. Мадлен остановилась перед одной из дверей, ничем на вид не отличавшейся от остальных, отперла ее своим ключом и вошла первой.

Мазур огляделся. Опять-таки никаких достопримечательностей – чисто, прибрано, старинная кровать с высокими железными спинками, две кресла, столик, шторы задернуты.

За спиной у него звонко щелкнул старомодный замок.

– Ну, и как это понимать? – спросил он спокойно.

Мадлен подошла к нему вплотную, медленно подняла руку, легонько потянула его галстук, приспустив узел. Так же плавно убрала руку, прищурилась:

– Тебе объяснять или сам догадаешься? Попробуй с трех раз...

В конце-то концов, он тут оказался с санкции начальства. А если что не так, не наше дело – как говорится, Родина велела...

Взять ее за плечи и легонько притянуть к себе, не думая при этом о возможных объективах, оказалось не таким уж трудным делом. Природа брала свое, и в сочетании с дозволением начальства смесь получалась убойная. Мазур раздел ее без особой неуклюжести, благо не впервые в жизни это проделывал, да и сопротивления никакого, одно молчаливое поощрение синим взглядом. Стал снимать пиджак, но закончить эту нехитрую процедуру не успел – Мадлен гибко опустилась перед ним на колени...

Вот это с ним проделывали впервые. В первый миг он инстинктивно сжался в нешуточном испуге, показалось, что ее зубы сейчас вонзятся в незащищенную плоть, но тут же выяснилось, что дело обстоит не так уж скверно, даже наоборот. Сначала в голове еще прыгали всякие мысли, от «Да это ж извращение!» до «Как же дальше? Неужели проглотит или как-то по-другому полагается?!». Потом и мысли отлетели, потому что стало чертовски приятно. Он пялился в потолок, избегая опускать взгляд на ритмично колыхавшуюся светловолосую головку, в мозгах крутилось одно: «Вот это да-а!» Осторожно погладил ее по голове, легонько прижал пальцами затылок – она не противилась, наоборот, ее это словно подхлестнуло.

Позже, когда они оказались на мягкой старинной постели, вовсе не скрипучей, Мазуру пришлось пережить еще немало неизведанного. Смешно, но в какой-то миг он и впрямь ощутил себя совращаемой семиклассницей – слава богу, это быстро прошло. Главное, не ударил в грязь лицом.

Лежа с ней рядом и ласково-лениво перебирая золотистые пряди, он с каким-то нездоровым интересом ждал, когда же начнется. По всем канонам, согласно многочисленным примерам из откровений засекреченных лекторов, сейчас в дверь должна была ввалиться целая ватага хмурых типов в надвинутых на глаза шляпах, комната обязана озариться сполохами ослепительных фотовспышек, а вперед протиснется особо отвратный шпик и сквозь зубы процедит что-то вроде: «Либо вы принимаете наше предложение, товарищ Мазур, либо...»

Но время шло, а в тихую комнату никто не врвался. Мазур даже ощутил легкое разочарование. И постарался успокоить себя тем, что врываться им вовсе не обязательно: вон в той симпатичной люстре очень удобно вмонтировать широкоугольный объектив, сейчас его отпустят, а через пару дней подойдет незнакомец... стоп, что-то тут не клеится! Какая

может быть «пара дней», если они вскоре вновь уйдут в море и неизвестно когда вернутся. Не будут же те ждать возвращения «Сириуса» в СССР? Или будут? Вот тогда и получится настоящая хохма, когда станут разыскивать в Институте океанологии старшего научного сотрудника по фамилии Мазур...

– Думаешь о чем-то серьезном? – тихонько спросила Мадлен.

– Думаю, зачем я тебе.

– А низачем, – сказала она. – Просто стало интересно – каковы эти русские. Тебе ведь, положила руку на сердце, было интересно, каковы же эти француженки?

– Ну, вообще-то...

– А если честно?

– Если честно, то да.

– Вот видишь. Не обиделся?

– За что? – усмехнулся Мазур. – Не такой уж я глупый романтик, чтобы полагать, будто ты с трех беглых взглядов влюбилась в меня без памяти. Не столь уж я о себе высокого мнения... Приключение так приключение.

– Вот и прекрасно, – с облегчением вздохнула она. – А то я уже боялась совершенно непредсказуемой реакции загадочной славянской души...

– Интересно, откуда ты эту душу знаешь? По книгам?

– Ну, главным образом, – призналась Мадлен смущенно. – Достоевский и Чехов...

– Милая, с тех пор много воды утекло... – сказал Мазур. – А вот я, признаюсь тебе честно, о французах сужу главным образом по Дюма...

– Ну, со времен Дюма тоже много воды утекло.

– Как сказать... Дело в том, что все это приключение очень удачно ложится на мои впечатления от Дюма, понимаешь?

– Ничего себе! – присвистнула Мадлен. – И какой же у тебя перед глазами встает женский образ? Неужели миледи?

– Ну почему? Есть более приятные, взять королеву Марго...

– Спасибо, шевалье...

– Я серьезно.

– И все же ты романтик, – фыркнула Мадлен. – Сирил, большую часть жизни я – напористая и неутомимая журналистка, робот в юбке...

– Успокойся, – сказал Мазур. – Я и не собираюсь в тебя влюбляться, так что... ох! Это обязательно – так щипаться?

– Да, не романтик...

– Какой есть. Но должен заметить, что ты временами – чертовски приятный робот.

– Боже мой, – грустно вздохнула Мадлен, вставая с постели. – Мне иногда кажется, что меня крупно разыграли. Ну не похож ты на русского! Обычный, остроумный, раскованный парень...

– Ну что поделать, – сказал Мазур. – Нет у меня балалайки. А русские – они разные. Если ты не знала. Слушай... У нас есть что-то, хотя бы отдаленно напоминающее будущее?

– Романтик...

– Я же сказал – отдаленно напоминающее...

– Не знаю, – серьезно сказала Мадлен, застегивая блузку. – Мне по душе та самая варварская неискренность, ты милый парень... Я бы согласилась с тобой дружить и дальше... при условии, что ты не станешь забивать себе голову романтикой. Понимаешь, романтики я боюсь. Она совершенно не гармонирует с нашим веком... Тебя устраивает такая мимолетная подруга, циничная и прагматичная?

– Вполне.

– Хорошо подумал?

– Ага.

– Вот только как нам все устроить на будущее? Ты отчаянно храбришься и заверяешь, что у вас настали другие времена... но я-то знаю, милый, что ты можешь нарваться на неприятности...

– Глупости, – сказал Мазур. – У меня отличные отношения с капитаном, в город иногда хожу один... Скажи, где я могу тебя найти, – и проблема снимется.

– Вот визитная карточка. Только сначала обязательно позвони...

– Я понятливый, – сказал Мазур. – Разумеется, позвоню. Я ж понимаю, что эту очаровательную комнатку ты не ради меня сняла и не сегодня... И в твою личную жизнь лезть не собираюсь.

– Милый, ты – само совершенство... Пошли?

Выходя вслед за ней на тихую улочку, Мазур ощутил смесь самых разнообразных чувств – от убаженного мужского самолюбия (а все-таки хорошо!) до жгучего любопытства: неужели так и не кинутся наперерез хмурые типы в нахлобученных на лоб шляпах?

Не кинулись. Пуста была улочка. Даже полицейский куда-то запропастился.

– Тебя подвезти? – спросила Мадлен.

– Нет, спасибо, – сказал Мазур. – Пройдусь еще по городу. Скоро нам опять в море, хочется по твердой земле как следует побродить.

– Ну что ж... Звони.

Мадлен чмокнула его в щеку, села за руль, и «джип» лихо рванул с места. На взгляд Мазура, прощание получилось несколько суховатое, но так уж, видимо, у буржуев полагается. Ну и ладно, не влюбленный мальчишка, в самом-то деле. Справедливости ради следует признать, что приключение получилось по-настоящему захватывающее, так что не будем требовать от жизни слишком многого, не ждешь же ты, чтобы она в тебя влюбилась со всем пылом, в Союз с тобой запросилась, чтобы вступить там в партию и поднимать Нечерноземье?

«Ирина», – с запоздалым раскаянием вспомнил он. Но тут же успокоился – Мадлен, это, знаете ли, совсем другое. Это, говоря суконно, выполнение задания командования, и не более того. А Ирина есть Ирина, волнующая, желанная, капризная и ветреная адмиральская дочка, пусть даже в некотором смысле и боевой товарищ – как-никак шифровальщица в одном с ним звании, о чем большая часть экипажа понятия не имеет...

Он не спеша брел вдоль кромки тротуара, вновь прокручивая в памяти кое-какие сцены только что закончившегося свидания, те самые, которые особенно хотелось повторить. Один записной ходок с улыбочками и подмигиваньями рассказывал, что не только женщины нас таким вот образом, но и мужики их примерно так же...

– Месье! – и на него обрушилась длиннющая тирада на языке Гюго и Фантомаса.

Мазур повернулся в ту сторону, медленно освобождаясь от сладких видений. Какой-то хрен импортный, лысенький пузан в шортах и пестрой гавайке, аж подпрыгивал от нетерпения, махая у Мазура перед носом планом города и тараторя что-то на мове лягушатников. Рядом с ним угрюмо торчал второй, повыше, с гораздо более пышной шевелюрой, но одетый столь же легкомысленно. Оба были нагружены рюкзаками – свеженькие туристы, надо полагать, пилигримы... Мазур, любовник великолепной француженки, любил сейчас весь мир, а потому охотно остановился, поскреб в затылке:

– Нон парле франсе... Ду ю спик инглиш?

– О, немного! – обрадованно воскликнул толстяк. – Мистер, вы мне можете показать на этом чертовом листе, где тут есть порт... порт...

– Порт-Шарль? – догадался Мазур. – Порт-Шарль примерно здесь... вот только, мистер, я плохо представляю, как называется эта улица, где мы находимся...

– Вон там табличка...

Мазур повернул голову в указанном направлении.

Он еще успел отметить краем глаза чужую руку, рванувшуюся к его лицу из-за спины, успел сообразить, что это определенно длинный, – а вот предпринять ничего не успел. Едко-морозная дурманящая волна ворвалась в ноздри, в рот, прокатилась до пяток, и он осел на подгибавшихся ногах, последней вспышкой сознания зафиксировав скрежет автомобильных тормозов над самым ухом...

Глава четвертая

Незванные благодетели

Пробуждение слегка напоминало похмелье средней степени – пока балансировал меж забытием и явью, в голову лезла всякая чушь, то ли сны, то ли галлюцинации, тут же бесследно пропадавшие из памяти, трудно было так сразу сообразить, где он, во рту стоял привкус бумаги, голова легонько кружилась. Тщательно проморгавшись, Мазур так и лежал не шевелясь, пока не понял, что окончательно вынырнул в реальность. Но и тогда не шелохнулся, оценивая окружающее, насколько мог.

Какая-то добрая душа – осьминога ей в задницу и сапогом утрамбовать! – сняла с него туфли и расслабила узел галстука, после чего уложила на узкую постель. Комната оказалась чем-то вроде мансарды – высоко над головой белел скошенный потолок с одним-единственным окном, до которого не удалось бы не то что дотянуться, но и допрыгнуть. Обширная мансарда, но пустоватая – кроме кровати, на которой он простирался, имелись лишь два стула с высокими спинками, ветхие на вид, да нечто вроде туалетного столика с помутневшим от времени зеркалом.

Решившись, Мазур встал, сунул ноги в расшнурованные туфли, пошарил по карманам. Пусто. Выгребли абсолютно все – деньги, сигареты, даже комсомольский значок. Загранпаспорт, к счастью, остался на судне, но из кармана пропало удостоверение научного сотрудника Института океанологии.

Пахло застарелой пылью и чем-то вроде залежавшегося гуталина. Как следует проинвентаризовав свои ощущения, Мазур сделал вывод, что чувствует себя, в общем, неплохо. Голова почти что и не кружится, вот только бумажный привкус во рту не проходит.

Подошел к двери, подергал ручку, покрутил ее. Попробовал открыть дверь сначала от себя, потом к себе. Безрезультатно. Тогда, не колеблясь, что есть мочи врезал по ней ногой. И еще раз, и еще. Взлетела пыль, заставившая расчихаться, но дверь, сколоченная на совесть еще при англичанах, устояла. И почти сразу же в замке звонко щелкнул ключ.

Мазур из предосторожности отступил на шаг. Дверь приоткрыли, ровно настолько, чтобы в нее смог заглянуть чей-то глаз, потом она распахнулась наружу, вошел парнище повыше Мазура примерно на голову, в полотняных брюках и майке с короткими рукавами, открывавшими нехилые бицепсы. Положив руку на заткнутый за пояс короткоствольный

револьвер, энергично пожевывая резинку, с непроницаемым выражением лица потеснил Мазура грудью в глубину комнаты, толчком заставил усесться на кровать и протянул по-английски:

– Сиди спокойно, парень, а то рассержусь...

Угроза эта Мазура не испугала вовсе – за то время, что пятился к постели, он десять раз успел бы настучать верзиле по болевым точкам организма, перевести в горизонталь и забрать пушку. Вот только проделывать это с военной точки зрения было бы весьма неосмотрительно, не зная, сколько еще человек в доме, где они дислоцируются и чем располагают. Кроме того, он понятия не имел, где находится сам дом. Развязывать при таком раскладе военные действия чертовски неразумно...

Энергично вошли двое, те самые, что так примитивно поймали его в ловушку, лысенький пузан и меланхоличный жердьяй. Без особой спешки разместились на стульях, оказавшихся гораздо прочнее, чем думалось поначалу. Лысый как ни в чем не бывало улыбнулся:

– Как себя чувствуете, Сирил?

Решив, что самое время оскорбиться и качать права, Мазур повысил голос:

– Я требую немедленно...

– Да-да-да-да-да! – поднял ладонь лысый. – Немедленно вызвать советского консула или кого-то вроде... Вы умный человек, господин Мазур?

– Да вроде бы, – осторожно сказал Мазур.

– Надеюсь, в таком случае прекрасно понимаете: мы решились пригласить вас в гости, гм... несколько нетрадиционным способом отнюдь не для того, чтобы при первом же истеричном вашем крике немедленно испугаться и сломя голову бежать за советскими дипломатами...

– Почему это – истеричном? – набычился Мазур.

– Ну, извините, если я неудачно выбрал термин... Как себя чувствуете?

– Нормально.

– Химия нового поколения, – расплылся в улыбке лысый. – Старые средства надолго выбивали из колеи... Прогресс идет вперед... Меня зовут Тэйт. Это – Джерри, – кивнул он на меланхоличного. – А этого юношу зовут Чак, и, как вы, должно быть, догадываетесь, в его задачу входит присматривать, чтобы вы вели себя прилично.

«Неужели началось? – с любопытством подумал Мазур. – Приключение с Мадлен было увертюрой, вот теперь началась опера... Что же, сейчас начнут предъявлять насквозь порнографические фотографии? Надо же, не ошибся Лаврик... Настоящие шпионы, мля!»

– Кто вы такие? – сердито бросил он.

– Филантропы, – расплылся в улыбке Тэйт. – Благодетели. Помогаем молодым людям вроде вас найти свою дорогу в жизни... Шучу, господин Мазур. Мы все – прозаичные государственные служащие. Скучно тянем лямку, работая на одну из государственных контор...

– Интересно, как она называется? – спросил Мазур. – Часом, не Центральное разведывательное управление?

– Мальчик мой, разве в названии суть? Суть – в возможностях. А возможности неплохи, как вы успели убедиться.

– Ну, пока что все отдает дешевым боевиком... – сказал Мазур.

– Знаете, даже дешевые боевики черпают сюжеты из жизни. Вы, быть может, согласитесь, что примененные к вам методы были хотя и дешевыми, но весьма эффективными? Результат достигнут полностью. Точнее, первая фаза. Теперь нам с вами предстоит серьезно поговорить.

– А почему вы уверены, что я буду с вами разговаривать?

– Джерри, покажите молодому человеку наши сюрпризы...

Хмурый Джерри, распахнув тонкую папочку, сунул Мазуру в руку несколько больших цветных снимков. Прощальный поцелуй с Мадлен возле «джипа». Хорошо снято: его ладонь у нее на груди, объятие самое недвусмысленное. Но почему нет снимков того, что происходило внутри? Смотрелось бы не в пример убойнее...

Мазур решил закинуть крючок:

– И это – все, что у вас есть?

– А по-вашему, этого мало? – искренне удивился Тэйт. – Мы не хуже вас знаем, дорогой Сирил, как в Советском Союзе отреагируют на эти снимочки ваши партийные начальники и люди из конторы с аббревиатурой Кей-Джи-Би. А? Дураку ясно, чем вы с ней занимались внутри. Не тем ли, чем советским людям за рубежом заниматься категорически запрещено? С иностранками, я имею в виду...

– А вот еще интересная бумажка, – мрачно сообщил Джерри.

Мазур внимательно прочитал полицейский протокол, напечатанный на казенного вида бумаге с гербом республики и грифом полицейского управления. Там классическим канцелярским стилем излагалось, как пьяный в дымину субъект, оказавшийся после проверки документов советским гражданином Кириллом Степановичем Мазуром, вдребезги разнес бар «Веселый осьминог», поломав и перебив там материальных ценностей на сумму что-то около шести тысяч ахатинских рупий, то есть примерно на полторы тысячи фунтов стерлингов, кроме того, нанес побои как безвинному владельцу вкупе с посетителями, так и полицейскому

сержанту, явившемуся буяна утихомирить.

– Протокол настоящий, – сообщил Тэйт. – И свидетели настоящие, и владелец настоящий, и даже полицейский сержант настоящий. Вы знаете, Сирил, «Осьминог» – довольно маленький бар, по сути, комнатуха немногим побольше этой, и потому нетрудно было устроить так, чтобы все пять свидетелей были своими... Я вас заверяю, что в данный момент бар и в самом деле представляет собой жуткое зрелище – обломки, осколки, мебель поломана...

– Там что, мебель из красного дерева? – огрызнулся Мазур. – И коллекционными винами угощают? Как же я ухитрился на полторы тысячи фунтов наломать?

– Цветной телевизор, новый, – охотно пояснил Тэйт. – Кофейный автомат «Эспresso», цветомузыка, новая мебель, бутылки за стойкой – по мелочам и набралось... Не забудьте об увечьях посетителей и вашем дерзком сопротивлении представителю власти. Хотите, мы вас отпустим? – ухмыльнулся он. – Прямо сейчас. Только вы не успеете еще добраться до корабля, как все документы будут в вашем посольстве, оно, правда, в столице, на соседнем острове, но для частного самолетика туда менее получаса лету... Дебош в баре, материальный ущерб, сопротивление полиции, что по здешним меркам представляет собою, вот странно, уголовное преступление, вдобавок связь с иностранкой и нарушение кучи предписаний, сопровождающих пребывание советского гражданина за границей... Что с вами будет в СССР?

– Неужели вы всерьез думаете, что меня закуют в кандалы и сошлют в Сибирь? – огрызнулся Мазур.

– Да господь с вами! – замахал на него руками Тэйт. – Это желтая пресса пробавляется такими страшилками, а мы – серьезные государственные служащие, Сирил. Знаем истинное положение дел. Никуда вас не сошлют и в тюрьму не посадят... но в ближайшие двадцать-тридцать лет за границу вас больше не выпустят, даже в примыкающую Монголию. Не говоря уже о неприятностях по партийной и профсоюзной линии. По-русски, насколько мне помнится, это называется «пьерсональное дело». И, как там, Джерри?

Напрягшись, Джерри старательно выговорил по-русски:

– О-р-г-в-ы-в-о-д-ы. Правильно?

– Правильно, Сирил? – лучезарно улыбнулся Тэйт. – Вы не будете отрицать, что я довольно точно описал ваше будущее? Ведь не будете? Останетесь на свободе, но вашу блестящую научную карьеру сотрут в порошок. Да, кстати, у вас еще и деньги откуда-то взялись, пятьдесят

фунтов. Любопытно, откуда у советского парня, получающего за границей мизерные суточные (это слово он опять-таки, не особенно искажив, проскандировал по-русски), столь умопомрачительная по вашим меркам сумма? Снова компромат...

– Но мы же филантропы, – процедил меланхоличный Джерри.

– Вот именно, – кивнул Тэйт, лучась улыбкой. – Мы всегда готовы протянуть руку помощи попавшему в беду молодому человеку...

– Я не знаю военных тайн, – угрюмо сообщил Мазур.

– При чем здесь военные тайны? Военные тайны, скажу вам откровенно, Сирил, проходят по другому ведомству, к которому мы не имеем ровным счетом никакого отношения... Вы меня, надеюсь, понимаете?

– Кажется, – сказал Мазур. – Еще один узник советской системы вдруг выбрал свободу, а?

– Сирил, я рад иметь с вами дело! – прямо-таки просиял Тэйт. – Вы прекрасно соображаете, вам не нужно ничего разжевывать... Ну конечно, дорогой мой! Вы сами, совершенно самостоятельно, без малейших подталкиваний выбрали свободу и попросили в нашем посольстве политического убежища. И по телевизору потом это скажете, и вашим дипломатам так заявите... Если вы так хорошо сообразили, что к чему, наверняка представляете процедуру, наслышаны?

– Наслышан...

– Вот и чудненько. Ну какое там предательство, по большому счету? Военных тайн вы не знаете, в секреты не посвящены... Взяли и выбрали свободный мир. Молодой, перспективный ученый понял, что только свободный мир даст ему возможность развить свои таланты, преуспеть...

– Ага, – сказал Мазур. – Сейчас пойдут сказочки про миллион долларов наличными, особняк в Калифорнии, «кадиллаки» и блондинок...

– Ну, «кадиллаки» и блондинки – это не столь уж дорогое удовольствие для имеющего хорошую работу парня, – сказал Тэйт. – С миллионом и особняком сложнее... Не скрою, иногда мои коллеги используют подобный прием... в работе с людьми поглупее вас. Но вы же умный парень, Сирил, так что давайте откровенно. Не стойте вы миллиона и особняка... Правда? Вот видите. Но! – он значительно поднял палец. – Мне прекрасно известны размеры жалованья, на которое вы в Советском Союзе можете рассчитывать в ближайшие лет десять... Это уныло, Сирил. Если вы хороший ихтиолог – а иначе вас не выпустили бы в заграничку, – без труда найдете неплохое место в Штатах. У нас занимаются тем же, что и ваша экспедиция. В последние годы, когда многие государства вдруг резко

увеличили свои территориальные воды, не только перед вашей страной остро встала эта проблема – поиски новых районов для океанского рыболовства. Мы этим тоже занимаемся. Если грамотно поставить вам рекламу, на какое-то время сделать вас очередной телезвездой – выбравший свободу молодой русский талант, гип-гип! – вполне можно успеть подыскать вам хорошее местечко, как раз по вашему профилю. А там все будет зависеть от вас. Это не миллионы, Сирил, но, безусловно, не те жалкие гроши, что вам платят в СССР. Обеспеченная жизнь, дом, машина, американский паспорт, дающий право разъезжать по всему миру... Что скажете?

Мазур угрюмо молчал. Хотя в душе не просто хохотал – ржал. Вот это так ситуация! Вот это так ошибочка! Выводы делать рано, но очень похоже, что Мадлен тут ни при чем. Это совсем другие. На жаргоне тех, кто его готовил в Союзе, – «политики». Не охотники за военными, государственными и прочими тайнами, а субъекты, профессионально озабоченные поисками «избравших свободу». Самое смешное и пикантное – не станешь же вдумчиво разъяснять им их ошибочку... То-то взвились бы до потолка, узнав, кто на самом деле их клиент!

– Жены у вас нет, – продолжал Тэйт. – С родителями проблем не будет, никто их у вас не подвергнет репрессиям, не прежние времена... Собственно говоря, вам просто предлагают сменить место жительства. И более выгодную работу. Никаких радиостанций «Свобода», ничего этого... Если не хочется, можете не лить грязь на покинутую родину – хотя, конечно, определенным джентльменским минимумом придется обогатить нашу пропаганду. Ну не давали вам в Советском Союзе возможности полностью реализовать ваши таланты! Впрочем, вам не стоит ломать голову над такими деталями, без вас поработают, все вам напишут... Что вы озираетесь?

– Часы свои ищу, – сказал Мазур.

– У нас. Потом заберете. Сейчас утро, двадцать третье апреля... ну да, вы долго спали. Эффективная химия. Это детали. Давайте о делах.

– И как вы себе дальнейшее представляете? – спросил Мазур с неподдельным интересом.

– Ничего сложного. Сейчас мы позавтракаем, потом сядем в машину и покинем этот милый городок... мы с вами, кстати, уже не в Виктории, вас, простите, перевезли в городок поменьше и подальше... на аэродроме ждет самолет, который без хлопот доставит всю компанию на Мадагаскар, а там – военный борт в Соединенные Штаты. Никто не сможет вас перехватить. Ну, а рекламную кампанию проще вести как раз из Штатов.

– А вдруг я начну кричать перед камерами, что вы меня злодейски похитили? – ухмыльнулся Мазур.

– Риск, конечно, есть, – серьезно сказал Джерри. – Но не особенно большой. И этот протокол, и эти снимки – все ведь останется. Всегда можно будет сказать, что вы перетрусили, кинулись к нам спасаться, а потом опять-таки из трусости передумали... Даже если вернетесь домой, события, боюсь, будут разворачиваться по той схеме, которую вам только что нарисовал Тэйт, – Кей-Джи-Би, долгие допросы, оргвыводы. Ваши обязательно захотят подстраховаться, как многие на их месте, – и кончится опять-таки тем, что вас навсегда сделают невыездным. Так рациональнее, а?

Мазур вдруг кинулся к двери. Он бежал, ничего вокруг не видя, как самый обычный человек, не посвященный в секреты боевой рукопашной, – бедный, перетрусивший аспирант... Здоровяк Чак без труда перехватил его за талию – наверняка футболист, скотина! – и швырнул через всю комнату назад, так что Мазур вновь приземлился на кровати.

– Господи, Сирил... – поморщился Тэйт. – Ну что за детство? Внизу есть еще человек, вооруженный, вы в совершенно незнакомом месте...

– Инстинкт, наверное, – виновато улыбаясь, сказал Мазур, старательно повесив буйну голову.

– Я понимаю, понимаю... Ну, успокоились? Может быть, хотите выпить?

– Нет, спасибо, – отказался Мазур.

«Черт вас знает, что вы можете в выпивку намешать...»

– Давайте рассмотрим и другую сторону проблемы, Сирил, – в голосе лысого появился металл. – У нас нет времени держать вас здесь долго и обхаживать, как несговорчивую юную красотку. Такие операции лучше проводить быстро. И решения, подобные тому, что предстоит принять вам, лучше принимать быстро. Не судьбы человечества решаем, в конце концов. Так вот... Вы, вполне может оказаться, удивитесь, но контора, которую мы здесь представляем, в чем-то до ужаса напоминает иные ваши конторы. А впрочем, ничего удивительного здесь нет – бюрократы везде похожи, что у вас, что у нас... Я не Джеймс Бонд, Сирил, я скучный чиновник скучного ведомства. У нас тоже есть планы, отчетность, обязательства – капиталистические, ха! – и прочие, прекрасно знакомые вам по Советскому Союзу установления. Некий большой начальник распланировал и решил, что в этом месяце еще один молодой советский парень должен выбрать свободу. Это внесено в документы, в планы, в графе «Выполнение» обязательно должна стоять галочка. А ответственность лежит на мне.

Повторяю, я – скучный чиновник, Сирил, мне важно доработать до пенсии, не вызывая неудовольствия начальства, наоборот, зарекомендовав себя как можно лучше. Либо у меня с вами получится, либо... Из партии меня не исключат, у нас другая система... Но перед начальством я буду выглядеть не лучшим образом, и оно само будет выглядеть не лучшим образом перед кем-то вышестоящим. Старина Тэйт должен разбиться в лепешку... Я не зверь, Сирил, тут нет ничего личного... Работа такая.

– Куда вы клоните?

С обаятельной улыбкой и холодным взглядом лысый произнес:

– С вами всякое может случиться, Сирил. Остров этот хотя и именуется Райским, но здесь хватает и своего криминалитета, и контрабандистов, и бандитов... Вы сбежали от полицейского по дороге в комиссариат, да будет вам известно. Он был маленький, хилый, а вы вон какой крепкий... Дали ему в ухо и сбежали. На судно после всего возвращаться побоялись, пустились во все тяжкие. Смотались из Виктории в соседний городок, а там вас кто-то зарезал, то ли на деньги и часы польстился, то ли по каким-то другим причинам... Я не шучу. Ваш труп вполне может отыскаться в какой-нибудь канаве на окраине городка, пользующейся дурной славой. Повторяю, я не зверь, Сирил. Но если вы все-таки откажетесь, автоматически возникает букет нешуточных проблем. Есть шанс, что эта история получит огласку. Мы, конечно, будем все опровергать, но присутствующие здесь старина Тэйт и старина Джерри обязательно получат выволочку от начальства – ни одна бюрократическая система таких промахов не прощает. А натура у меня такова, Сирил, что я органически не переношу выволочек, к тому же они плохо влияют на послужной список, а от послужного списка частенько зависят размеры пенсии. Поверьте, я не шучу. Хотите предельно откровенно? Не все от меня зависит. Мне нужно будет незамедлительно обо всем доложить начальству, а уж оно примет решение – ликвидировать вас или просто облить грязью с ног до головы. Что, если оно выберет первый вариант? Гуманное начальство – это, знаете ли, миф, а уж коли речь идет о нашей системе...

– Мать вашу, – тоскливо сказал Мазур. – Что же вы ко мне-то прицепились?

– А не нужно было нарушать правила поведения советских людей за границей, – ханжеским тоном сказал Джерри, ни дать ни взять – отечественный замполит. – В одиночку болтаетесь по городу, трахаетесь с иностранками... ну дорогой вы мой, как такой шанс не использовать? Сами в руки лезете... Честное слово, старина Тэйт не шутит, поймите и проникнитесь. Труп в грязной канаве – это печально. Вас не будет. Совсем.

Все останется, а вас не будет. Кто его знает, что придет в голову начальству... Да и второй, мирный вариант опять-таки нехорош. Вас запрут в СССР, как в тюремной камере. А вы уже немного повидали большой мир, вас всю оставшуюся жизнь будет грызть тоска и злое бессилие... Нет ничего печальнее неудачника, Сирил.

– А на другой чаше весов – весь мир, – проникновенно произнес Тэйт. – Весь мир, Сирил. Для человека с американским паспортом он особенно уютен и хорош...

Глава пятая

Беги, негр, беги...

– Дайте сигарету, – сказал Мазур угрюмо, не поднимая на них глаз.

– Вот, возьмите, это, кстати, ваши...

Жадно затягиваясь, буравя взглядом плохо подметенный пол, Мазур пускал дым. Внешне он выглядел унылым и раздавленным, но в голове молниеносно мелькали мысли, комбинации и планы. Нельзя сказать, чтобы их было особенно много, чтобы планы отличались изощренностью, но изощренность тут и не нужна. Задача одна: нужно побыстрее от них сматываться, пока не погряз в совсем уж безвыходном положении, – оказавшись в самолете, особо не побрыкаешься. Поехали?

Он заранее представил себе всякие гнусности – вроде вонючего, кишасщего червяками дерьма, которое он ест горстями, пихает в глотку, представил омерзительный вкус и запах...

А потому рвотный спазм, вдруг сотрясший его тело, выглядел, пожалуй что, вполне натуральным. Мазур согнулся пополам, перхая, густо сплевывая на пол кислую слюну, его прямо-таки выворачивало.

Загрохотал опрокинутый стул: кто-то из похитителей кинулся к нему, встревоженно распорядившись насчет воды и нашатыря. Застучали подошвы – кто-то выбежал. Мазур добросовестно хрипел, чуть ли не утыкаясь лицом в пол.

Под нос ему сунули остро пахнущую ватку. Он с закрытыми глазами лег, шумно вздыхая. Янкесы терпеливо ждали, когда ему немного полегчает.

– Что с вами? – с неподдельным беспокойством спросил Джерри.

Шумно выдохнув, не вставая, Мазур сердито отозвался:

– Что-что... Наизнанку выворачивает. Определенно от вашей химии, вы эту гадость хоть на мышах испытывали сначала?

– Не беспокойтесь, – масляным голосом заверил Тэйт. – Все подобные снадобья проходят тщательнейшую проверку, препарат полностью безвреден...

– А у меня кишки узлом завязались! – сварливо рявкнул Мазур.

– Индивидуальная реакция организма... Это пройдет. Итак, Сирил? Если вы просто тянете время, не стоит...

– Да какое там! – огрызнулся Мазур. – И в самом деле выворачивает!

– Все зависит только от вас. Будете вести себя правильно – не будет

нужды прибегать к химии.

– Я согласен! – рявкнул Мазур. – Согласен, ясно? Ну, что же вы не бросаетесь мне на шею со слезами умиления?

– По-моему, вы и не ждете от меня столь нежного проявления чувств, – хмыкнул Тэйт. – Поверьте, я рад за вас, Сирил...

Мазур подошел к нему под цепким взглядом Чака, наклонился, положил руку на плечо и задушевно сказал:

– Вы себе вот что зарубите на носу, старина... Черта с два я брякну хоть словечко перед вашими телекамерами, пока передо мной не положат американского паспорта и приличной суммы... я и в самом деле не настолько глуп, чтобы с маху оценивать себя в миллион, но определенную сумму потребую вперед. Страховка, знаете ли. Наслушался дома, как вы людей используете, а потом, как тряпку, выбрасываете...

– Да с чего вы взяли?

– Ладно, ладно, – сказал Мазур, ухмыляясь. – Вы главное запомните – никаких телекамер, пока вот в этом кармане не будет паспорта, а в этом – чека. Насчет суммы после поторгнемся. Ну что вы на меня вытаращились? «Интернационала» петь не буду, но и вашим долбаным Штатам осанну петь не буду, я вам не истерик-диссидент... Я, как вы сами выражаетесь, заграницы попробовал... Что тарачитесь? Миллиона не прошу, но и за булочку не продамся...

Меланхолик Джерри впервые улыбнулся – точнее, дружелюбно оскалился:

– Вы мне начинаете нравиться, Сирил...

– Не скажу, что это чувство – обоюдное, – огрызнулся Мазур. – Вы своей цели достигли, а я пока что слышу одни обещания... имейте в виду, я не шучу. Уж если усадили меня силком за рулетку, поневоле хочется рвануть банк... – Он держался возбужденно, не говорил, а тараторил как человек, находящийся в некой эйфории.

И видел по лицам, что самую малость вошел к ним в доверие – конечно, волки битые, пока он не окажется всецело в их власти, душою не размякнут, но и перестали уже сторожить цепкими взглядами каждое его движение, ма-алость расслабились...

– Ладно, – сказал Мазур, делая вид, что постепенно успокаивается. – Договорились, кажется?

– Договорились, – кивнул Тэйт, определенно игравший здесь первую скрипку. – Джерри, старина, есть ли вообще смысл торчать тут далее? Идите, позвоните на аэродром, чтобы прошло гладко... И немедленно выезжаем.

– А завтрак? – нормальным тоном спросил Мазур.

– Потерпите часок до Мадагаскара, идет? – твердым голосом сказал Тэйт. – Там обещаю обед в отличном ресторане, все по вашему выбору. Сирил, вас наверняка уже начали искать, для вашего же блага лучше побыстрее отсюда убраться. Четверть часа до аэродрома, с полчаса отнимет перелет до Мадагаскара... Потерпите.

– Ладно, – буркнул Мазур, закуривая очередную сигарету.

Джерри ненадолго вышел, минут через пять вернулся, кивнул:

– Все в порядке, парни, снимаемся... Только без глупостей, Сирил, учтите...

– Договорились, кажется, – отрезал Мазур, пряча сигареты в карман. – Вы, главное, не обманите... И без химии, идет? Кишки у меня от нее сводит.

Сразу стало ясно, что никто не собирается доверять ему безоговорочно, – появился второй детинушка, этакий двойник Чака, и оба на лестнице взяли Мазура в «коробочку», один спереди, другой сзади, стараясь, чтобы это выглядело невинной случайностью. Оба вытащили майки из брюк, чтобы прикрыть заткнутые за пояс револьверы, но понимающему человеку ясно, что оружие они вмиг выхватят и из этого положения, вряд ли на такое дело пошлют новичков... Учтем.

На тихой улочке уже дожидался закрытый «лендровер». Пара-тройка местных жителей, и шагавших по своим неведомым делам, и болтавших у двери рыбной лавчонки глазели на компанию равнодушно, не усматривая ничего для себя интересного. Тэйт и Джерри устроились впереди, Тэйт за рулем, а Мазур очутился на заднем сиденье, зажатый меж двумя верзилами.

Машина рванула с места. На смену старым кирпичным домам появились другие, поновее, крытые оцинкованным железом, а далее потянулись крытые пальмовыми листьями хижины. Асфальт давно уже кончился, да и хижины попадались все реже – похоже, они выехали за городскую черту. Дорога поднималась вверх, потом пошла вниз, «лендровер» лихо проскочил по старому деревянному мостику над узкой спокойной речушкой.

Места начинались дикие – дорога сузилась до двойной колеи, а густые зеленые джунгли стиснули ее с обеих сторон, казалось, без единого просвета. Мазур лихорадочно просчитывал варианты. Нужно решаться, другой возможности уже не будет...

– Тэйт, – сказал он громко. – Вы что, хотите сказать, что не будет никакого таможенного досмотра на аэродроме?

– Господи, вы не в СССР, – беззаботно отмахнулся Тэйт, не оборачиваясь. – Здесь некоторые проблемы решаются предельно просто. Знаете, где лучше всего работать? В таких вот крохотных, только что получивших независимость республиках. Они чем-то напоминают глупую деревенскую девчонку – пока-то наберется ума и деловой рассудительности...

Он говорил непринужденно и весело, как с равным, как с сообщником. Ни малейшего напряжения в машине не ощущалось.

Мазур закурил, выпустил дым и столь же непринужденно спросил:

– Тэйт, знаете, что мне больше всего нравится в вашей Америке? Вам будет, быть может, и смешно, но я имею в виду...

И в следующий миг, не меняя выражения лица, плавным и молниеносным движением вогнал зажженную сигарету в глаз сидевшему справа Чаку, прежде чем тот успел издать жуткий вопль, ударил верзилу слева – ребром левой, «ключом орла» правой! – и, уже под надрывный вой Чака, обрушился на сидящих впереди – раз, два, три, четыре, классический бой на ограниченном пространстве, со скупыми, но страшными ударами...

Машина рыскнула, сорвалась с дороги, дернулась вправо-влево, вверх-вниз – и Мазур «щучкой» прыгнул в открытое окно мимо мотавшегося, как кукла, зажимавшего глаз Чака, еще в полете услышал смачный удар машины о дерево, упал на полусогнутые руки, грамотно кувыркнулся, вскочил на ноги. Успел оглянуться через плечо – «лендровер» вылетел в джунгли, виднелась лишь его накренившаяся корма – и, не теряя времени, вломился в зеленое переплетение ветвей, сучьев и лиан.

Он бежал отнюдь не заполошно – размеренно, расчетливо и экономно выдыхая воздух, защищая лицо поднятыми согнутыми руками: ху-хэ, ху-хэ, ху-хэ... Повторял едва слышным шепотом снова и снова:

Зовут меня Уильям Кидд,
ставьте парус, ставьте парус!
Рядом черт со мной стоит,
абордажный нож блестит,
ставьте парус, ставьте парус!

Слова тут не имели никакого значения – лишь бы ложились на незатейливый ритм, хоть детская считалочка, хоть стих Шекспира, хоть, как сейчас, старинная моряцкая песня-шанти. Бесконечным повторением короткого стишка бегущий вгонял себя в некое подобие транса, совмещая

строчки со вдохом и выдохом, с размеренными движениями рук и ног.

Дым от залпов словно шлейф,
ставьте парус, ставьте парус!
Я свищу: ложитесь в дрейф!
Ставьте парус, ставьте парус!

Он бежал, перепрыгивая через поваленные замшелые стволы, ловко уклоняясь от толстых сучьев, огибая валуны, звонко проламываясь сквозь шелестящие заросли высокого бамбука, лавируя меж кривых пальмовых стволов, шлепая по лужам, вспарывая заросли бледно-зеленого папоротника, как эсминец — океанскую воду, перепрыгивая широкие ручейки. Все время забирал вправо — помня, что погоня впопыхах непременно заберет влево. Если только будет погоня...

Наконец остановился, унимая колотящееся сердце. Нагнулся, склонился к прозрачному петлястому ручейку, забросил в рот несколько горстей воды и вновь замер, как статуя, обратившись в слух. Глупо было бы долго нестись сломя голову, пусть даже рассчитывая чуть ли не каждый шаг. Гораздо выгоднее остановиться и как следует прислушаться. Погоня — та же охота, ее участники частенько предаются азарту сверх всякой меры, ломают, как бульдозеры, перекликаются, подставляются под удар из засады...

Он долго стоял так в сыроватой чаще, возле зарослей похожего на орешник кустарника, чьего настоящего названия не знал. Но, как ни вслушивался, ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего бег человека по лесу, не смог услышать. Стояла тишина, нарушавшаяся лишь птичьими голосами — иными, странными, никогда прежде не слышанными, разве что по телевизору.

Кажется, ушел, как тот Колобок. Он хорошо понимал, что не смог убить тех троих или хотя бы вырубить надолго, удары были сильные, оглушающие, но все же поставленные так, что троица очнется минут через пять самое большее. Вот Чаку, тому придется хреново, циклопу свежееиспеченному... Вряд ли машина вмазалась в дерево так уж сильно. Они наверняка стоят сейчас около нее, может, даже сгоряча кинулись в лес, но, если давно здесь обитают, должны очень быстро сообразить: найти одинокого беглеца в джунглях не легче, чем пресловутую иголку в стоге сена. Не будет ни облавы, ни поисков, ручаться можно. Все их забавы с киднэппингом носят насквозь нелегальный характер. Пусть здесь и нет

спецслужб, но вряд ли властям понравится, когда средь бела дня похищают советских моряков, – как-никак у нас с ними дружба и широкие отношения, того и гляди, к социалистической ориентации склонятся, бюст Ленина торжественно установили...

В общем, янкесы подожмут хвосты и притаятся. Возможно, и сориентируют на его поиски свою здешнюю агентуру, но это уже другая песня... Другой расклад.

На нынешний момент есть гораздо более насущный вопрос: где он, собственно говоря, находится?

Ответ прост: а хрен его знает...

Вот когда пришлось пожалеть, что его подготовка была несколько однобокой, но кто же знал, что ему придется разгуливать по здешней суше, потеряв ориентацию? Главное внимание уделялось морю: карта глубин, особенности здешних вод, особенности погружений в тропиках, ядовитые раковины и рыбы, тактика общения с акулами, «неизбежные на море опасности», в данном случае – контрабандисты, сепаратисты, коралловые атоллы с их коварными течениями...

Если поднатужиться и собрать воедино скудные сведения о сухопутье – что мы имеем? Кроме здешнего мегаполиса, города Виктории, откуда его злодейски и похитили, есть еще то ли четыре, то ли пять городков и неизвестное количество деревушек. Судя по асфальту на улицах и паре дюжин кирпичных домов, он как раз и поймел сомнительную честь побывать в одном из городков, – но не знал ни его названия, ни названий остальных, не говоря уж о том, чтобы помнить, где они располагаются.

Итак? Он пребывает где-то на острове Баэ, самом большом острове архипелага, образующего Ахатинскую республику. Минусы: во-первых, всю его экипировку составляют семь... нет, аж восемь сигарет в помятой картонной пачке и одноразовая зажигалка из прозрачной пластмассы. Во-вторых, собственное местоположение неизвестно.

Есть и плюсы. Во-первых, длина острова – не более восьмидесяти километров, средняя ширина – от двадцати до пятидесяти. Не Австралия, знаете ли, и даже не Борнео. Во-вторых, здесь нет ни ядовитых змей, ни крупных, опасных для человека хищников. Вообще с фауной не густо – собаки, свиньи да летучие мыши. Ну, и кошки. Летучие мыши – дикие по природе своей изначально, а остальные разновидности относятся к разряду домашних, разве что отдельные особи, услышав зов предков, уходят в джунгли, чтобы малость одичать. Никто из них для Мазура сейчас не опасен. Еще птицы и крабы. Опять-таки – никакой опасности. Наоборот, крабов можно есть. В-третьих. Здесь повсюду масса пресной воды. В-

четвертых – здесь не бывает ни морозов, ни снега. Другими словами, для русского человека ситуация прямо-таки курортная, даже если этот человек сбился с курса и определить свое местоположение не в силах, хоть тресни.

Теперь – опасности, хоть и серьезные, но проблематичные, с которыми можно столкнуться, а можно их и избежать, все зависит от фортуны... Сепаратисты возле Баэ практически не появляются, гнездятся на северо-востоке, на необитаемых островках и атоллах, где гоняться за ними затруднительно, особенно если весь военный флот республики состоит из пары устаревших сторожевых катеров...

Есть еще масса авантюристов разного пошиба – контрабандисты, лихие людишки, гребущие копру, раковины и черепаший яйца нелегально, без государственной лицензии. Как предупреждали, могут оказаться опасными для одинокого путника, но только в том случае, если ненароком попадешься под руку. В основном опять-таки промышляют подальше от Баэ и острова-столицы Бизарда.

Наконец, кладоискатели. Пираты плавали в этих местах лет триста кряду, старательно закапывали клады, чье количество буйная фантазия, как водится, удесятирила. Хотя в основе порой лежат и реальные факты – взять хотя бы фрегат по имени «Агамемнон»...

Ну, кладоискатели – опасность и вовсе уж теоретическая. Гуртуются опять-таки у атоллов, отчего-то именно там, судя по местным легендам, пираты предпочитали прятать добытое золотишко. И потом, человеку в изгвозданном выходном костюмчике самого городского облика, не располагающему даже примитивной лопатой, придется очень уж потрудиться, чтобы кладоискатели увидели в нем конкурента...

Выводы? Следует не рыскать хаотично, иначе заблудишься окончательно, кружить начнешь. Нужно целеустремленно двигаться по прямой, пока не наткнешься на какую-нибудь деревню. Или городок. Вряд ли янкесы натолкали свою агентуру в каждый здешний населенный пункт – к чему? Не могли же заранее предвидеть, что несговорчивый клиент сбежит от них по джунглям...

Следовало подумать о примитивном оружии. Ударом ноги он сломал стебель бамбука толщиной чуть ли не в руку, обломал тонкий конец, чтобы получилась палка длиной примерно метр двадцать. Можно было сплести веревку из травы и прикрепить каменный наконечник, но это уже вышел бы перебор – и без того увесистая дубинка с торчащими с обоих концов острейшими отщепами в умелых руках способна натворить дел... Он ограничился тем, что подобрал и распихал по карманам с дюжину округлых камней, идеально подходивших на роль снарядов для пращи, а

пращей с успехом мог служить плотный шелковый галстук. Вполне достаточно, чтобы застигнутый врасплох противник получил свое.

Внимательно осмотрелся, особое внимание уделяя цветам и пышной растительности. По солнцу определить было бы трудно, его попросту не видно из-за густых крон, а вот растения могут помочь. Растения стремятся к солнцу, в северном полушарии большинство их посреди дня направлены головками к югу, а в южном, соответственно, к северу. Мазур находился в южном.

Довольно быстро он определил, где север. И двинулся на юг, чутко прислушиваясь к птичьему щебету, сплошь и рядом безошибочно свидетельствующему о присутствии человека, каковой частенько и есть самое опасное в лесу животное. Уж в Мазуровом случае особенно...

К океану он вышел примерно через час. Почувствовал сначала, что дуящий в лицо ветерок стал другим – в нем появилось нечто неуловимое для сухопутного человека, но хорошо знакомое моряку: иной вкус, едва заметная соленая горчинка, едва ощутимо, словно тончайшим перышком, щекочущий ноздри йодистый запахок... Мазур ускорил шаг. Постепенно меж стволами пальм, слегка накренившихся в одну сторону, стало проступать светлое сияние, под ногами вместо каменистой почвы захрустел песок с коралловой крошкой.

И он вышел к морю, сиявшему мириадами колышущихся искорок. Солнце стояло в зените, небо было безоблачным, в перистых кронах пальм шелестел ветерок. Красота вокруг была такая, что дух захватывало. Вот только Мазур казался здесь насквозь неуместным – белый человек в перепачканном городском костюме и нелепых туфлях, глубоко утонувших в песке, с бамбуковой дубинкой в одной руке и скомканным галстуком в другой. Гораздо уместнее смотрелся бы туземец в набедренной повязке, босой, смуглый...

Если не считать Мазура, на берегу не было ничего, свидетельствовавшего бы о том, что на планете стоит двадцатый век, что на планете вообще есть люди. Пустынный берег, пустынный океан, пальмы и ветер. Даже жутковато становилось...

Но не было времени предаваться лирике – жрать хотелось так, что пустые кишки жалобно потренькивали гитарными струнами. Прежде всего Мазур как следует осмотрел берег, чтобы определить линию максимального прилива, не оказаться застигнутым водой врасплох. Оценил цвет прибрежных скал, линию наносов – и осторожно двинулся вперед по влажному песку. Под ногами, в ямках, поблескивали медузы, ползали рачки, лежали распластанные морские звезды – все это было несъедобно. А

вот это уже интереснее... Он отвалил ногой камень, дубинкой, проворно ею орудуя, отшвырнул подальше на берег парочку оплошавших крабов. И еще несколько. Толкнул ногой крупную раковину моллюска «морское ушко», поблескивавшую на камне. Раковина легко поддалась, упала на влажный песок – ага, моллюск либодохлый, либо больной, а посему для употребления в пищу негоден. А эти здоровые, крепко прицепились, с ними придется повозиться...

Вода понемногу прибывала. Мазур вприпрыжку побежал обратно на берег с отвисшими, набитыми раковинами карманами. Поймал двух крабов – остальные успели сбежать, ну и черт с ними... Ловко держа их так, чтобы не цапнули клешнями, присел под пальмой.

Прикончив крабов в две секунды, выгреб из карманов раковины. Теперь костюм, мало того, что был перепачкан, еще и крепко вонял дарами моря – раковины, что те валенки Тихона, воздух отнюдь не озонировали.

Привередливый гурман от запаха и вида свежевывловленных яств заработал бы нервное расстройство, но Мазура хорошо выучили незатейливой истине: в подобных случаях брезгливости не место, чтобы сохранить силы, нужно есть...

Сначала он разделался с моллюсками, потом закусил сырым крабовым мясом. Не без сожаления проводил взглядом ушедшую на глубину водяную змею – попадись она раньше, на мелководье, приколол бы бамбуком и тоже съел. В качестве витаминного десерта употребил приличный пучок темно-зеленых водорослей. После всего этого вкус во рту остался, конечно, специфический, но организм получил некоторую порцию белков и углеводов, а это главное... В конце-то концов, французы лопают устриц живьем, платят приличные деньги, хвалят да причмокивают...

Закурив, дымил, бережно держа сигарету большим и средним пальцами, пока огонь не дошел до фильтра. Тщательно закопал окуроч в песок. Постарался внушить себе, что чувствует себя теперь гораздо бодрее – сытно пообедал, понимаете ли, отдохнул, пора и честь знать...

Поднялся и пошел вдоль кромки джунглей, держа путь в ту сторону, где над кронами вроде бы виднелась сероватая скала. Так и есть – бугристый уступ вздымался метров на сорок над зеленым буйством леса. Сняв туфли, Мазур высмотрел подходящую расщелинку и медленно полез вверх со всеми предосторожностями.

Добрался до самой верхотуры. Крепко уцепившись за выступ, огляделся. Далеко на горизонте двигалась черная точка – то ли рыбацья лодка, то ли корабль. Не стоит и пытаться привлечь его внимание дымом костра – не Робинзон Крузо, в самом-то деле... Вообще, с какой стати этот

корабль или лодка должен свернуть к берегу, заведя дымок костра? То-то...

Словом, все внимание – на джунгли. Сплошной зеленый ковер, там и сям пролетают птицы... А это что?

Положительно, дым! Несколько тонких сероватых струек, поднявшихся выше пальм. Трудно судить, но очень похоже на прогалину. Расчищенное место, дым... Люди.

Вот туда мы и направимся.

Глава шестая

Опиум для народа

Он в очередной раз доказал, что учили его не зря, – вышел к прогалине почти что по идеальной прямой, отклонившись с намеченного курса всего-то на десяток метров. Когда меж кривыми, все как один наклоненными в сторону океана стволами показалось нечто, своей бесформенной угловатостью прямо-таки выламывавшееся из дикой природы, Мазур использовал прием спецназа, именуемый «выход на объект». За пышным названием таилась самая что ни на есть прозаическая процедура: он осторожненько подкрался к опушке, держась так, чтобы ветер все время дул на него, а потом растянулся на пузе – благо костюм и так погиб безвозвратно – и бесшумно переполз до ближайшего к хижине ствола, служившего неплохим укрытием.

Присмотрелся. Те, кто включил в руководства строчки о наветренной и подветренной стороне, дело свое знали туго: там-таки обнаружилась собачонка, худая, белая с рыжими пятнами, совершенно неотличимая от российских Жучек. Она валялась в тени, лениво жамкала что-то неаппетитное, и не похоже было, чтобы имела хоть какое-то отношение к сторожевой службе. Очень уж бесполезный и простецкий у нее был вид.

Да и охранять особенно нечего. Поселение состояло из трех строений, абы как смастеренных из потемневших, плохо пригнанных досок, боковинок ящиков, кусков плотного картона и фрагментов вовсе уж непонятного происхождения. Вместо крыш – обрезки жести, пучки пальмовых листьев, большой кусок брезента и даже насквозь проржавевшая автомобильная дверца, снятая с машины, полное впечатление, еще в первую мировую войну. Окошечки не застеклены, вместо дверей – выцветшие, пожелтевшие циновки.

Справа – несколько длинных грядок. Мазур долго присматривался к экзотическим зеленым растениям с красными плодами, пока не сообразил, что это – кусты обыкновеннейших помидоров. Правда, тут же – какие-то по-настоящему экзотические овощи, совершенно Мазуру неизвестные.

Стояла тишина, только из крайней хижины доносилось негромкое, размеренное ширканье, судя по звукам, происходившее от трения дерева о дерево. Мазур терпеливо ждал. Прямо под носом у него неспешно проползла ахатина, та самая улитка, от которой острова и получили когда-то название, – созданыице сантиметров пятнадцати длиной, завезенное

сюда из Африки, местные его употребляют в пищу так, что за ушами трещит.

Пора было предпринимать какие-то действия. Не верилось, что среди явно немногочисленных обитателей этой, с позволения сказать, деревушки имеются американские агенты с рацией под тем вон перевернутым корытом. Наверняка рыбаки – до моря недалеко, на солнышке валяются плетеные верши для рыбы, как две капли воды похожие на отечественные проволочные «морды». Одна стена ближайшего домика покрыта связками мелкой, скрючившейся рыбешки, уже проявившейся под здешним щедрым солнцем. А еще там висят во множестве пучки разнообразных трав, гирлянды чего-то, напоминающего мелкие желтоватые луковички, пожелтевшие листья, тщательно рассортированные по величине.

Он все еще колебался, пытаюсь сообразить, каковы могут быть здешние правила этикета для подобных случаев, визитов незваных гостей, когда ситуация в один миг резко изменилась. Из ближайшей хижины, энергично колыхнув циновку, появилась необъятная негритянская тетушка в пестром платье и наверхенном вокруг головы алом тюрбане, сделала несколько шагов, уперла могучие руки в могучие бока и сварливым голосом советской трамвайной скандалистки заорала что-то, глядя аккуратно в сторону Мазура. Он не разобрал ни слова – должно быть, это и есть тот самый креольский язык, густо замешанный на французском, но с огромной примесью слов и выражений из доброй дюжины наречий мореходных наций, чьи представители во множестве навещали сии места.

Он не шелохнулся. Толстуха заорала вновь – на сей раз, похоже, на относительно чистом французском. Не оставалось сомнений, что его обнаружили, вот только каким чудом, если он маскировался все же вполне профессионально?

Новая очередь раздраженных воплей – теперь, к счастью, английский, хоть и весьма отличавшийся от того, какому долго и добросовестно учили Мазура засекреченные преподаватели, но все же относительно понятный. Понемногу стало ясно содержание ее оглушительного монолога: толстуха заявляла, что честные люди не подкрадываются таким вот образом к частной собственности мирных и порядочных людей, а если у нахала еще сохранились остатки благовоспитанности и он не питает вовсе уж разбойных замыслов касаясь жизни и здоровья хозяев, а также их нажитого тяжким трудом добра, то ему следует вылезти и представиться.

Вздохнув, Мазур выбрался из своего укрытия. Он даже не пытался привести костюм в порядок, заранее зная, что это бесполезно. Хозяйственно приставив свою дубинку к стволу ближайшей пальмы,

раскланялся и сказал:

– Здравствуйте, тетушка.

Тетушка громогласно сообщила, что будет весьма признательна богам белых, черных и желтых людей, а также лесным духам, если они на будущее избавят ее от самозванных племянничков. И, не переводя дыхания, рявкнула:

– Хозяин ждет в доме. Живо-живо, пошелпошел!

И указала на соседнюю хижину. Все же это смахивало на приглашение, и Мазур направился туда, испытывая мучительную неловкость.

В хижине было чисто, пахло сушеными зельями и пылью. На толстом чурбачке сидел морщинистый, старый негр не особенно и экзотического вида: на нем были прозаические рубаша и штаны, вот только на шее висела целая связка ожерелий из цветных узелочков, бисера и кусочков дерева. Взирая на Мазура с философским любопытством, он попыхивал кривой трубочкой, в которой, судя по запаху, дымил столь ядреный местный самосад, что моршанская махорочка рядом с ним показалась бы фимиамом.

Среди висюлек на шее старика обнаружили целых три английских медали. Мазур как раз их разглядывал, когда старик указал ему на второй чурбачок. Пришлось поспешно сесть.

– Бежишь от кого-то? – осведомился старик.

– Немного, – согласился Мазур, собрав в кулак все свои дипломатические способности (если только таковые у него имелись).

– Как это – немного?

– За мной гонятся не власти, а несколько плохих людей, – тщательно все взвесив, подыскал Мазур подходящую формулировку.

– А зачем?

– Они хотели, чтобы я предал своего вождя и перешел к ним на службу, – сказал Мазур.

– А ты не хотел?

– А я не хотел.

– Присяга? – употребил старик вполне цивилизованный английский термин, потерев медаль на крученом шнурке. – Это я понимаю. Сам присягал его величеству Георгу.

– Что-то вроде, – осторожно сказал Мазур, вовремя вспомнив, что для всего мира он, собственно говоря, лицо штатское.

Присмотрелся к медалям. Шестиконечная «Звезда Африки» и два светлых кружка с профилем помянутого короля, Георга VI. Сдается, во вторую мировую хозяин хижины украшал своей персоной ряды

королевской армии. По возрасту соответствует.

– И ты от них убежал, – утвердительно сказал старик.

– Убежал.

– За тобой гонятся?

– Не думаю. Вряд ли. Они городские люди и не знают джунглей.

– А ты знаешь?

– Как сказать... – с той же осторожностью ответил Мазур. – У себя на родине я жил в лесу. У нас другой лес, но все равно... Лес есть лес.

Старик понятливо кивнул:

– Давно бежишь?

– С утра.

– Какая суета... Не живется вам спокойно, городским... Все равно, белым или черным...

Решившись, Мазур указал на медали:

– Это твои, почтенный старый человек?

– Мои.

– Вот видишь, ты тоже когда-то суетился...

– Я был молодой и глупый, – сказал старик, дымя самосадом. – Меня спросили: «Хочешь повидать мир?» Я сказал, что хочу. Тогда мне сказали: чтобы повидать мир, нужно идти на войну. Я подумал и сказал: согласен... Глупость – это молодость, а молодость – это суета. Мудрость – это старость, а старость – это спокойствие. Не самая грандиозная мудрость, но самая справедливая. Потому что так оно все и обстоит. Вот мне не хочется никуда идти и никуда спешить. Потому что мир от этого не изменится. Не было никакой нужды убивать белых мужчин и спать с белыми женщинами... впрочем, и черных это касается. Закат и море остаются прежними. Всегда. А ты, я смотрю, еще не устал суетиться...

– Каков есть... – развел руками Мазур. – Ты знаешь дорогу в Викторию?

– Знаю.

– Как туда добраться?

– А вот этого я и не знаю, – сказал старик. – Честное слово. Я знаю, как туда идти – если пойду сам. Но объяснить другому ни за что не смогу. Если ты меня правильно понимаешь...

Умом Мазур его, возможно, и понимал, но вот сердцу эта экзотическая философия была решительно не по вкусу. Он ощутил нешуточное раздражение – тоже мне, ворон здешних мест, философ из Ясной Поляны...

– Я правду говорю, – сказал старик. – Ты зря сердишься.

«Мысли читает, старый черт?! Очень похоже, это и есть здешний „бон

ом де буа“, „лесной добряк“, этакая помесь колдуна и знахаря. Вон сколько зелий поразвешано, косточки какие-то лежат связками, и в горшке тоже, полный горшок, до краев, – то ли куриные, то ли крысиные, перья петушинные в пучки увязаны... »

Рассказывают про этих колдунов разное, форменные сказки в том числе. Наслушался. На миг Мазуру стало неуютно, ожил глубоко загнанный в подсознание, но присущий каждому городскому человеку страх перед таящимся в глуши Неведомым.

– Ты меня не бойся, – сказал старик. – У нас на островах людоедов никогда не было, это где-то в других местах...

– Я и не боюсь, – сказал Мазур.

– Боишься.

– Ну, не в том смысле... Любой человек немного побаивается неизвестного. – Мазур решил сменить тему: – Здесь найдется кто-нибудь, кто может показать дорогу в Викторию?

– Сомневаюсь. Виктория где-то там, – он показал за окно. – Вот и все, что тебе здесь скажут...

– Ну, это уже кое-что... – проворчал Мазур.

Не меняя позы, вынув только трубочку изо рта, старик вдруг оглушительно проорал что-то на креольском. Тут же вошла толстуха, неся жестяной бидончик и две пластиковые кружки. Хозяин разлил по ним мутновато-белую жидкость, пригубил свою, кивнул Мазуру:

– Пиво. Из сахарного тростника. Называется бакка.

Мазур отважно попробовал сладкую, хмельную жидкость – что ж, не так уж плохо... Психология простого человека одинакова под всеми географическими широтами: он всегда найдет, из чего приготовить алкогольный напиток.

– Есть хочешь? – поинтересовался старик.

Мазур хотел, но из гордости мотнул головой:

– Да нет. Мне бы в Викторию...

– Чтобы суетиться дальше?

– Что поделать... Судьба.

Старик оживился:

– Ты мне подал хорошую мысль, юный белый человек. Давай будем смотреть твою судьбу. Мне, знаешь ли, скучно. Старость – это не только спокойствие, но еще и скука... Люди забредают реже, чем хотелось бы...

Мазур невольно отстранился:

– Ты гадание имеешь в виду?

– Не совсем, – терпеливо сказал старый лесовик. – Точно сказать

человеку, что с ним случится, никто не может. У людей это не получается, что бы там всякие городские шарлатаны ни плели... А посмотреть судьбу – это совсем другое. Шарлатанство тут ни при чем... – Он с удивительным проворством наклонился вперед, сцапал Мазура за руку, прежде чем тот успел отпрянуть, вывернул ее ладонью вверх, высыпал на ладонь пригоршню косточек и бросил сверху яркое петушиное перо.

От растерянности Мазур застыл, как статуя. Старик тем временем принялся водить по его ладони указательным пальцем, выписывая им круги, вороша косточки – ловко, так, что ни одна не упала и перо осталось на месте. За окном вздохнул чирикали какие-то мелкие птицы, хижину косо пронизывали солнечные лучи, полные лениво пляшущих пылинок.

– Ты еще никого не убил, – сказал старик. – Но убьешь ты многих.

– Это плохо? – настороженно поинтересовался Мазур.

– Не плохо. И не хорошо. Это жизнь. Пусть ваши священники ломают себе голову, объясняя насчет плохого и хорошего. Я-то просто смотрю. Ты многих убьешь. Больше всего среди них будет таких, кто и сам соберется тебя убить... но будут и другие. Всякие. Которые тебя убивать вовсе не собирались. У тебя будут медали и еще много чего...

– Вот это уже веселее, – натянуто улыбаясь, сказал Мазур.

– Думаешь? Кто знает... Ты будешь много странствовать по свету, не потому, что ты сам так хочешь, а оттого, что этого захотят другие. Много повидаешь...

– А как насчет женщин? – поинтересовался Мазур громче, чем следовало бы. Все эти процедуры вроде бы и в самом деле пахивали неподдельным угадыванием, но в конце концов цыганки откалывают номера и почище...

– Женщин у тебя будет много, – усмехнулся старик. – Самых разных. Я по твоему лицу вижу, что тебе стало в глубине души приятно и весело... Это опять-таки от молодости. Потом-то ты поймешь: чем больше женщин, тем больше хлопот и проблем.

– У меня с одной-единственной женщиной целая куча проблем, – неожиданно для себя поделился Мазур наболевшим. – Можно узнать, выйдет она за меня замуж или нет?

– Можно-то можно, может, и можно... а вот нужно? Вдруг тебе потом от этого будет только грустнее? Хочешь знать точно?

Мазур долго молчал, усиленно пытаясь себе вдолбить, что старый знахарь от скуки попросту валяет дурака. Совершенно бесплатно, из чистого развлечения вешает лапшу на уши захожему белому страннику. Страсть к шуткам и розыгрышам обитает под всеми широтами.

И все же некий островок сознания нашептывал, что ко всему этому стоило бы отнестись и серьезнее...

– Нет, – сказал он в конце концов. – Не хочу знать точно.

Старик торжествующе поднял корявый палец:

– А знаешь, юный белый человек, в тебе все-таки больше ума, чем глупости... Может, из тебя еще и выйдет толк. Никогда не нужно знать точно. От этого одни неприятности. Когда я был в твоих годах и у меня было больше глупости, чем ума, меня однажды попросил один сержант сказать ему точно. Глупый я был, твоих лет... Я же не виноват, что видел точно: он не вернется, он будет лежать, и в нем станут копошиться черви... Он очень хотел знать, и я сказал...

– И что? – шепотом спросил Мазур.

– Плохо получилось. Совсем плохо. И сам умер раньше, чем ему следовало, и еще нескольких за собой потянул... Давай лучше поговорим о женщинах. Они тебя, по-моему, гораздо больше интересуют... а знаешь что? Хочешь ко мне в ученики?

Мазур не на шутку опешил:

– Я?!

– А почему нет? Это глубоко неважно, белый или черный. Лишь бы оказался способным. Кое-что, – он сделал широкий жест, обведя рукой внутренность хижины, – есть только у меня, и будет обидно, если оно уйдет со мной... Оставайся. Буду тебя учить. Но это надолго...

«Нет уж, спасибо, – подумал Мазур. – Наслышаны. Про колдунов, которым непременно нужно уцапать кого-нибудь за руку в преддверии смерти – чтобы передать умение. А потом к „счастливчику“ заявится шайка мохнатых и рогатых и объявит, что отныне он с ними повязан не только на всю оставшуюся жизнь, но и... Черт, да что мне такое в голову лезет? Я что, всерьез?»

– Нет, спасибо, – сказал он решительно. – Это не по мне.

– Как знаешь... – старик разразился перхающим смешком. – И все же старому черному человеку интересно было бы тебя кое-чему научить.

– Например?

– Сложностям жизни. Для молодых жизнь всегда слишком проста, неважно, живут они в деревне на острове или в огромном городе белого человека...

– Ну, это, откровенно говоря, не обо мне, – сказал Мазур, уже чуточку захмелевший, – за разговором они ухитрились осушить бидончик до дна. – Я и так знаю, что жизнь штука сложная, уж поверь.

– Все равно, – ухмыльнулся старик, отчего морщины на его лице

сложились в диковинные узоры. – Чем больше новых сложностей – тем серьезнее начинаешь относиться к жизни...

Он вновь оглушительно заорал, и толстенная черная тетка приволокла новый бидончик, полный, сохраняя на лице прямо-таки интернациональное выражение – молчаливое неодобрение законной супруги, вынужденной наблюдать, как муженек квасит со встречным и поперечным. Плюхнула посудину на пол между ними так, что взлетело облачко пыли.

– Возьмем женщин, – продолжал старик, наполняя кружки. – Ты уже успел сообразить, что с ними много сложностей, но вот далеко не все сложности знаешь...

– Ты о чем? – поинтересовался Мазур.

– О жизни, – уклончиво ответил старик. – И о женщинах...

Что-то странное и непонятное с ним происходило – он то уплывал под потолок, то опускался вниз, как воздушный шарик. И хижина вела себя странно – предметы на глазах теряли четкость очертаний, расплывались, колыхались, кружились...

Мазур сделал слабую попытку встать с чурбака – и окружающее так сорвалось со своих привычных мест, сплетаясь в размытые полосы, кренясь и кружась, что это поневоле вызвало приступ нешуточного ужаса. Что-то ударило в щеку. Тренированное восприятие, продираясь сквозь плотный дурман, подсказывало, что он попросту свалился на пол, где и лежит мордой в пыли и хламе.

Руки, ноги, все тело отказывалось повиноваться. Даже головы не повернуть. Наваливалась душная темнота, пронизанная странными звуками, он уже ничего не видел вокруг, все гасло, таяло...

* * *

...Разлепив веки, он прислушался к своим ощущениям и вынужден был констатировать, что чувствует себя гораздо лучше, нежели после американской химии. Голова оставалась ясной, привкус во рту наличествовал, но напоминал он скорее вкус обыкновенной муки или крупы.

Пошевелился. И обнаружил, что запястья и щиколотки накрепко связаны. Что он лежит на траве в тени хижины. Стоявшие над ним люди, трое здоровенных чернокожих молодцов, курчавые, в защитных шортах и разномастных майках, обрадованно затараторили на креольском.

Дернувшись было, Мазур моментально убедился, что связан на

совесть, с большим знанием дела. Болтая и пересмеиваясь, незнакомцы приволокли толстую жердь, продели под веревки, поднатужились и с какой-то местной присказкой типа «Раз-два, ухнем!» взвалили жердину на плечи. Мазур болтался в воздухе, униженный и злой.

Вертя головой, рассмотрел, что его несут к открытому «джипу». Приподняли выше, уложили горизонтально на заднее сиденье, так и не вытащив жердины. Вытянув шею, приподняв голову над бортом, Мазур увидел неспешно приближавшегося старика и, благо терять было нечего, изрыгнул все специфические словечки на языке Шекспира, которые знал.

– Это ты зря, – сказал старик совершенно беззлобно. – Я же тебя не выдаю тем, кто за тобой гонится, ничего подобного. Я тебя хочу немножко поучить сложностям жизни. Уж извини, юный белый человек, но ты меня немножко рассердил. Ты слишком явно думал, что я шарлатан. А я не шарлатан, я самый настоящий «лесной добряк». Вот и захотелось самую малость пошутить. Ничего страшного с тобой не случится, зато больше будешь знать о сложностях...

«Опиум для народа, – подумал Мазур. – Зелье в пиве, конечно. Ах, мать твою...»

И едва не прикусил язык – машина резко рванула с места, подпрыгивая на ухабах и корневищах.

Глава седьмая

Сладкое королевство

Если закрыть глаза, нетрудно представить, что несешься по раздолбанной русской глубинке, – машину швыряло и кренило, в точности как на разбитых отечественных колеях. Из гордости Мазур старался не подавать голоса, хотя мотало его немилосердно. Судя по толчкам, водитель гнал «джип» по совершеннейшему бездорожью.

Когда Мазура чувствительно приложило затылком о борт, он чисто инстинктивно зашипел сквозь зубы. Меж похитителями произошел короткий обмен репликами на креольском, машина притормозила, двое перепрыгнули на заднее сиденье и, вот счастье, наконец-то освободили Мазура от жердины, но не выкинули ее за борт, оставили в машине. Приподняли его, примостили на сиденье. Сами устроились по обе стороны, скалясь, поглаживая черные рукояти висевших на поясе парангов, местных ножей, представлявших собою помесь мачете и европейских саперных тесаков девятнадцатого века. Смешливые такие, улыбчивые темнокожие ребята, то и дело косившиеся на Мазура и всякий раз оглашавшие окрестности жизнерадостным фырканием.

– Ты откуда? – поинтересовался один.

– Советский Союз, – сказал Мазур, надеясь, что это произведет кое-какое впечатление.

Ничего подобного. Ребятки недоумевающе переглянулись, пожимая плечами.

– Это где-то в Европе, – сказал водитель. – Там, говорят, холодно.

– А твоя страна больше Англии? – с детской непосредственностью спросил сосед справа. – Или Франции?

– Самую малость побольше, – сердито процедил сквозь зубы Мазур.

Он был по-настоящему сердит – только что рассыпалась одна из иллюзий – якобы любой негр, не обязательно преклонных годов, при одном упоминании о Советском Союзе преисполняется братской любви и почтения. Ничего хотя бы отдаленно похожего и не наблюдалось. Впрочем, он еще во Вьетнаме лишился некоторых иллюзий: тамошние стойкие борцы с американским империализмом, как оказалось, в свободное время не гнушались спиртного, после чего порой вульгарно дрались с советскими друзьями, мало того, еще и самые натуральные проститутки попадались.

– Страшно? – любопытствовал сосед слева, сверкая

безукоризненным зубами.

– Нет, – отрезал Мазур.

– Мы тебя съедим, белый, – пообещал сосед справа. – Зажарим и слопаем. А черепушку твою воткнем на кол и устроим вокруг дикарские пляски. Мы такие дикие...

– Рассказывай, – проворчал Мазур.

Нет здесь людоедства, это он точно знал – серьезные инструктажи перед отправкой на дело ребяток их масти в корне отличаются от нудных политинформаций. Тогда? В рабство, что ли, хотят упечь? Но и рабства здесь нет никакого. В поисках заработка на тростниковые плантации стекаются не только местные, но и много приезжего народа вроде индийцев и танзанийцев. Рабочая сила многочисленна и дешева, так что совершенно нерационально охотиться на случайных путников, в особенности приезжих белых. Новорожденная республика получает от туризма приличные денежки, и никто не позволит баловаться подобным образом с основой экономики, каковой наряду с сахарным тростником служат белые путешественники...

– Ты как предпочитаешь? – спросил сосед слева. – Чтобы тебя зажарили на пальмовом масле или затушили на углях?

– А вот развязал бы ты мне руки, – задумчиво сказал Мазур. – Я бы тебе вдумчиво и объяснил...

Троица заржала, перекидываясь репликами на креольском. В их поведении пока что не чувствовалось никакой угрозы, но Мазур заранее готовился к поганым неожиданностям.

Пейзаж вокруг изменился – вместо дикого леса появились аккуратные ряды золотисто-зеленых стеблей. Мазура уже угощали сахарным тростником, и потому он его моментально узнал. Машина летела по узенькой дорожке, больше напоминавшей туннель, – высоко над головой смыкались упругие листья. Мазур и не думал, что сахарный тростник такой высокий, метров пять, а то и выше, те стебли, из которых он пробовал сок, были не более полуметра длиной, теперь-то ясно, что это жалкие обрезки...

Они ехали и ехали, а плантации все не кончались. Километров десять отмахали, а конца-края не видно. Частенько попадаются рабочие, то ярко выраженные ахатинцы, то несомненные индусы. Никто и не смотрит на «джип».

– И все же, куда мы едем? – спросил Мазур, стараясь быть невозмутимым.

– В гости, – охотно отозвался сосед справа. – Смотришь, тебе и понравится...

И все снова прямо-таки закатились от хохота. Мазур, в оба наблюдавший за окружающим, пусть и донельзя однообразным, сделал немаловажный вывод: как и следовало ожидать, ни на одном из попавшихся по дороге рабочих не видно кандалов или иных уз, ни разу не попался на глаза вооруженный надсмотрщик. Нет, никакого принуждения, как и рассказывал инструктор. Тогда в чем же подвох?

Он давно уже, притворяясь, что поглощен окружающим, украдкой пошевеливал запястьями и лодыжками, изучая стянувшие их веревки. Связали его профессионально: и надежно, и позаботившись о том, чтобы тонкие плетеные веревки не нарушили кровообращения. И все же... Он как-никак не ихтиолог. Без особого труда можно втихомолку ослабить путы на руках, освободиться, рвануть из ножен паранг у любого из соседей и показать теперь уже этим, что такое квалифицированный бой на ограниченном пространстве. Огнестрельного оружия у них нет. Трое жизнерадостных провинциалов с ножиками и Мазур – соотношение сил слишком уж неравно, фортуна явно не на стороне противника...

А что потом? Совершенно неизвестно, в какую сторону бежать, непонятно, во что это он влип. Велик риск по неосторожности наломать дров. Лучше подождать какой-то определенности – а внести ее могут лишь хозяева этой мелкой сошки...

Наконец «джип» выскочил из зеленого туннеля. Мазур увидел впереди приземистый и обширный краснокирпичный особняк, опять-таки в классическом английском духе, одноэтажное строение с полудюжиной ненужных здесь каминных труб. Территория вокруг выглядела тщательно ухоженной – разноцветные цветочные клумбы, аккуратные дорожки...

Миновав парадный вход, крыльцо с колоннами, «джип» пронесся за угол. Остановился. Похитители вмиг выдернули Мазура с сиденья, вновь подцепили его на жердь, как охотничий трофей, и с той же ритмичной местной считалочкой, что-то вроде «Гей-ух, гей-ух!», бегом потащили к черному ходу.

Пронесли по чистому широкому коридору, опустили на пол в большой пустоватой комнате, где из мебели имелась лишь широкая кушетка посередине, наконец-то разрезали веревки. Мазур без приглашения опустился на кушетку, растирая запястья. Спина от неудобной позы затекла, но к возможной драке он был готов.

Тем временем появился пожилой ахатинец, седой и серьезный, в белом халате. Троица почтительно примолкла – похоже, в здешней иерархии седой стоял значительно выше, нежели они. Короткий обмен загадочными креольскими репликами – и Мазура, тесно обступив, проконвоировали в

другую комнату, как две капли воды смахивавшую на хорошо оснащенный врачебный кабинет, толкнули на стул, а сами замерли за спиной.

«Все-таки врач, – подумал Мазур. – Человек по определению интеллигентный и грамотный».

– Я – гражданин Советского Союза, – сказал он седому. – И требую...

– А паспорт у вас есть? – безмятежно спросил седой.

Мазур растерянно замолчал – документами он был не обременен, в карманах грязного костюма ничего не было, даже сигареты с зажигалкой куда-то пропали.

– Вот то-то, – терпеливым тоном опытного врача, привыкшего к самым неожиданным пациентам, сказал седой. – Извольте, молодой человек, отвечать на мои вопросы, а протестовать будете потом. Когда найдется более подходящее время.

Дать ему в лоб, а потом побеседовать по душам с троицей? Но дальше-то что? Усилием воли Мазур заставил себя успокоиться.

Вопросы оказались как раз теми, каких следовало ожидать от врача: чем болел, какие прививки делал перед прибытием сюда. В заключение седой взял у него кровь из вены и словно бы потерял к пациенту всякий интерес. Трое подняли Мазура со стула и, легонько подталкивая, выпроводили, но двинулись не в прежнюю комнату, а в противоположном направлении.

По дороге Мазур наскоро прокрутил в голове сногсшибательную гипотезу: он оказался в лапах мэда, сиречь безумного ученого.

За время плавания вдоль африканских берегов они не раз смотрели американские ужастики на эту тему, как ни пытался противодействовать товарищ Панкратов. Классический «безумный ученый», «мэд сайентист». Сейчас начнет превращать Мазура в чешуйчатого монстра или скрещивать его с сахарным тростником.

Вздор. Полнейший. Больше всего особняк смахивает не на логово яйцеголового безумца, а на резиденцию преуспевающего плантатора. Интересно, что может быть общего у второго с первым?

В комнате, куда его привели, обнаружилась огромная, чистая ванна.

– Раздевайся и лезь, – подтолкнул Мазура в поясницу один из конвоиров. – Умеешь пользоваться ванной, белый?

Промолчав, Мазур сбросил замызганную одежонку и полез в ванну. Пока суд да дело, следовало воспользоваться нечаянным комфортом. Все его барахлишко ахатинец запихал в черный пластиковый мешок и куда-то унес. Мазур долго плескался в пушистой пене, никто его не подгонял. Совмещая приятное с полезным, пытался прокачать в уме, как отреагируют

на судне на его исчезновение и какие меры предпримут. Наверняка один из помощников капитана отправится в полицию и с честнейшими глазами заявит, что мирный советский ученый пропал бесследно. Параллельно напрягут здешнюю агентуру – она тут, конечно, имеется. Одно плохо: с подачи Лаврика могут заикнуться на Мадлен, полагая ее главной виновницей пропажи старшего лейтенанта Мазура, хотя ему-то теперь уже ясно, что Мадлен тут совершенно ни при чем...

В конце концов один из стражей поинтересовался:

– Ты что, рекордный заплыв хочешь устроить? И так уже чистый до хруста...

Мазур вылез, обмотался полотенцем. В комнате тем временем объявился огромный, голый до пояса мускулистый негр и громко распорядился:

– Ложись на кушетку, белый. На пузо, – глянул на замешкавшегося Мазура и фыркнул: – Не трясись, белый, я не педераст, я массажист...

– А кто твою маму знает... – проворчал Мазур, вытягиваясь на кушетке.

Великан не соврал – Мазур понимал толк в массаже, сам умел его делать, как любой из группы, а потому быстро оценил, сколь профессионально его обрабатывают. Суставы потрескивали, негр старался до седьмого пота. Как и следовало ожидать после столь долгих и изощренных трудов, Мазур почувствовал себя заново родившимся, бодрость так и струилась по жилочкам.

– В туалет хочешь? – спросил негр.

– Нет пока, – сказал Мазур.

Откровенно говоря, он давно уже справил малую нужду прямо в ванну еще во время первого омовения – проситься в сортир отчего-то показалось унижительным.

– Ну, тогда отдыхай, – пробурчал великан и вышел не оглядываясь.

– Дальше-то что, ребятки? – спросил Мазур, драпируясь полотенцем. – Одежонку бы какую...

– Всему свое время, – обронил один из конвоиров.

Обернулся к приоткрытой двери и что-то громко сказал. Приятная мулаточка в синем платье и белом фартучке принесла поднос и после секундного раздумья, не найдя другого места, поставила его на кушетку рядом с Мазуром. Оглядев его с неприкрытым любопытством, вышла. За дверью тут же послышались смешки, перешептывание.

– Лопай, – широким жестом указал на поднос курчавый.

И все трое покинули комнату. В замке щелкнул ключ. Придерживая

сползавшее полотенце, Мазур первым делом подошел к окну, украшенному солидной решеткой, которую даже он вряд ли вынес бы голыми руками. За окном пестрели цветы на клумбах, синело небо над далекой зеленой стеной сахарного тростника. Сельская идиллия, пастораль...

Как бы там ни было, следовало подзаправиться. Силы не помешают. Он в два счета разделался с жареным мясом в кисловатом соусе, рыбой, рисом и прочими недурно приготовленными яствами, отнюдь не блиставшими особой экзотикой. Обнаружив под салфеткой пачку американских сигарет с зажигалкой, растянулся на кушетке, пуская дым. Следовало согласиться, что пока ничего особо жуткого с ним не произошло. Будущее, правда, оставалось абсолютно туманным. Как и предсказания лесного колдуна, чтоб ему на башку кокос упал...

Время шло, Мазур понемногу начинал скучать. Он определил, что время близится к вечеру, но кроме этого никакой ценной информацией не располагал. Минуты тянулись, как жвачка. Прошло не менее полутора часов, прежде чем щелкнул замок. Вошел тот самый массажист, на сей раз не только в белых штанах, но и в безукоризненной рубашке с черной бабочкой, шедшей ему, как корове седло. На поясе у него висел паранг и еще коричневая мягкая кобура, из которой торчала рукоятка револьвера.

– Держи, беленький, – он небрежно бросил Мазуру белые брюки. – Кажется, твой размерчик...

– Эй, а все остальное?

– И так сойдет...

Мазур натянул штаны. События, кажется, сдвинулись с мертвой точки...

– Шагай, – подтолкнул верзила. Продемонстрировал внушительный кулак. – Только смотри у меня, без глупостей, в доме, между прочим, охраны полно...

Мазур двинулся впереди него по широкому коридору барского дома, ничуть не напоминавшего лабораторию сумасшедшего ученого. Верзила поскрипывал сзади черными лакированными туфлями. Совсем нетрудно было бы обидеть его, а потом конфисковать холодное и огнестрельное оружие, но Мазур решил не пороть горячку.

Остановились перед высокой двустворчатой дверью. Положив Мазуру на плечо громадную лапищу, проводник сказал:

– Ты, сдастся мне, парнишка сообразительный...

– Да вроде, – сказал Мазур, переступая босыми ногами.

– Тогда запомни парочку необходимых истин, – он внушительно покачал под носом у Мазура толстенным указательным пальцем. – Первое.

Будь паинькой. Второе. Если ты, беленький, хозяйку хоть как-то обидишь, я тебе лично яйца отхвачу парангом, а потом закопаю. Яйца отдельно, тебя отдельно. Усек?

– Усек, – сказал Мазур.

– Тогда прошу... – он распахнул перед Мазуром правую половинку двери.

Мазур вошел. Огляделся. Не увидел ни единой живой души. Обширная комната, обставленная несколько старомодно, но с утонченной роскошью, больше всего напоминала будуар знатной дамы, какие показывают в исторических фильмах: огромная кровать под балдахином, мебель черного дерева, картины под стеклом, букеты в китайских вазах... Посреди всего этого босой и голый по пояс Мазур смотрелся как-то нелепо.

Резко развернулся к стене, услышав за спиной непонятный звук.

Это открылась потайная дверь, до того выглядевшая еще одной резной панелью. Под тоненькое, мелодичное позвякивание вошла молодая женщина в белом мужском костюме и белых сапогах, с распущенными, чуть ли не до пояса черными волосами. Помахивая коричневым плетеным хлыстом, остановилась в трех шагах от Мазура, разглядывая его со спокойной уверенностью хозяйки. Села в ближайшее кресло, закинула ногу на ногу и, покачивая остроносый сапожком, уставилась с задумчивым любопытством. Мазур так и стоял посреди комнаты, гадая: золотые у нее шпоры или просто под вид золота?

Ясно было, что это креолка, но белой крови определенно побольше, чем негритянской. Если бы Мазур не посмотрелся уже на здешних обитателей, на причудливое смешение кровей и рас, мог принять ее за обычную европейскую девушку, разве что загоревшую под тропическим солнцем. Смазливенькая – спасу нет. Вот только балованная и капризная, как сто чертей, сразу видно...

– Можно сесть? – решил, наконец, Мазур прервать затянувшуюся немую сцену.

– Сядешь, когда я разрешу, – промурлыкала незнакомка, меряя его взглядом. – Раздевайся.

– Пардон? – спросил Мазур.

– Я сказала – раздевайся.

Мазур медлил. Она, с гримаской раздражения на хорошеньком личике, гибко выпрямилась, коротко взмахнула рукой. Свистнул увесистый хлыст, плетенный из кожаных ремешков, левое плечо Мазура чувствительно обожгло.

– По-моему, ты не понимаешь своего положения, – протянула

черноволосая красotka, поигрывая хлыстом. – Я здесь полная хозяйка на двадцать миль вокруг. Достаточно... – она плавно, многозначительно положила свободную ладонь на колокольчик с высокой ручкой, стоявший на столике рядом с креслом, – чтобы ворвались слуги. Они хорошие слуги, выполняют любой приказ. Когда я говорю – любой, это значит – любой. Начиная с того, чтобы исполосовать тебя кнутом в лохмотья и кончая выброшенным в море трупом, который крабы и рыбы быстренько превратят в нечто, не поддающееся опознанию... Хочешь убедиться, что все это предельно серьезно?

Мазур помотал головой. Отчего-то верилось, что все ее угрозы – отнюдь не пустые слова. В ее больших темных глазищах не было и тени безумия, но от всего облика, движений, повадки, слов так и веяло той самой спокойной уверенностью капризной барыни, осознающей себя полной хозяйкой окрестностей. «А ведь хреновые дела, – подумал Мазур в некотором смятении. – Народ тут самый что ни на есть патриархальный, а значит, глубоко преданный, здешняя полиция, хоть и натасканная англичанами, может отступить в совершеннейшем бессилии. Богатые провинциальные помещики, как подсказывает история, были в своих владениях полновластными сатрапами – что в старой России, что в цивилизованной Англии, что в молодой островной республике. Если необозримые плантации именно этой чертовке и принадлежат – а судя по всему, так оно и есть, – она не последний человек в здешнем бомонде. Власти имеют особенность закрывать глаза на милые шалости бомонда...»

– Ну? – поинтересовалась она, подняв бровь. – Тебе необходимо что-то доказывать наглядно?

– Не стоит, пожалуй, – сказал Мазур, тщательно гася злость. – Вы отчего-то производите впечатление дамы, которой следует верить...

– Госпожа Эжени, – подсказала молодая креолка.

– Вам, госпожа Эжени, отчего-то хочется верить на слово... – сказал Мазур. – Между прочим, меня зовут...

– А вот это меня совершенно не интересует, – улыбнулась она, покачивая хлыстом. – Имени у тебя временно не будет, оно тебе совершенно ни к чему.

– Но как это все понимать? – спросил Мазур с некоторой растерянностью.

– А что, нужны какие-то разъяснения? – Кажется, она искренне удивилась. – В самом деле? – Вернулась в кресло, уселась и продолжала размеренным тоном учительницы, помахивая хлыстом, как указкой: – Несколько сотен лет, мой неожиданный гость, белые пользовались нашими

предками, как им только вздумается. Мои прадеды гнули спину на плантациях, а прабабушки, имевшие несчастье родиться красивыми, оказывались в постели у белых хозяев. Но теперь, знаешь ли, обстоятельства переменялись, – она лениво улыбнулась, потянувшись. – Теперь все наоборот.

– А вам не кажется, что у вас были и белые предки? – полюбопытствовал Мазур.

– Это не меняет дела, – отрезала она с милой улыбкой. – Главное, обстоятельства переменялись. Так вот, либо я останусь тобой довольна, либо ты с перерезанной глоткой окажешься на дне болота – есть тут одно неподалеку, довольно глубокое. Других вариантов развития событий попросту не предусмотрено, пока я здесь полная хозяйка, – и вытянула ноги. – Сними с меня сапоги, мальчик. И постарайся быть не таким робким...

Опустившись на одно колено, Мазур выполнил приказание, не сразу подавив желание вырвать у нее хлыст и устроить легонькое детское наказание. За дверью торчал хорошо вооруженный верзила, а поблизости, несомненно, находилось в готовности еще несколько – на случай непредвиденного развития событий. Вряд ли он тут первый бедолага...

– Дальше, – пропела она с капризной улыбкой.

Под ее белым костюмом ничего не оказалось. Мазур помимо воли ощутил, что мужская природа берет свое, недвусмысленно реагируя на открывшееся зрелище. Она это тоже заметила, фыркнула и, упершись черенком хлыста ему в грудь, потеснила к обширной постели, обнаженная, прекрасная, пахнущая незнакомыми ароматами, нетерпеливая... врезаться бы по ее жемчужным зубкам от всей души!

– Как я люблю робких... – протянула очаровательная помещица, опрокидывая его на постель. – Что бы с тобой сотворить для начала, милый?

Пуговицы с его брюк так и брызнули в стороны под настойчивыми пальцами, чертова помещица навалилась сверху, засыпав волной пушистых волос. Происходившее чем-то напоминало кошмарный сон, потому что впервые в жизни Мазура так беззастенчиво использовала женщина, форменным образом насилуяла, но, вот странно, как-то не тянуло представлять себя униженной жертвой, не тот случай. «Ладно, – подумал он сердито, смыкая пальцы на тонкой талии. – Вы хотите песен? Их есть у меня...»

Глава восьмая

И вновь, усталый раб, замыслил я побег...

– Итак, госпожа моя? – спросил он негромко.

Лежавшая с ним рядом Эжени пошевелилась, погасила длинную коричневую сигарету в пепельнице из диковинной раковины и, приподнявшись на локте, заглянула ему в лицо:

– По-моему, в твоём голосе присутствует доля то ли панибратства, то ли легкомыслия... Я тебя убедительно прошу, постарайся и далее оставаться в прежней роли. Никаких изменений на этот счет не произошло... Ну хорошо, ты был неплох. Но это не влияет на характер отношений, – в её голосе явственно присутствовал металл. – Если ты возомнил, что теперь я разнежусь и вообще расту, зря надеешься...

– Намек понял, – сказал Мазур нейтральным тоном.

– Интересно, ты откуда? – спросила она лениво. – Шарль мне говорил, из Советского Союза, но я что-то не верю – вам ведь не разрешают бродить в одиночку, как бы оказался здесь, посреди джунглей, советский...

– Просто пошутил солидности ради, – сказал Мазур.

Образованная девочка, в отличие от своих холуев...

– Тогда – кто?

– Поляк, – подумав, сказал Мазур.

Это была не импровизация, а опять-таки одна из рекомендаций отечественных инструкторов. В скользких ситуациях лучше всего отречься от своего советского происхождения, прикидываясь поляком или чехом, – этих славянских братьев немеряно разбросано по белу свету, к ним привыкли, в общем. И мало кто из западных людей знает чешский или польский, так что на голубом глазу можно болтать по-русски, уверяя, будто это польский и есть... Лишь бы не нарваться на «соотечественника»...

– Эмигрант?

– Матрос, – сказал Мазур. – Работал у русских, потом произошла небольшая неприятность...

– Полиция тебя, часом, не ищет?

– Нет, – сказал Мазур. – Чист я перед властями. И документы в порядке. Наймусь в Виктории на какой-нибудь другой корабль...

Последнюю фразу он ввернул с умыслом. И очаровательная Эжени тут же купилась.

– Твое дело, – сказала она лениво. – Только это будет не скоро. Ты у

меня еще погостишь. Какое-то время.

Протянув руку, она взяла со столика колокольчик, небрежно встряхнула им. Звук был не особенно громкий, но половинка резной двери тут же отошла, в комнату ввалился верзила, судя по виду готовый к любым неожиданностям и исполнению каких угодно приказов.

– Проводи мальчика, – небрежно бросила Эжени. – Он будет у нас гостить, пока мне не наскучит...

Пока Мазур, прыгая на одной ноге, натягивал штаны под бесстрастным взглядом великана, она, не озабочась одеванием, спрыгнула с постели, достала из ящика изящного секретера горсточку чего-то металлически звякнувшего и, подойдя, опустила Мазуру в карман. Повела рукой:

– Можешь идти, – и отвернулась, уже нимало не интересуясь обоими.

Хорошо еще, верхняя пуговица на штанах сохранилась. Не пришлось их поддерживать руками. Мазур проворно выкатился в коридор.

– Туда, – показал огромный негр. – Ну вот, а ты боялся, беленький. Будешь умником, хорошо себя покажешь – вернешься в Викторину с полным карманом... Кстати, не мешало бы наладить хорошие отношения с прислугой и домочадцами, ты у нас, как я слышал, остаешься погостить, а с людьми следует жить в согласии...

Легко уловив прозрачный намек, Мазур полез в карман и вытащил оттуда с полдюжины тускло-желтых монеток, где на одной стороне красовался женский профиль, а на другой – атакующий дракона всадник с мечом. Протянул одну великану. Тот подкинул монету широкой ладонью, удовлетворенно фыркнул, спрятал ее в карман просторных брюк.

– Это что? – поинтересовался Мазур, встряхнув в руке остальные.

– Соверены, дурья башка. Золотые, – осклабился негр. – Ты, белый, я смотрю, совсем деревенщина... Ну ладно. Уживемся.

«Надо же, – подумал Мазур. – Золотые. Щедро эта стервочка платит за исполнение своих прихотей. Расскажи кому – не поверят. Старший лейтенант советского военно-морского флота в роли дорогой куртизанки... Пожалуй что, лучше помалкивать. Оскорбительно для флотской чести, ибо гусарские офицеры, как известно, с женщин денег не берут...»

– Мы, кстати, куда? – спросил он.

– Как это – куда? Надо ж тебе где-то ночевать, дурья башка... Между прочим, меня зовут Шарль. Будем знакомы.

– Меня зовут Ник.

– А парни говорили, ты какой-то там поляк... Имя скорее английское.

– Это я его перевел для удобства, – сказал Мазур. – Потому что

настоящее ты вряд ли произнесешь, у нас имена заковыристые... Куда нам?

– Да вот сюда, – Шарль указал на лесенку, ведущую куда-то вниз, такое впечатление, в подвал.

Точно, подвал. Вдаль уходит длинный коридор со сводчатым полукруглым потолком. Мазур направился было вперед энергичными шагами, но Шарль придержал его за локоть:

– Эй, куда разбежался? Вон она, твоя дверочка... – Он вынул из кармана ключ, сноровисто отпер первую дверь справа, распахнул: – Туда и шагай. Тут у нас для белых специально оборудовано... Да, я, может, к тебе еще загляну, через полчаса, тут с тобой другие хотят познакомиться... Валяй!

Мазур осторожно спустился по узенькой крутой лесенке. Над его головой лязгнул замок. Глаза понемногу привыкли к темноте, да и лунный свет проникал в окошечко под самым потолком. Скоро он рассмотрел, где очутился: большая комната с тем же полукруглым сводом, несколько кроватей, на двух вроде кто-то лежит...

В углу вспыхнул свет, Мазур от неожиданности зажмурился. Настольная лампа бросала узкий конус света на пол и две ближайших кровати, и тут же кто-то поднял рефлектор чуть повыше. Мужской голос с интересом осведомился:

– Кого там еще занесло? Пополнение? Эд, протри глаза, к нам – новенький...

– Ну и что? – лениво, с зевком отозвались из темноты. – Стоило будить...

– Вставай, лежебока, скучно же...

Мазур рассмотрел говорившего – лет пятидесяти, с дубленой хитрой физиономией старого бродяги. Вторая кровать закрипела, в круге света показался низенький толстячок со скупыми остатками волос на голове, в очках.

– Еще одного зашанхаили, – констатировал тот, что заговорил первым. – Судя по свежему, непотасканному виду, будет использоваться в постельных целях... эй, парень, ты кулаками не вздумай махать, я шучу! Мы с Эдом и сами в форменном рабстве... Виски хочешь?

– Нет, спасибо, – сказал Мазур, присаживаясь на свободную постель. – Вот от сигаретки не откажусь.

– Держи. Как звать? Я – Патрик.

– Ник.

– Англичанин?

– Поляк.

– Ну, встречал я и поляков... Это Эд. Ты не обижайся, Ник, дело твое, кем ты там у нее служишь... Я, например, механик. А Эд – бухгалтер. Давненько уже работаем на здешнюю сахарную королеву... Тебя как, зацапали или сам пришел?

– А вас? – осведомился Мазур.

– Сами пришли, конечно. Платит-то она хорошо, хоть и малость тронутая, этого у нее не отнимешь.

– Глупости, Патрик, – зевая, сообщил лысый Эд. – И вовсе она не тронутая. Это у нее нечто вроде идеологии, Ник. Ты африканских детективов не читал? Которые они сейчас сами пишут?

– Да нет, – сказал Мазур.

– Патрик у нас тоже ничего не читает. А я люблю иногда полистать книжку, как цивилизованный человек... Так вот, Ник, я в африканских детективах отметил одну любопытную черту. Главный суперагент, как легко догадаться, черномазый. И в любом романе он по ходу дела непременно трахает белых красоточек. И каждая красоточка, если верить автору, остается жутко довольна, в такой экстаз приходит, какого с белым ни за что бы не испытала. Ник, улавливаешь суть? Это они комплекс неполноценности тешат, если ты понимаешь такие слова.

– Понимаю, – сказал Мазур. – Самоутверждаются, а?

– Вот именно. Компенсируют невольничье прошлое, кое-где совсем даже недавнее. В точности так и обстоит с нашей очаровательной хозяйкой. Никакая она не чокнутая, это только невежественный, не читающий книг субъект вроде нашего Патрика может так думать. У девочки своего рода идеология. Ставит белых на место черных, как встарь, и это ей доставляет несказанное удовольствие...

– Ну да, я заметил, – признался Мазур. – Вас что же, все время здесь и держат?

– Я и говорю, – кивнул Эд. – Рабы, понимаешь ли, должны обитать под замком, в специальных комнатах – как черненькие в старые времена. Вот и обитаем... Ничего, за те деньги, что она платит, можно немного и пострадать... Невелика беда. Ну, сам все узнаешь. Ты-то как в наши места забрел?

Подумав, Мазур отважился сказать правду. Точнее, полуправду:

– Схватили в лесу, связали и привезли...

– Бывает, – хмыкнул Патрик. – Не ты первый.

– И чем это может кончиться?

– То есть как – чем? Будет с тобой забавляться, пока ей не надоест. Потом даст денег и вышвырнет на все четыре стороны. – Он наклонился к

Мазуру, обдав свежим запахом виски. – Только ты, Ник, не вздумай ей перечить и вообще держись осторожнее. Ходят слухи, парочку белых в окрестных болотах в свое время ее черномазые холоуи утопили. За дерзость и нежелание играть по хозяйкиным правилам.

– Вот именно, имей в виду, Ник, – поддержал Эд. – Она в этих местах полная хозяйка. Вторая по величине плантация на острове, куча родственников в парламенте и правительстве, а главное, куча денег. Уж я-то знаю, через меня, скромного бухгалтера, все ее финансовые секреты проходят. Одним словом, в случае чего либо откупится, либо через родню уладит проблемы. – В его голосе, такое впечатление, появилось нечто вроде восхищения. – Бестия, я тебе скажу, Ник, жаль, я старый и лысый, вернуть бы те времена, когда был в твоих годах, и, ты не поверишь, кудрявым... Впрочем, я и теперь не жалею.

Сон с него как рукой сняло – должно быть, они слишком много времени провели вдвоем с Патриком в этом подвале, успели наскучить друг другу, и свежий человек оказался как нельзя более кстати.

– Не жалуетесь? – усмехнулся Мазур.

– Ну конечно, Ник. Эта ночная резиденция, – широким жестом обвел он подвал, – не более чем временное неудобство. Когда-нибудь я отсюда уеду со всем заработанным. А что до причуд крошки Эжени... Ник, я семейный человек. Между нами говоря, подкаблучник с двадцатилетним стажем. После моей ведьмы Эжени со всеми своими заскоками покажется лесной феей из доброй детской сказочки... Пат, дай-ка бутылочку. В кои веки пришлось посидеть с внимательным слушателем и, несомненно, образованным человеком. – Он шумно отхлебнул в темноте. – Да уж, после моей пилы...

– А я, дело прошлое, сживал в каталажках на трех континентах, – признался Патрик, забрав у него бутылку. – После иных легавок, особенно в Азии, это сущие апартаменты. Утречком выпускают, накормят, будут именовать «господином главным механиком»... Цветные девочки тут сговорчивые. Точно, Ник, жить тут можно. А тебе и вовсе грех жаловаться, будешь при нашей шоколадке штатным трахальщиком. Точно, выпить не хочешь? Странно. Я в Маниле пил с одним поляком, так он мог заглотнуть целый стакан вискаря не отрываясь, граммов двести. Всю жизнь считал, что русские и поляки с утра не просыхают, а уж пить мастера...

– Ну, такой вот я нетипичный поляк, – сказал Мазур.

– Это точно, и выговор у тебя, вон Эд точно подметил, как у парня из Гарварда. Слыхивал я англичан из Англии... Получил образование, а?

– Было дело, – сказал Мазур.

– Только как же тебя занесло в нашу глушь? Ребятки Эжени – парни сообразительные, ни за что не прихватят джельмена, натурального, которого потом обязательно будут искать.

– Жизненные превратности, – веско сказал Мазур. – Бывает.

– Ага, понятно. Не лезь другому в душу, и он к тебе с немьтыми ногами в душу не полезет... Ладно, твои проблемы. Мы с Эдом не сыскари какие-нибудь, верно, Эд? Понимаем насчет превратностей.

Мазур решил наконец. Спросил насколько удалось беззаботнее:

– Парни, а где мы, собственно, находимся? Откровенно говоря, я и не представляю наше место на карте...

– Хорошо тебя помотало! – присвистнул Патрик. – Спьяну, что ли?

– Да занесло тут в один городишко, а потом из него пришлось срочно сматываться, – сказал Мазур, в общем, чистейшую правду. – В такой спешке, что было не до географии...

– Понятно. Бывает. Эд, дай бумаги, у тебя, как у бухгалтера, где-то целый запас...

Он взял у лысого листок бумаги, принялся чертить по нему дешевой шариковой авторучкой. Вскоре получилось нечто, напоминавшее очертания острова Баэ.

– Гляди, – наставительно поведал Патрик. – Вот это – Виктория. А вот тут примерно – мы и расположены. Усек?

– Ага, – сказал Мазур.

Он и в самом деле быстро разобрался в корявом рисунке – как-никак остров был невелик. Со всеми неизбежными поправками на полнейшую безграмотность Патрика как картографа выходит, что особняк расположен самое большее в полусотне километров к западу от Виктории. А эта информация облегчает дело. Точно знаешь, в каком направлении двигаться...

– Ты мне вот что скажи, Ник... – начал Патрик.

Замолчал, услышав скрежет ключа в замке. Тихонько бросил:

– Что-то новенькое. За тобой, видимо, Ник... Служба зовет...

И точно. Шарль, не заходя внутрь, негромко позвал:

– Ник, выходи!

Человеческий мозг работает быстро. Чертовски быстро. Шагая к двери, Мазур вдруг задумался над несложной истиной: собственно, не пора ли откланяться? Он узнал достаточно, новые подробности не столь уж необходимы. Как-никак не отставший от корабля беспутный матрос, к серьезному делу приставлен...

Заперев за ним дверь, Шарль – уже без бабочки и лакированных

туфель, с распахнутым воротом, босиком – нагнулся к уху Мазура и заговорщицки сообщил:

– Беленький, ты парень молодой, в твои годы подолгу дрыхнуть стыдно... Усек?

– А в чем дело? – спросил Мазур тихонько.

Верзила выглядел по-домашнему, но вот ни паранга, ни кобуры с пояса не снял. Вряд ли причиной тому Мазур, более вероятно, Шарль был тут чем-то вроде начальника охраны. Не похоже, чтобы он опасался Мазура всерьез и видел в нем опасного противника, – это из всего поведения видно, манеры держаться, легкого превосходства. Что ж, тем лучше...

– Пошли.

– Куда?

– Все-то тебе надо растолковывать, Ник, как девочке... – Он вполне дружелюбно положил Мазуру на плечо тяжелую лапищу и нагнулся к уху: – Тут с тобой две приличные девочки прямо-таки жаждут пообщаться. Понял, дубина? – игриво ткнул под ложечку пальцем. – Одну ты видел, она тебе жрать приносила, вторая не хуже. Девочки – народ такой, им примелькавшиеся рожи наскучили, новых впечатлений хочется... Ну, что встал? Ник, ты уж меня не зли. С людьми надо жить в дружбе и согласии, так оно выгоднее...

Мужская психология – странная штука. Мазур уже все решил и продумал для себя, но в какой-то миг искренне пожалел о том, что ему не придется пообщаться сразу с двумя темнокожими девочками, – когда-то еще подвернется такое приключение? Отогнав эти мысли, недостойные серьезного человека, озабоченного скорейшим возвращением на родной корабль, он сказал абсолютно беспечным голосом:

– Тьфу ты, Шарль, а разве я брыкаюсь? О чем разговор...

Приоткрытая дверь напротив той комнаты, где содержались прощелыга Патрик и подкаблучник Эд, прямо-таки манила Мазура – винный погреб, конечно, внутри горит слабая лампочка, видны две бочки на деревянных козлах, темные стеллажи с горизонтально лежащими бутылками...

– Ну, чего мы тогда стоим?

– Сейчас... – сказал Мазур, группируясь.

Три отточенных удара были нанесены молниеносно, как учили, а учили его отменно. Подхватив на полдороге к полу обмякшего Шарля – тяжеленный, черт! – Мазур отволол его в дверь напротив и как можно тише опустил на пол. Клиент не ворохнулся, пребывая в состоянии полной вырубленности. Быстро присев на корточки, Мазур убедился, что верзила

жив, но сознание, как и следовало ожидать, потерял надолго.

И все равно следовало подстраховаться. С такими быками никогда заранее неизвестно. Сняв с бесчувственного тела пояс, Мазур не без труда содрал с Шарля рубашку и в три секунды накроил из нее лезвием паранга длинных лохмотьев. Рубашечка была шелковая, новая, Шарль оказался из франтов, – ну, тем лучше, шелк – штука прочная...

Тщательно скрутив запястья и щиколотки поверженного верзилы, Мазур запихал остатки рубашки ему в рот. Не столь уж и надежный кляп, но на какое-то время глотку заткнет. Тем более, пока сообразят, откуда доносятся вопли, кто их издает...

Застегнул пояс у себя на талии, вынул из кобуры оружие и бегло проверил – английский самовзводный «Альбион» на восемь патронов, производства сорок четвертого года, но выглядит ухоженным, а значит вполне надежен. Револьверы вообще вещь надежная, при хорошем уходе черт-те сколько времени прослужат...

Тщательно притворив дверь винного погреба, на цыпочках двинулся вверх по лестнице. Прислушался, встав в начале длинного, слабо освещенного коридора. Огромный особняк был погружен в безмятежный сон. Где-то неподалеку, правда, бодрствовали жаждавшие общения с новым человеком две симпатичных темнокожих девочки, но не идти же с ними прощаться?!

На миг он почувствовал жгучую обиду: настолько здешняя жизнь и здешние обитатели были неправильными. Ничуть не похожими на тех хрестоматийных граждан освободившегося от колониального ига молодого государства, о которых ему столько талдычили на родине. Совсем другие люди. Где расположен СССР, понятия не имеют, в социалистическую ориентацию, каковую они якобы выбрали, вот ересь, совершенно не верится. Кто это тут за социализм – прекрасная Эжени? Шарль? Несознательные они тут все какие-то, неправильные...

Коридоры, по которым его вели, он запомнил отлично. И без малейшей заминки прокрался к черному ходу. Мимо плотно притворенных дверей, за которыми неизвестно кто обитал, мимо тяжелых старинных шифоньеров, мимо часов под стеклянным колпаком. Скользил, словно во сне.

Вышел на низкое крыльцо, в душную теплую ночь, держа ладонь на рукояти паранга. Должны же в таком поместье иметься какие-то сторожа? Лишь бы собак не было, от них столько шума...

Решительно спустился с крыльца, подошел к веревке с сохнувшим бельем и снял с нее первые попавшиеся под руку штаны – собственные держались на одной-единственной пуговице трудами пылкой Эжени, и

полагаться на них рискованно. Украденные великоваты и влажноваты, но пуговицы на них в целости...

Постоял у стены, прислушиваясь к ночным звукам. Где-то скрипуче орала неизвестная ночная птица, от другого конца дома долетел тихий женский голосок – те две вертихвостки, надо полагать?

В небе сияли огромные звезды, сверкала ослепительная полоса Млечного Пути с черным пятном «угольного мешка». Без труда Мазур отыскал Южный Крест – в точности такой, как на бразильском флаге. Ну вот, и определенность появилась. Теперь он прекрасно знал, в какой стороне Виктория, и предпочитал не думать о совершенно неизвестной ему дороге туда. Плестись полсотни километров по бездорожью... А почему, собственно, нужно плестись?

Вон то строение наверняка и есть гараж. Бывшая конюшня – их в старые времена строили на значительном отдалении от дома, чтобы господам не пришлось нюхать запашок навоза. Если перебежать вон туда, держась подальше от единственного освещенного окна...

Он скользнул в ту сторону бесшумной тенью. Бежать босиком было непривычно, но Мазур резонно предполагал, что здесь, вокруг барской резиденции, вряд ли могут валяться ржавые железки или битые бутылки, а значит, риск повредить босые ноги минимален. Мелкими неудобствами можно пренебречь... Не барин, и босиком дошлепает.

Поразительная все же беспечность – он был уже у самого гаража, а вокруг по-прежнему тишина, не выскочил с воплями бдительный сторож, не всполошилась собака. Ну, впрочем, сие вполне объяснимо – плантация простирается у черта на куличках, вдали от городов с их криминальным элементом, так что в особых предосторожностях и нет нужды. Тростниковые заросли тянутся километров на десять, кто тут будет пробираться со злодейскими целями в особняк посреди зеленого сладкого моря...

Он тихонечко приоткрыл высокую, сколоченную из струганых досок половинку двери – хорошо смазанные петли не скрипнули. Постоял у входа, прислушиваясь, потом скользнул в темноту, знакомо пахнущую бензином и железом.

Рассмотрел в полумраке очертания четырех «джипов» – другие машины на здешнем бездорожье бесполезны, – направился к ближайшему, очень уж удобно стоявшему прямо напротив распахнутой половинки двери. Сквозь узенькие горизонтальные оконца под потолком проникал лунный свет, и Мазур уже отчетливо различал приборную доску машины.

Да здравствует провинциальная беспечность! Ключ торчал в замке –

правда, и при его отсутствии Мазур не оплошал бы, сумел в темпе соединить провода. Протянул руку...

И замер, пытаясь понять, что за странные звуки раздались по другую сторону машины. Чуть волосы дыбом не встали от неожиданности.

«Тьфу ты!» – блаженно расслабился он, ухмыльнувшись. Подкрался к заднему колесу машины и осторожненько выглянул, ища взглядом источник пыхтения и стонов. Ну да, конечно, темнокожая парочка, не обремененная одеждой, уютно устроилась в углу гаража на куске брезента. Шофер, он и в тропиках шофер, всегда бабу найдет...

Они предавались своему нехитрому занятию со всем пылом, и Мазур понял, что следует побыстрее отсюда сматываться, пока не устроили передышку. Тихонечко перелез в машину через борт, мысленно воззвал к Нептуну и резко повернул ключик.

Мотор исправно взревел. Мазур в секунду снял машину с ручника, выжал сцепление, дал газку... Успел еще услышать за спиной женский визг – и «джип» бомбой вылетел из гаража.

Глава девятая

...на страшном просторе

Он пролетел мимо особняка, где с фасада не горело пока ни одно окно, уверенно свернул на дорогу, по которой его сюда везли, прибавил газу. «Джип», хотя и старенький, тянул исправно, вокруг было светло, хоть иголки собирай, если придет в голову такая блажь. Огромная светло-желтая луна висела, казалось, над самой крышей, вот только звезд справа почему-то не было видно, но Мазур уже не смотрел в ту сторону – повернул машину в туннель, образованный могучими стеблями тростника. Притоптал педаль еще – тут не было ни поворотов, ни развилки, машина летела словно бы в трубе из дергавшихся теней, мелькавших стеблей, широкие листья хлестали по ветровому стеклу.

Неба он уже не видел, конечно, но направление держал чутьем, инстинктом. Насколько явствовало из скудных объяснений Эда, параллельно побережью, на юге, тянулась широкая дорога, такая здешняя стратегическая магистраль, по которой при удаче можно домчать прямехонько до Виктории. Но и без посторонней помощи Мазур давно догадался, что дорога тут просто обязана быть: плантации сахарного тростника, особенно такие обширные, без нее не могут существовать, нужно же вывозить патоку на грузовиках. Мы не такие уж темные, кое-что штудировали...

Обширная прогалина. Справа вытянулись в ряд высокие, длинные строения с посеребренными лунным светом крышами из волнистой жести. Чересчур велики для жилья, наверняка тут и выжимают сок из стеблей, а потом варят патоку – точно, вон и печные трубы...

Кто-то заторопился от ближайшего строения к дороге, махая фонарем и заранее громко окликая. Мазур не разобрал ни слова – снова чистейший креольский, – но в голосе неизвестного вроде бы не чувствовалось угрозы. Сторож, наверное, решил, что нагрянули люди хозяйки, рвение демонстрирует, показывает, что не дрыхнет. Мазур пролетел мимо него, как мимо пустого места.

Дорога меж высокими стеблями, накрытая чуть ли не сплошной крышей листьев, выглядела столь однообразно, что можно было подумать, будто едешь по кругу, не столь уж и большому. Мысли эти следовало немедленно отогнать – иногда лучше не раздумывать и не пускать в душу ни тени сомнений, действовать на автопилоте...

Сделав над собой некоторое усилие, он остановил машину. И выключил мотор, как ни протестовало все внутри. Умный человек бежит с оглядкой...

Отошел от машины метров на десять, возвращаясь в ту сторону, откуда приехал. Прислушался. На дороге лежала словно бы сеть бледно-серебряного цвета – это лунное сияние столь причудливым образом пробивалось сквозь листья. Показалось ему или лунный свет меркнет?

Тишина. Душная, насыщенная непривычными запахами чужих растений. Ни единого механического звука не доносится. Пока всполошатся, освободят Шарля, пока выслушают, а парочка из гаража, очень может быть, тихонечко улизнет подальше от греха... Есть время.

Что-то звонко шлепнуло его по темечку, Мазур прямо-таки подпрыгнул от неожиданности. И тут же подобные шлепки раздались вокруг, со всех сторон. Прямо-таки пулеметный треск. Он покрутил головой, окончательно сообразив, в чем тут дело, когда на голую спину потекла струйка воды.

Неожиданно, как в здешних местах частенько случается, налетел буйный ливень. Словно потоком хлынула дробь из распоротого исполинского мешка, капли барабанили по листьям с пулеметным треском, вокруг сгустилась совершеннейшая темнота, Мазур уже не видел машины. Понятно теперь, почему звезды исчезли с половины неба – это туча подползала со стороны океана...

Тропики тропиками, но торчать под ливнем голому по пояс, босому – удовольствие не из приятных. Мазур попробовал было найти укрытие под ближайшими стеблями, но ливень достал и там. Тогда он бегом вернулся к «джипу», проворно заполз под него, растянулся на земле, глядя в ту сторону, откуда могла появиться погоня. Над головой у него шуршало и постукивало – это дождевые струи беспрепятственно лились в открытую машину. Утешало одно: погоня окажется в аналогичном положении.

Начинало легонько познабливать, и он всерьез забеспокоился, не простудиться бы. Вода подтекала под машину, с обеих сторон подкрались грязные липкие ручейки, пробрались под живот и грудь. Мазур терпел, помня, что здешние ливни – штука скоротечная.

Так оно оказалось и на сей раз. Минут через десять шлепанье капель прекратилось, и Мазур выбрался из-под машины, весь в липкой грязи. Вокруг стало гораздо светлее, небо, надо полагать, очистилось.

Из дверцы, едва Мазур ее распахнул, хлынула вода. Терпеливо дождавшись, когда все стечет, он залез на сиденье, – но под ногами все равно хлюпала грязь. Повернул ключик.

Стартер длинно заскрежетал, проворачиваясь впустую. Искра не схватывала. Еще одна попытка – и вновь неудача. Пробовать дальше – непременно посадишь аккумулятор. Неужели свечи залило?

Рука так и чесалась, хотелось крутануть ключ еще. С трудом подавив это желание, Мазур откинулся на мокрую, просевшую спинку. Босой ногой нащарил педаль газа и тихонечко-тихонечко, самую чуточку ее притоптал. Выжал сцепление и, задержав дыхание в груди, повернул ключ. Считал про себя: раз, два, три...

На счете «шесть» мотор чихнул, а там и заработал нормально, хотя обороты, такое впечатление, прыгали.

– Ну давай, жестянка британская, давай... – прошептал Мазур, аккуратненько отпуская сцепление.

Обороты, точно, прыгали, мотор истошно взревывал, но тянул. По обе стороны вновь неслись стебли тростника, дергались тени. И продолжалось это, право, целую вечность.

Потом совершенно неожиданно тростник поредел, а там и вовсе кончился. Машина оказалась на широкой, накатанной и немощеной дороге, уходящей в обе стороны, насколько хватало взгляда. За ней вставала темная стена джунглей.

Облегченно вздохнув, Мазур посмотрел на звезды и уверенно свернул влево, в сторону Виктории. Вновь остановил машину, но на сей раз не решился заглушить мотор, просто отошел от «джипа» подальше. Долго прислушивался и, снова не обнаружив погони, сел за руль. Его подбрасывало на ухабах, однажды едва не прикусил язык, но душа пела и ликовала: вырвался!

Притормозил, посмотрел влево – в разрыве меж деревьями блеснула лунная дорожка в океане. Порядок в танковых войсках, идем по азимуту...

Прямо-таки и не верилось, что вскоре он окажется на родимом корабле. А ведь гору объяснительных придется написать, это уж как пить дать: попытка вербовки, несанкционированные контакты с местным населением, активные действия и прочие прелести...

Эт-то как понимать? Точнее, что выбрать?

Дорога раздваивалась, двумя рукавами обтекая массив джунглей. На вид и правая, и левая выглядели совершенно одинаковыми. Не раздумывая особенно, Мазур свернул вправо, руководствуясь нехитрым раскладом: чем ближе к берегу, тем надежнее. Морской берег – это Виктория. А левая дорога, вполне возможно, ведет в глубь острова, где делать ему совершенно нечего...

Выбранная им дорога тянулась поперек невысокого откоса,

кончавшегося у моря, слева, над головой, были пальмы, справа раскинулся океан. Судя по колеям, здесь ездили часто и много, так что Мазур мог поздравить себя с верным выбором. Следовало прибавить газу – фосфоресцирующая бледно-зеленой стрелка что-то уж быстро начинала склоняться к такому же призрачно-зеленому нулю, бензин кончался, и это следует компенсировать быстрой ездой, благо ГАИ здесь не имеется, а видимость прекрасная, хоть иголки...

Поздно было тормозить – за крутым поворотом перед ним неожиданно разверзлась темная яма, провал с неровными краями, в доли секунды Мазур успел подумать, что дорогу совсем недавно размывило и обрушило ливнем, ничего уже не поделаешь, и он, чтобы только не рухнуть в яму на полной скорости, крутанул руль, «джип» сорвался с дороги, понесся по откосу вниз, набирая скорость до немыслимой. Звериным чутьем Мазур понял, что удержать машину на откосе ни за что не удастся, она уже начинает крениться, есть только один выход...

Под ним послышался вой – это все четыре колеса потеряли сцепление с землей и бешено вращались. Еще миг...

Мазур прыгнул за борт головой вперед, как учили, тело само сгруппировалось, зная все наперед. Грамотно перекувыркнулся через голову, сгоряча не почувствовав боли в ушибленных запястьях, покатился по склону...

Перед глазами все мелькало, где-то слева громыхал по откосу «джип» – его уже несло впереверт, вовремя прыгнул...

Сноп ослепительных искр заслонил окружающее. Боли он не успел почувствовать.

* * *

...Сначала в черном окружающем пространстве, по которому его сознание было размазано, обнаружилась тупая, зудящая боль. Чуть погодя ощущения стали собираться в нечто реальное, и Мазур, все еще ничего не видя вокруг, смог определить, что боль не сама по себе болит, а сконцентрировалась в его голове, меж правым ухом и макушкой. Не особенно сильная и докучливая, но неустанно пульсировавшая в такт ударам сердца.

Не открывая глаз, уже точно определив, что он вернулся в реальность, Мазур прислушивался. Его легонько покачивало, и это, очень похоже, никак нельзя списать на последствия удара головой. Поверхность под ним

твердая, ничуть не похожая на землю, даже каменистую, запахи вокруг совершенно не лесные...

Совсем близко кто-то зло орал на... на английском, уже трезво определил Мазур.

– Скотина ты, Гурбачан, после этого! Выползок поросячий, триппер тебе в задницу!

– Ты полегче, полегче... – уныло пробубнили в ответ.

– Нет, ты только на него посмотри! Может, тебе медаль навесить или денег дать?

– Да погоди ты, все наладится... – уныло бубнил второй.

– Что наладится, скотина? Что наладится? Ты еще сутки бесполезным проваляешься! Что? На палубе не вздумай наблевать, морда... К борту иди!

– Джейк, а Джейк, – протянул унылый. – А он, похоже, оживает... Шевелится вон...

– Я б тебе! Скройся с глаз!

– Оживает, точно тебе говорю... – Судя по тону, говоривший очень хотел переключить внимание собеседника на Мазура. Трудно пока что определить, за что унылый получает втык, но его прегрешения должны быть весьма серьезны, неведомый Джейк прямо-таки захлебывается от злости...

Пожалуй, не стоит и дальше изображать бесчувственное тело... Мазур осторожно открыл глаза, приподнялся на руках. Самочувствие лучше, чем следовало ожидать. Видимо, его достала опасность, от которой не гарантирован ни один профессионал в такой вот обстановке, прыжке во мрак: подвернулся то ли камень, то ли пень, о который Мазур и приложился буйной головушкой...

Кто-то подхватил его под мышки, бесцеремонно приподнял и усадил так, что Мазур опирался теперь спиной на деревянный фальшборт. Прямо перед ним простирался океан, отливавший всеми оттенками аквамарины, вдали, у горизонта, светилась тонкая, золотисто-алая полоска – солнце вот-вот должно было взойти, красота неопишуемая, но таращиться на нее нет времени.

Тот, кого собеседник называл Джейком, остановился перед ним, сунув руки в карманы парусиновых штанов. Пояс с парангом и коричневой кобурой показался Мазуру что-то уж подозрительно знакомым – ну да, так и есть, пока он валялся без чувств, с него не только пояс сняли, но и карманы брюк вывернули...

Повернул голову вправо-влево. Он сидел на палубе суденышка водоизмещением тонн с триста – палуба, надстройка, мачта с зарифленным

парусом... Судно стоит на якоре метрах в ста от берега. Прекрасно видна идущая по откосу дорога, но промоины что-то не разглядеть и «джи́па» не видно. Куда это он переместился?

– Английский знаешь? – поинтересовался Джейк.

В его тоне пока что не чувствовалось агрессивности – а вот любопытства хватало. Трудно было определить с маху, к какой он принадлежит нации, но то, что белый и европеец, – несомненно. Тихонечко подкраившийся Гурбачан, которому и любопытно было, и старался держаться подальше от Джейка, очень походил на индийца.

– Знаю, – осторожно сказал Мазур.

Он к тому времени уже рассмотрел, что из широкого кармана Джейка торчит черная рукоятка второго револьвера, побольше размером, чем присвоенный у бесчувственного Мазура. А у Гурбачана на поясе паранг. Вообще-то, паранг в этих местах носит любой рыбак, необходимое орудие производства, так сказать, но вот огнестрельным оружием мирные труженики предпочитают не баловаться. А у них вон там, возле фальшборта, еще и карабин лежит, причем, что интересно, не охотничий какой-нибудь, а «Ли-Энфилд», пятый номер, армейская десятизарядка, которую еще именуют «джунгли-карабин». Оружие серьезное, на два с лишним километра прицельно лупит. Здесь, на островах, где самым крупным животным считается одичавшая свинья или собака, такой ствол может быть припасен исключительно для человека...

Скверно? В любом случае плясать от радости не стоит. Вряд ли это пираты в старом, классическом значении термина, но если они из тех, кто контрабандой вывозит копру, гуано, редкие и дорогие раковины, черепах с объявленных заповедниками атоллов – трудно от них ожидать братской любви и содействия заблудившемуся путнику. Скорее наоборот. Есть профессии, где случайному свидетелю не рады изначально со всеми вытекающими отсюда последствиями...

– Глотку промочишь? – поинтересовался Джейк.

Мазур отрицательно мотнул головой:

– Вот покурить бы...

– Лови, – Джейк ловко бросил ему зажженную сигарету, присел на корточки напротив. – Ты кто такой?

– Бродяга, – сказал Мазур, затягиваясь.

– Это я вижу. Интересный такой бродяга, на котором даже трусов нет, одни портки, к тому же, сдается мне, с чужой задницы... И багаж у тебя с собой не самый скучный: пушка, паранг, в кармане желтяки позвякивают... – он похлопал себя по карману, где, надо полагать,

упокоились Мазуровы нежданные заработки. – Веселые у тебя, я чую, приключения, парень... Ты кто такой?

– Странствую вот... – сказал Мазур.

К ним присоединился третий, застегивавший на ходу штаны, – высокий смуглый тип, смахивающий то ли на араба, то ли на пакистанца. И у него на поясе висел паранг, а накладной карман легкой защитной куртки очень уж многозначительно топырился.

– Ну как? – мимолетно поинтересовался Джейк.

– А как и в прошлый раз, – блеснул великолепными зубами смуглый. – Дисциплинируется, сучка... Ожил, а?

– Ожил... – сказал Джейк. Повернулся к Мазуру, нехорошо прищурился: – Вот что, парень. Мы тут не звери, но больше всего на свете я не люблю непонятностей. А ты – одна ходячая непонятность. Мы тебя, конечно, можно сказать, спасли. Из чистого любопытства – пошли посмотреть, кто это так отчаянно сверзился с дороги, мало ли что... Но ломать над тобой голову мне что-то не хочется. Или ты мне преподнесешь свою историю, которой я поверю... более-менее, – поспешил он уточнить. – Или... На море, дружок, всякое случается, люди и за борт, бывает, падают, и ко дну идут утюгом. Иногда потом возникают вопросы у властей, а иногда и нет. Смотрю я на тебя, и жизненный опыт мне шепчет, что особых вопросов не возникнет, другими словами – власти тебя не особенно-то и защищают, очень может быть, наоборот... Может, тебя в полицию сдать?

Мазур дернулся, стараясь, чтобы это выглядело как можно натуральнее. Затравленно огляделся.

– Зашевелился, – усмехнулся смуглый. – Не хочется ему в полицию, такое у меня сложилось впечатление.

– У меня тоже, – протянул Джейк задумчиво. – И вот что мне пришло в голову: уж полицейская подстава-то трусами могла запастись. Не говоря о том, что авария была натуральнейшая... Парень, не похоже, чтобы тебе отшибло мозги – так, приложился легонечко. Ни крови, ни проломленной башки, только шишка, я смотрел... В общем, не вилай и не тяни время. У нас свои дела, некогда вокруг тебя танцевать... – и он многозначительно поиграл пальцами на рукояти паранга. – Ты кто?

– Поляк, – выдал им Мазур уже привычную дезу.

– А кроме национальности?

– Моряк.

– Свистишь, птенчик. В порту не было ни одного польского корабля... У поляков флаг простой, его запомнить нетрудно – как у Индонезии, только

вверх ногами...

– А я разве говорю, что плавал на польском корабле? – пожал плечами Мазур. – Я с советского, с «Академика Келдыша».

Он бил наверняка – «Академик Келдыш», в отличие от «Сириуса», судно чисто научное, уже месяц как крейсировал в здешних водах, занимаясь своими обычными исследованиями в рамках того самого проекта – выявления новых рыбных районов. И мало кто на «Келдыше» подозревал, что они своей старательной суетой в здешних водах еще и подкрепляли легенду «Сириуса», выглядевшего в такой компании вполне благопристойно...

– А по специальности?

После секундного колебания Мазур ответил:

– Водолаз.

Так надежнее – в конце концов, водолазы бывают и мирные, а уж коли речь пойдет о водолазном деле, он без всякого труда покажет себя профессионалом. Прикинешься штурманом или механиком – рискуешь напороться на «коллегу», и разоблачение в этом случае неизбежно.

– Водола-аз? – с большим интересом переспросил Джейк. – Совсем интересно... Ну, а как ты здесь-то оказался? Что-то я не помню, чтобы коммунисты отпускали своих ребят бродить в одиночку. Да и подбор вещичек у тебя с собой любопытный...

– А вы кто? – спросил Мазур. – Положение мое таково, что лишняя осторожность не помешает...

– Это я уже заметил, – сказал Джейк. – Мы – мирные мореплаватели... вполне мирные. По крайней мере, документы у нас в полном порядке и в объявлениях о розыске не значатся ни наши имена, ни наши рожи. А вот с тобой, подозреваю, обстоит чуток иначе... Короче, мы ребята без особых предрассудков. Гражданский долг у нас не настолько свербит в заднице, чтобы мы тебя потащили в полицию... Но доверие наше нужно заслужить. Понял?

– Да вроде, – сказал Мазур.

– Тогда колись.

– А что тут колоться? – как мог доброжелательнее сказал Мазур. – Вы, случайно, не коммунисты?

– Бог миловал.

– Уже легче, – сказал Мазур задумчиво. – Мне просто надоело, парень, жить в коммунистической стране. Очень уж жизнь там неподходящая для энергичного парня. Вот и решил посмотреть мир. Уходить с корабля пришлось в большой спешке, без денег почти, без всяких документов.

Договорился с одним парнем, что он меня переправит на Мадагаскар. Только меж нами не сладилось. То ли он меня хотел сдать русским, то ли просто решил, что гораздо проще дать по башке беспаспортному беглецу и забрать у него все, чем стараться плыть на Мадагаскар... Короче, мы с ним расстались. Не буду врать, что мирно.

– Ага, – кивнул Джейк. – И все, что при тебе, как бы в наследство досталось?

– Вроде того. – Мазур хотел злодейски ухмыльнуться, но по размышлении решил не переигрывать. – Честное слово, я защищался... Когда на тебя кидаются с ножиком...

– Ладно, ладно! – махнул рукой Джейк. – Я тебе не прокурор, не лепи тут... Дальше.

– А что – дальше? – пожал плечами Мазур. – Поскольку его машина тоже осталась без хозяина, я решил, что ею стоит воспользоваться. Хотел пробраться в Викторию и попробовать еще раз выбраться с этого чертова острова... Ливнем размывло дорогу, я и...

– Ну, как ты кувыркался, я видел, – прервал его Джейк. – Ну что ж, история не самая фантастическая и не самая обыденная. Всякое в жизни случается. Может, и не врешь. Вот только – какая разница? Для тебя, я имею в виду.

– Ты на что намекаешь? – поинтересовался Мазур, на всякий случай готовый к броску.

У него были все шансы. Трое стояли так беспечно и скученно, что он даже с гудящей головой успел бы перехватить инициативу. Даже не обязательно их доводить до инвалидности – можно просто, приложив предварительно одному-другому, добраться до карабина...

А если карабин не заряжен? Если в каюте есть кто-то еще? Нет, подождем...

– Ни на что я не намекаю, – осклабился Джейк. – Всего-то хочу тебе растолковать, что у коммунистов свои порядки, а у нас свои. Чтобы тебе помогли, парень, нужно, чтобы и ты оказался полезен – людям. Вот этого, – он хлопнул себя по карману с Мазуровыми соверенами, мимоходом провел рукой по поясу, – откровенно тебе скажу, мало, чтобы заплатить ребятам вроде нас за серьезную услугу...

– Соответствующую, – добавил смуглый.

– Вот именно, Салех, – кивнул Джейк, сверля холодными глазами Мазура. – Соответствующую... Что скажешь?

– Мне это нравится, – сказал Мазур. – Я имею в виду, нравится то, что вопрос поставлен именно так: поторговаться, договориться... Вы мне

скажите, что вам нужно, вдруг да и сумею оказать услугу.

– Посиди, покури, – Джейк протянул ему еще одну сигарету и упруго выпрямился. – А мы тут пока посовещаемся...

Они, все трое, отошли к надстройке, сдвинули головы и зашептались, временами бросая на Мазура быстрые взгляды с целью проверить, не попытается ли выкинуть какой фортель. О чем там шла речь, Мазур не мог расслышать, но отметил, что толстощекий Гурбачан вновь подвергается самой неприкрытой и напористой критике со стороны остальных двух, на него так и насакивают. Он же суетится изо всех сил, то и дело тычет пальцем в сторону Мазура, жестикулирует яростно... Полное впечатление, что именно ему нужно из кожи вон вывернуться, но убедить друзей в том, что Мазур им чертовски необходим. Кое в чем ужасно похоже на советское партийное собрание, где виновный прилагает все усилия, дабы остаться на плаву...

Договорились, кажется. Джейк быстрыми шагами вернулся к Мазуру. Тот встал, потянулся, разминая мышцы. Голова еще ныла, но сотрясения мозга вроде бы удалось избежать.

– Интересно, а если бы я успел карабинчик сцапать? – спросил Мазур.

– А толку? – прищурился Джейк. – Я его сегодня не зарядил, так что добавилось бы тебе неприятностей, вот и все... Короче. Ты не свистишь насчет водолаза?

– Никоим образом, – сказал Мазур.

– С аквалангом дело имел?

– Приходилось. А что?

– Понимаешь, парень, – задумчиво сказал Джейк, приблизив худое загорелое лицо. – Мы тут кое-что потеряли на дне, неподалеку. И аквалангист у нас один – вон тот жирный козел, – он ткнул пальцем в Гурбачана, нимало не озабочаясь понизить голос. – Этот скот, несмотря на строжайший запрет, вчера ухитрился в одиночку всласть насосаться виски и теперь долго еще не способен будет к нырянию...

– Да уж, – кивнул Мазур. – Похмельному ему на дне делать нечего. Глубина какая, кстати?

– Метров пятнадцать или чуть побольше.

– Ну, все равно...

– Ну вот... – протянул Джейк. – Как ты уже, быть может, догадался, расклад простой: ты ныряешь с аквалангом и вытаскиваешь то, что находится на дне. А мы тебе в благодарность поможем добраться до Мадагаскара... или, может быть, возьмем к себе. Имей в виду, я ничего пока что не гарантирую, посмотрим сначала, как ты справляешься с делом.

Но шансы у тебя есть. Толковый парень везде может сделать карьеру, в том числе и на нашей скромной посудине. Но дельце нужно провернуть быстро. С пустыми руками наверх лучше и не показывайся. А там – посмотрим.

– Дело вроде бы нехитрое, – сказал Мазур задумчиво. – Ну, а какие гарантии, что ты меня не обманешь? Нет, я вовсе не говорю, будто опасаюсь, что ты меня моим же парангом полоснешь по горлу... но кто вам потом помешает выкинуть меня на берег и уйти?

– Да никто... – осклабился Джейк.

– Где же тогда гарантии?

Крепко взяв его за плечо, Джейк приблизил лицо вплотную, прищурился:

– Парень, а у тебя есть выбор?

– Не похоже что-то, – вынужден был признать Мазур.

– Вот видишь... Между прочим, речь уже не идет о том, чтобы милосердно выкинуть тебя на берег. На берегу ты, особенно если попадешь в полицию, болтать станешь, а нам это ни к чему... Ты понял расклад? Нет у тебя другого выбора. Либо работаешь, либо расстаемся... Но я тебе серьезно говорю: если покажешь себя хватким, подумаем о твоём будущем. Так, чтобы все были довольны. Ну?

Понурился, Мазур протянул:

– А разве есть выбор?

– Вот и молодец, – похлопал его по плечу Джейк. – А говорят, с вами, с коммунистами, договориться трудно.

– Где акваланг?

– Вон там, под брезентом.

Мазур направился в указанном направлении. Он и не надеялся, что мгновенно будет признан своим в этой загадочной компании и автоматически обретет статус полноправного члена. Лед сломан – и не более того. Скользкие ребяташки, странненький подобрался интернационал...

Сдернул брезент, краем глаза подметив, что Джейк подал Салеху украдкой недвусмысленный знак, и белозубый араб, неплохо изображая беспечность, привалился к фальшборту неподалеку, встал так, чтобы держать Мазура на глазах.

Мазур присел на корточки. Строго говоря, это оказался не акваланг, чисто воздушный аппарат, а комбинированный, воздушно-кислородный, позволявший нырнуть метров на сто и проработать там несколько часов. Надежный французский «Оксижер-57».

Он, конечно, промолчал – не стоило с профессорским видом читать этим типам лекцию о типах аппаратов и подробно объяснять, чем комбинированный прибор отличается от акваланга. И им будет насквозь неинтересно, и ему лишние хлопоты...

Серьезный аппарат для серьезных людей, любой боевой пловец с этим мнением согласится. Любопытно, где эти ребятки его свистнули? В свободной продаже их вроде бы не бывает, эти «дыхалки» используются для более серьезных дел, нежели простая подводная охота...

– Манометр есть? – спросил Мазур.

– Гурбачан! – прикрикнул пытливо наблюдавший за ним Джейк.

Грузный индеец кинулся к небольшому пластиковому ящику. Достал манометр, суетливо протянул Мазуру. Мазур проделал все необходимые манипуляции, хмыкнул: баллоны были заряжены под завязку, должным образом. Знать бы только, был ли исправен фильтр на компрессоре, когда эти самые баллоны заряжали, – иначе могут попасть выхлопные газы или пыль, но ты об этом узнаешь слишком поздно, когда прихватит на глубине...

– А компас, глубиномер и все прочее?

Гурбачан растерянно развел руками:

– Нету...

Вел он себя несколько странно: взявшись проверять снаряжение, Мазур то и дело ловил на себе его непонятные взгляды, которых никак не мог расшифровать. Индеец суетился без нужды, вообще держался, будто нашкодившая кошка. Возможно, до сих пор переживает полученную от главаря выволочку... нет, раньше он все же иначе держался. Что-то неладно, знать бы только, что...

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – тихо спросил Мазур, решив не особенно с этим типом церемониться: сразу ясно стало, что в здешней иерархии проштрафившийся Гурбачан стоял на самой низкой ступеньке...

– Я? Да ничего, что ты... – Но при этом индеец так вильнул шkodливым взглядом, что Мазур лишь укрепился в своих подозрениях. Положительно, что-то тут нечисто...

– Да зачем тебе компас? – пожал плечами Джейк, старательно изображая рубаху-парня, взявшего отеческое шефство над новичком. – И без него все пройдет гладко... Ну как, все в порядке?

– В полном, – сухо сказал Мазур. – Когда нырять?

– Не торопись, успеешь... Ты, может, жрать хочешь? Про спиртное я не говорю, тебе сейчас режим нужен, как балерине...

– Перехватить что-нибудь было бы неплохо, – сказал Мазур,

подумав. – Так, легонький завтрак.

– Пошли.

Они спустились вниз по узенькой деревянной лесенке и оказались в тупичке, куда выходило четыре двери, низких и узеньких. Джейк хлопнул себя по лбу:

– Я и забыл... Коли ты в одной команде, парень... Как тебя, кстати, кличут?

– Ник, – воспользовался Мазур уже ставшим привычным рабочим псевдонимом. Добавил: – Это я для простоты перевожу, имена у нас заковыристые...

– Понятно. Девочку не хочешь попользовать, пока дошлепаем до места?

Он картинно распахнул дверь, за которой обнаружилась крохотная каюта. Едва ли не всю ее занимала жесткая койка, накрепко привинченная к стене. Мазур от растерянности сделал шаг внутрь. Определенно рисуясь, Джейк похлопал его по плечу:

– Для своего ничего не жалко, Ник. Если ты с нами в одной команде – пользуешься всеми благами жизни, а если решил сыграть против – уж прости... – он хохотнул и вышел, бросив через плечо: – Я тебе консервы открою, у нас по-военному...

И закрыл дверь снаружи на задвижку. Слышно было, как хлопнул дверью напротив, настала тишина. Мазур, стоя у двери, наконец рассмотрел забившуюся в уголок девушку – блондинка с длинными спутанными волосами, довольно миленькая, вот только на лице так и застыл смешанный с безнадежностью страх. Белые шорты уже порядком измяты и запачканы пылью, а на синей рубашке, которую она обеими руками придерживала на груди, не осталось ни единой пуговицы.

Какое-то время Мазур растерянно таращился на нее. Она словно опомнилась, уставилась на него потухшими глазами, тихонько спросила:

– Ложиться или?

Быстрым кошачьим движением приблизившись к ней вплотную, Мазур притянул ее голову и тихонько шепнул на ухо:

– Ты кто?

– А вы? – отозвалась она на неплохом английском.

– Ты кто, спрашиваю?

– Дженни... Дженни Хатчинс... из колледжа искусств... я там преподаю...

– А сюда как попала?

– Каталась на лодке... Вчера. Они появились в бухте... Жюстен полез

с ними драться, они его застрелили...

– Брат? Муж? Хахаль?

– Нет, местный... лодочник... Они... они...

Все и так было ясно. Мазур побыстрее отстранился, чтобы не питала преждевременные надежды и не выкинула какой-нибудь глупости, осложнившей бы его положение. Хреноватенько. Это даже не контрабандисты, это бандочка посерьезнее, не привыкшая церемониться с человеческими жизнями. Люди подобного склада поступают так с благопристойными преподавательницами колледжа не для того, чтобы благородно отпускать их в финале, особенно когда один труп уже имеет место быть – этого самого Жюстена. Жалко девочку, но рассиропливаться некогда...

Сжавшись в уголке, девчонка таращилась на него то ли со внезапно вспыхнувшей надеждой на перемены к лучшему, то ли с еще более разгоревшимся страхом. Мазуру некогда было вникать в такие тонкости, он снова придвинулся к ее уху и шепнул:

– Потерпи, что-нибудь придумаем...

Забарабанил в дверь.

– Что-то ты быстро... – фыркнул, выпуская его, Джейк.

– Ерунда какая-то, – смущенно сказал Мазур. – Не получается ничего...

– Это от того, что ты головой трахнулся, – авторитетно пояснил Джейк. – Со мной такое тоже бывало, получишь хорошенько по башке – и пару дней потом все висит... Сюда проходи. – Он пропустил Мазура на крохотный камбуз, придвинул грубо вскрытую ножом банку с мясными консервами, галеты. – А у одного моего знакомого полная и кратковременная импотенция случилась, когда он употребил ром в смеси с итальянским вермутом. У каждого сугубо индивидуальные заморочки, парень...

– А что за девка?

– Да прибилась тут, шлюшка местная... Это не твои проблемы, Ник, не мучай мозги.

– И верно, – сказал Мазур. – Отдал бы совершенчики, а?

– Ах ты, крохобор, – ласково сказал Джейк. Поразмыслив, полез в карман, протянул Мазуру золотые. – Ладно, знай мою доброту. Коли уж играешь в команде...

Он держался вполне дружелюбно, но Мазуру пришло в голову, что считать возврат денежек проявлением братского доверия никак не следует – в случае чего нетрудно забрать их у покойничка, и все дела... Так, кое-что

прояснилось: их здесь только трое, не считая девчонки. Не самый худший расклад.

Мелькнула даже мысль: а не уплыть ли от них, оказавшись под водой? Если с дыхательной смесью все нормально, можно отмахать под водой хоть десяток километров. Сверху, с палубы, пловца не видно, если глубина достаточная. Отплыть подальше, выбраться на берег и отправиться себе восвояси. По-доброму с ними ни за что не разойдешься, даже если оставят в живых и зачислят в команду.

Нет, не пойдет. Во-первых, жизнь подобное бегство облегчит ненамного. Снова окажешься на берегу, голый и босый, а путь до Виктории неблизок, и оскорбленная в лучших чувствах Эжени могла разослать своих ореликов по окрестностям...

Во-вторых, девчонка. Ее еще не растоптали, но останься она здесь, рано или поздно превратят в дерьмо. Не годится так поступать с благонравными преподавательницами из колледжа искусств...

– Ну, заморил червячка? – с нескрываемым нетерпением спросил Джейк. – Полное брюхо не годится перед погружением набивать, это даже я усвоил, хотя в водолажном деле – ни в зуб ногой... Пошли?

Выведя Мазура на палубу, он поднялся в крохотную застекленную рубку. Почти сразу же тягуче загрохотала лебедка – главарь поднимал якорь. Потом внизу негромко застучал двигатель, суденышко двинулось вдоль берега, понемногу наращивая скорость. Судя по размеренному постукиванию дизеля, по скорости, мотор чересчур мощный для такой посудинки, могла бы обойтись и чем-нибудь попроще... Интересно все же, что у них там, на дне?

Салех как раз кончил заряжать карабин, и, примостив его у фальшборта, встал в картинной позе великого мореплавателя, краешком глаза тем не менее наблюдая за Мазуром. Похмельный Гурбачан без нужды возился с ремнями аппарата, по-прежнему время от времени бросая на Мазура загадочные взгляды, виноватые и вредливые. Эксперимента ради Мазур уставился на него и добрую минуту не отводил взгляда. Индиец вовсе уж занервничал. Не нравилось Мазуру все это, но он не представлял, как докопаться до сути...

Примерно через полчаса Джейк направил судно к берегу – к горловине довольно обширной бухты. Место, как и повсюду здесь, было невероятно живописным, но у Мазура не было желания любоваться красотами, да и у остальных тоже. Заскрипела якорная цепь, шумно плюхнулся в аквамариновую воду ржавый якорь. И араб, и Гурбачан прямо-таки впились взглядом в некую точку моря. Был подходящий момент, чтобы в темпе

привести их в состояние легкой инвалидности, благо и до берега недалеко, но Мазур благоразумно решил дожидаться еще более подходящего случая.

Из рубки спустился Джейк, нервно поторопил:

– Ну, что стоите, корсары южных морей? Быстренько помогайте ему облачиться!

– Труссы хоть найдутся? – недовольно спросил Мазур. – В штанах несподручно...

– Нет лишних, уж извини. Кто же знал, что к нам заявится такая вот нищета? – хмыкнул Джейк. – Валяй голым, парень, ничего не поделаешь, нас смущаться нечего, а единственная дама на борту тебя все равно не видит, да и привыкла к этим агрегатам... Гурбачан, ласты давай!

– Ты мне задачу так и не объяснил, кэп, – сказал Мазур.

Джейк с серьезным видом кивнул, взял Мазура за локоть и развернул лицом к морю:

– Примерно вон там, напротив того мысочка, метрах в ста от берега, сбросили три мешка. Черные резиновые мешки, совершенно непромокаемые. Они утяжелены, должны были плюхнуться на дно. И лежать смирнехонько. К каждому мешку присобачена примерно метровая веревка с красным буйком. Дальше разжевывать? Тебе их нужно поднять, все три. Я сброшу за борт веревку с грузиком, будешь привязывать по одному, мы поднимем. Все ясно?

«Он не профессиональный моряк, – отметил Мазур. – Иначе не употреблял бы сухопутное словечко „веревка“. В языке британских моряков соблюдаются те же правила, всякая веревка на корабле именуется „конец“...»

– Ясно, – сказал он негромко. – Всего-то?

– Ты их достань сначала, – нахмурился Джейк.

– Глубина?

– Двадцать – двадцать пять метров. Примерно. Мне растолковали, что с этим аппаратом у тебя проблем не будет. Валяй, парень, отрабатывай свой проезд...

Отойдя от борта, Мазур принялся прилаживать ласты – в отличие от аппарата, старенькие, кое-где разлохмаченные. Снаряжение собирали с борту по сосенке... Надел на грудь баллоны, закрепил пояс с грузилами – опять-таки выдавший виды, не гармонизировавший с аппаратом. Сбросил штаны и сказал:

– Нож дай. В воде без него не обойдешься.

После секундного колебания Джейк расстегнул пряжку и, снявши с пояса кобуру, подал его Мазуру:

– Владей, пока я добрый...

– Ничего не хочешь мне сказать? – Мазур резко развернулся к Гурбачану.

Тот чуть ли не шарахнулся, испуганно всплеснув руками.

– А что это он должен тебе сказать? – подозрительно спросил Джейк.

– Не знаю, – пожал плечами Мазур. – Просто впечатление у меня создалось, что ведет себя странновато ваш главный специалист по водолазному делу...

– Это он с похмелья, – подумав, сообщил Джейк, без всякого почтения ткнув индийца кулаком в поясницу. – Нашел время, тварь... Ну, что стоишь? Прыгай!

– Фильмов насмотрелся? – посмотрел на него Мазур свысока. – Как раз прыгать и нельзя, можно треснуться башкой о баллоны, маску сорвать... Трави конец за борт.

– Что?

– Веревку свою за борт сбрось, – сказал Мазур, засовывая в рот загубник.

Он с минуту дышал смесью из баллонов, пока не убедился, что с аппаратом все в порядке, подача идет нормально, смесь без тех самых примесей, которых опытный человек опасается в данной ситуации.

Взявшись за прочный новенький трос, перевалился через борт, стал спускаться на руках. Когда ласты коснулись воды, разжал руки, булькнул вниз, в доли секунды оказавшись в другом мире – где царит невесомость, где все предметы кажутся ближе и выше, чем на самом деле, где синий и зеленый цвета почти исчезают для глаза, даже опытного...

Привычно выравнивая давление в ушах и под маской, пошел на глубину по пологой линии, не спеша. Жутко антисанитарные условия, если кто понимает: ни связи с обеспечивающим, ни даже сигнального конца, ни компаса, ни глубиномера... Ладно, в конце концов, он служил не в команде Кусто. И во Вьетнаме, и здесь группа работала вопреки классическим руководствам для мирного подводного народа...

Осторожно обогнул бледно-желтые коралловые заросли, на взгляд непосвященного не только красивые, но и безобидные, – коралл этот именовался миллепорой и при легком касании обжигал почище раскаленного железа трудами миллиардов крохотных полипов, обитавших в его порах. Мертвый коралл, конечно, не ядовит, но этот-то жив и обитаем, сразу видно...

Признаться откровенно, было чуточку не по себе – как раз из-за того, что он был профессионалом. Поиск затонувшего предмета в таких вот

условиях превращается в не самое легкое предприятие. Ни компаса, ни лага, ни шнура, ни заданных ориентиров. Указанный Джейком курс чересчур уж напоминал бессмертное сибирское «на два лаптя правее солнышка».

«Ничего, – подумал Мазур, ощущая веселую злость. – Не дите, чай. Покажем им, на что способны господа офицеры советского флота...»

Судя по видимости, опустился метров на двадцать. Ушел вправо, огибая группу конусообразных подводных скал. В подобных местах нужно держать ушки на макушке: вблизи таких вот скал, гротов и узких проходов может оказаться подводное течение, пловца при оплошке затянет под скалу, в какую-нибудь расселину. У Джейка, разумеется, не могло и быть подробной лоции побережья, где отмечаются течения, состояние грунта и прочие полезные подробности...

Следовало еще постоянно следить за парангом, чтобы не выпал из ножен, и это сбивало внимание. Но в общем Мазур вовсе не чувствовал себя сказочным героем, которому поручили сточить гору шилом или вычерпать море решетом. Трудная задача, конечно, но человек вроде него обязан с ней справиться...

Так вот ты какой, северный олень...

Указания Джейка оказались не столь уж расплывчатыми. Впереди, метрах в трех внизу, Мазур увидел красный шар, неподвижно стоявший над каменистым дном. В несколько гребков оказался рядом. Все так и обстоит: поплавок привязан канатиком к небольшому черному мешку, поодаль виднеется второй, а за ним, на границе видимости, третий.

Встав на грунт, Мазур приподнял мешок за канатик. Тот поддался очень легко, судя по весу, в нем было килограммов пять – причем большая часть, надо полагать, приходилась на грузила. Удачно они плюхнулись на дно – попади метрами пятью левее, и мешки могли застрять в узких вертикальных расщелинах ближайшей скалы, у самого дна зиявшей к тому же черными отверстиями подводных пещер. В таких пещерах любит таиться всякая морская...

Реакция спасла: когда нечто похожее на широкую черную молнию вдруг рванулось к нему из дыры, Мазур что есть мочи оттолкнулся пятками от дна, взмыл над красным поплавком, поджал ноги, по всем правилам крутнулся, меняя уровень... Выхватил паранг.

Плоская трехметровая рыбина, смахивавшая на огромного угря, пронеслась мимо, развернулась, по-змеиному свившись в кольцо, вытянулась во всю длину. Мазур выставил паранг, заслоняясь широким лезвием. Он даже не успел испугаться, а потом стало некогда...

Мурена стояла над дном метрах в пяти от него, открыв узкую пасть, усаженную ножевидными зубьями, чуть заметно пошевеливая плавниками. Мазур ждал, прогоняя страх. Бить нужно в голову, в пасть, в глаза – кожа у этой твари чертовски прочная, ножу поддается плохо. Сволочь Гурбачан, все ясно...

Бросится? Нет, мурена вдруг неуловимо изогнулась и, словно на реактивной тяге, исчезла с глаз, ушла на глубину. В подобных случаях принято говорить, что человек облегченно перевел дыхание, но Мазур эту процедуру проделать не мог, подчиняясь строгим правилам своего дыхания...

Если верить инструкторам – а верить им следует безусловно, – мурена не вернется. Не в ее стиле затевать драку с крупным противником на открытой воде. Эта милая рыбка с мощными челюстями – любитель неожиданно атаковать из засады, чтобы с маху нанести жуткую рану, ошеломить жертву, закрепить успех. Столкнувшись с отпором или промахнувшись, уберется от греха, отправится искать добычу полегче...

Как ни успокаивал себя Мазур вдолбленными в голову поучениями специалистов по тропическим морям, на душе было беспокойно. В конце-то концов, с исключениями из правил можно столкнуться повсюду, о чем бы ни шла речь. Мурена может оказаться какой-то неправильной, нетипичной, возьмет да и вернется из упрямства или по гнусности характера...

Так что он вертел головой беспрестанно, возвращаясь к алому поплаву. Поразмыслив, распорол резиновый мешок концом лезвия. Внутри обнаружилась самая что ни на есть прозаическая, тронутая ржавчиной железяка непонятного происхождения, но очень увесистая. И два аккуратных пакета величиной с кирпич, плотно замотанных в целлофан, перевязанных прозрачным скотчем.

Но все они оказались довольно легкими, килограмма по два каждый. Сквозь мутный целлофан просматривалось белесое содержимое. Не колеблясь, Мазур вспорол лезвием пакет. Поковырялся в нем кончиком паранга...

Поднялась белая муть, словно он ковырнул пальцем в коробке с зубным порошком. Пакет был плотно набит чем-то сыпучим, белым, спрессованным...

С подобным Мазур был знаком чисто теоретически, но не особенно и хитрые умозаключения тут требовались. Что это может быть за порошок, который кто-то потихоньку притопил в море, а кучка крайне подозрительных, несомненно криминальных типов азартно пытается

извлечь? Не мука, не мел и не тальк... Наркотик. Руку на отсечение, наркотик. Вот он какой в натуре, оказывается...

Говорят, стоит такая поклажа невероятно дорого. В валюте, понятно. Говорят еще, что промышляющий этим народ не любит оставлять свидетелей... Да мало ли ужасов рассказывают?

Следовало в темпе продумать план действий. Гарантй никаких. Вполне может случиться, что тем, на судне, и впрямь окажется небесполезным на будущее хваткий парень вроде Мазура, каким он им видится, – субъект бродячий, беспаспортный, опасаящийся властей, зато имеющий нехилые навыки обращения с аквалангом. Контрабандистам и наркоторговцам, надо полагать, тоже необходим приток свежих кадров...

Но может обернуться и похуже. В том случае, если им не нужен человек на замену индийцу. Если они, допустим, собираются навсегда убраться из этих мест и не связываться более с такими вот операциями. Болван-ныряльщик привязывает все три мешка к тросу, груз поднимают на борт, затем славно потрудившийся бродяга получает в голову парочку пуль из надежного английского карабина и отправляется на дно – без документов, без каких-либо пожитков, позволяющих его опознать. Рыбы и крабы быстренько разделаются с нежданным подарком. Вариант: если они люди особо хозяйственные, поднимут на борт, чтобы не пропал дыхательный аппарат, который еще можно выгодно пристроить. А далее – все то же самое. Неопознанный труп за бортом.

И вообще, пора уходить. Самое время.

Он обрубил два канатика, распоров предварительно резиновые поплавки, зажал в левой руке оба и, не выпуская из правой паранг, поплыл обратно, иногда задевая мешками за дно и поднимая легонькие облачка мути. Третий мешок остался на дне в целости и сохранности. План уже сложился в голове...

Ориентируясь по знакомым уже скалам, он поднырнул под черное продолговатое пятно – днище корабля, – привязал канатики к тросу и стал его дергать. Наверху, видимо, не спускали с троса глаз: он тут же рванулся вверх, унося груз. Мазур, неспешно всплыв следом, вынул изо рта загубник и, задрав голову, прокричал:

– Поднимайте!

– А третий мешок где? – закричал Джейк, перегнувшись через фальшборт.

– Поднимай, говорю! – заорал Мазур. – Потом объясню! Живенько давай конец!

На лице Джейка явственно читались колебания, но все же он в конце

концов бросил конец.

– Тяните! – крикнул Мазур. – Мне в ластах не вскарабкаться!

Его потянули в четыре руки. Грузно перевалившись через фальшборт, Мазур скинул ласты, аппарат, а вот пояс с парангом словно бы невзначай оставил. Огляделся. Салех сидел на корточках над поднятым с морского дна сокровищем, он уже успел распороть один мешок и прямо-таки баюкал на руке белый кирпич, физиономия расплылась в блаженной улыбке.

Над ним нетерпеливо пританцовывал индеец, ожидая своей очереди осязать порошочек.

– Где третий? – сдвинув брови, спросил Джейк.

– погоди, – сказал Мазур, натягивая штаны. – Этот тип уже нырял туда? – он показал на индейца.

– Ага, вчера...

Вразвалочку подойдя к Гурбачану, Мазур влепил ему оглушительную оплеуху, оказавшую на ослабленный похмельем организм должное действие: Гурбачан кубарем полетел на палубу, растянулся, испуганно заслонился локтем.

– Ты что? – Джейк крепко ухватил Мазура за локоть.

– Я никак не мог понять, отчего он так странно на меня таращится, – сказал Мазур в приливе нешуточной ярости. – Словно украл у меня что, словно виноват... Там, возле мешков, пещера, а в пещере сидела мурена. Понял? Ты вообще знаешь, что такое мурена, кэп? Метра три и во-от такие зубы... Если бы я не держал ушки на макушке, она бы мне вырвала полбока, и полезли бы из меня кишки на глубине... На меня вам, может, и наплевать, но вот своих драгоценных мешочков ни за что бы не увидели... По-моему, он знал, что рыбка – там. Видел, может быть. Вот и принял меры предосторожности, чтобы не идти больше под воду... – Увидев, как нехорошо сузились глаза Джейка, прибавил пару: – Вообще, не мое это дело – лезть в ваши отношения, но я хороший водолаз. И кое в чем разбираюсь. Нет там третьего мешка, понял? Два лежали на дне аккуратненько, в полуметре друг от друга, не более, а вот третьего я нигде не нашел. Ни мешка, ни поплавок. Там, знаешь ли, полно подводных пещер, расселин и прочих укрытий, где умный человек легко...

– Хватит, – оборвал его Джейк, оскалив зубы совершенно по-волчьи. – Я паренек понятливый, разжевывать не нужно... – Он неспешным, танцующим шагом приблизился к лежащему индейцу и что есть мочи ударил его ногой под ребра. – Сволочь, это как понимать прикажешь? Решил на себя поработать? Где мешок?

Мазур собственными глазами убедился, что алчность способна во

мгновение ока толкнуть человека на глупости. Пожалуй, авторы приключенческих романов отнюдь не преувеличивали, описывая яростные схватки пиратов над кладом... Совершенно не обращая внимания на Мазура, подставив ему беззащитную спину, Джейк шел следом за проворно отползавшим индийцем, брызгавшим кровавыми соплями, размеренно пинал его и орал:

– Где мешок, сволочь?

Мазур скосил глаза вправо-влево. Карабин прислонен к фальшборту дулом вверх, Джейк на глазах Мазура снимал его с предохранителя, загонял патрон в ствол... Кобура с револьвером у Джейка засунута в карман штанов... Салех все еще сидит над мешками, вспорол второй и достает пакеты, паранг лежит рядом...

Плавным танцевальным движением переместившись на метр правее, положив руку на рукоять паранга, Мазур уже предчувствовал, как сомкнет пальцы на цевье прикладистого карабина...

– А-а, мухари шайтон!

Он недооценил араба – тот взмыл с корточек, словно подброшенный мощной пружиной, в тот же миг подхватил паранг, бросился на Мазура с молниеносной грацией хищного зверя...

Практически не раздумывая, ибо тело само знало все наперед, Мазур выбросил руку фехтовальным движением.

Лезвие паранга вошло в загорелую грудь араба без малейшего сопротивления, как в масло, вот только при этом раздался странный, ни на что не похожий, ни разу в жизни не слышанный Мазуром хруст. Он и дальше действовал, как автомат: ушел левее, сторонясь лезвия, полоснул своим парангом по шее оседающего врага, пониже уха, что-то теплое плеснуло в глаза...

И к его ногам упал мертвец. Негромкий удар, тело неподвижно простерлось на грязных досках палубы, чуть подрагивая ногами...

Некогда было испытывать чувства. Какие бы то ни было. Быстрым движением перехватив паранг зубами, Мазур – как-то отстраненно ощутив на губах нечто соленое – схватил карабин, прицелился.

Джейк промедлил не более пары секунд – он выхватил из кармана кобуру и рвал застежку согнутыми пальцами, не сводя с Мазура застывшего взгляда, в котором еще не было ярости, одно безмерное удивление... Клапан кобуры распахнулся, не было ни времени, ни потребности в гуманизме...

Мазур нажал на спуск. Карабин знакомо дернулся в руках, время на миг застыло, показалось, что вылетевшая желтая гильза невероятно

медленно уходит в сторону по параболе... Второй выстрел, для гарантии. Джейк оседал, нелепо разинув рот, скрючившись, кобура выпала из разжавшихся пальцев, револьвер глухо стукнул о палубу, струйка крови поползла по подбородку...

Сделав скупой шаг вперед, Мазур повел стволом, стараясь держать в поле зрения обоих противников. Они лежали неподвижно. Выбросив стреляную гильзу, Мазур впервые за время схватки ощутил в голове нечто похожее на связные мысли, но не понимал еще, о чем думает. Сделал еще один шаг вперед – и тут индиец, к которому Мазур ощущал нечто вроде брезгливого превосходства, которого решил оставить в живых, вдруг извернулся с неожиданной для грузного и похмельного мужика быстротой, выбросил вперед руку, а в руке сверкнуло дуло...

Выстрел метров с пяти опрокинул Гурбачана на палубу. Тело конвульсивно содрогнулось несколько раз и замерло, со своего места Мазур отчетливо различал аккуратную, черную, круглую дырочку посреди смуглого лба...

Новый, незнакомый запах щекотал ноздри, перебивая кисловатую вонь пороховой гари. Двигаясь неимоверно медленно, словно лунатик, Мазур вынул из зубов лезвие, бросил паранг на палубу, сделал несколько шагов назад и прислонился к фальшборту, не выпуская карабина.

Его знобило, несмотря на яркий солнечный день. Что-то горячо пульсировало под ребрами поодаль от сердца, к горлу подступало едкое, кислое. Он едва успел раскрыть рот и отвести карабин в сторону – вывернуло на палубу, на ноги, тело долго содрогалось в спазмах, прошибла крупная испарина.

Он никого еще не убивал до этого момента. И сразу – трое. Не самый легкий груз, даже для человека, которого долго, умело и старательно готовили к тому, что однажды ему все-таки придется быстро и квалифицированно убивать...

Они не шевелились. Из-под тела араба, лежавшего с нелепо повернутой правой рукой, медленно расползлась липкая красная лужа, источавшая тот самый незнакомый запах, не сравнимый ни с чем на свете. Судно слегка покачивалось на якоре. Сияло солнце, и стояла тишина. Недалеко, на берегу, над зелеными кронами пальм, все еще метались испуганные выстрелами птицы.

Подавив желание куда-то бежать, скрываться, прятаться, Мазур заставил себя успокоиться. Он защищался. Они бы его убили. Повторяя это снова и снова, двигаясь механическими рывками испорченного робота, он, боясь потерять настрой, кинулся к трупам. Холодная часть сознания сама

подсказывала, что и как нужно делать.

Три шумных всплеска за бортом – вот и финал. Мазур отправил трупы за борт, предварительно проделав не столь уж сложные манипуляции, гарантировавшие, что покойники не всплывут, а сразу пойдут на дно. Следом в море отправились пакеты с наркотиком и карабин. Оглядевшись, Мазур заметил стоявшую у мачты бутылку, наполовину полную жидкости цвета крепкого чая, схватил ее, чуть трясущимися пальцами свинтил пробку и поднес горлышко к губам.

Виски лилось в желудок, как вода, оно, конечно, слегка саднило горло, как и положено сорокапятиградусному напитку, но привычного вкуса алкоголя не ощущалось совершенно. Проглотив со стакан и не дождавшись должного эффекта, он сердито вышвырнул бутылку за борт.

И далее вновь действовал, как автомат с четкой программой. Отыскал грязное ведро, привязал его к концу, зачерпнул воды, собрал в кучу найденные на корме тряпки и старательно драил палубу, пока не уничтожил слишком явные следы крови. Остались темноватые пятна, но с этим уж ничего нельзя было поделать.

«Девчонка», – вспомнил он, но и не подумал сломя голову кинуться вниз – не благородный рыцарь из сказки, в самом-то деле... Поднялся в рубку и, положив кобуру на крышку ящичка с компасом, принялся возиться с рукоятками и кнопками.

Разобраться во всем этом было не так уж и сложно – не космический корабль, в конце концов... Попрактиковавшись с четверть часа и убедившись, что никаких неясностей тут не осталось, спустился вниз. Рванул на себя узкую дверь. Девчонка, как давеча, съежилась в уголке, поджав ноги и таращась с таким страхом, что сердце у него моментально размякло.

– Все, мисс, – сказал он, с радостью констатируя, что тошнота наконец-то прошла. – Возвращаемся в Викторию. В том случае, конечно, если у вас нет других планов... Кончились ваши зловключения. Вы меня хорошо понимаете, мисс Дженни...

Интересно, будет реветь? Нет, сидит себе смирненько, понемногу осознавая резкую перемену, очередную в судьбе, начинает соображать, что все позади. Тем лучше, меньше хлопот...

– А... эти? – спросила она тихонько.

– Эти? – пожал плечами Мазур. – У меня с ними возникли небольшие разногласия касательно дальнейших действий, и как-то так вышло, что они попрыгали за борт и отправились по своим делам вплавь. А мы с вами остались единоличными хозяевами этой посудины. Так вот, поскольку я

принимаю решения на правах капитана, предлагаю вернуться в Викторию. Есть возражения?

– Н-нет... – протянула девушка, глядя застывшим взглядом. – Вы что, из полиции?

– Неужели похож? – спросил Мазур с любопытством, сиюсь разговорить ее, а заодно и отвлечься самому от пережитого. – Вот никогда не подумал бы... Вынужден вас разочаровать, мисс, я совершенно штатский и абсолютно мирный человек, просто мне вдруг выпала совершенно неподходящая для меня роль... – Он сам сознавал, что в его болтовне есть оттенок истеричности, но остановиться как-то не получалось. – Случайно столкнулся с этими типами, пришлось как-то выкручиваться...

– Да что вы несете? – вскрикнула она с надрывом, на фоне которого волнение Мазура смазывалось вовсе. – Вы... всех троих... они же не могли вот так добровольно взять и уплыть... Вы их... да?

– Ну, есть такой грех, – пожал плечами Мазур. – Вам их что, так уж жалко?

– Ни капельки, – призналась она серьезно. – Скоты, твари...

– Я это тоже сразу заметил, – сказал Мазур, опасаясь, что все же последует истерика. – Скверные были типы, признаться, и это мне помогает не переживать особенно... Хотите виски? Я видел в камбузе... (она помотала головой). Ну, как хотите. Вы, вообще, в норме? Можно вас оставить?

– А вы... куда?

– В рубку, – сказал Мазур. – Пора сниматься с якоря. Так что, все нормально?

Она торопливо покивала.

– Ну и прекрасно, – облегченно вздохнул Мазур. – Я пошел...

Он поднялся в крошечную рубку, выбрал якорную цепь и запустил двигатель. Сноровисто перекидывая толстенные рукоятки штурвала, повел судно на ост, вдоль берега, в сторону Виктории. Берег был пуст, океан был пуст, и настроение пока что не достигло нормальной отметки, но чуточку поднялось, исчезла противная тошнота и еще более омерзительная слабость в коленках, он почти успокоился. Нельзя было иначе, никак нельзя...

Чтобы отогнать остатки позорной слабости, громко мурлыкал под нос:

Меня зовут Уильям Кидд,
ставьте парус, ставьте парус!

Рядом черт со мной стоит,
абордажный нож блестит,
ставьте парус, ставьте парус!
Нас с купцами смерть свела,
в пасть акулам их тела,
ставьте парус, ставьте парус!
На добычу я лихой,
льется золото рекой,
слаще нет судьбы такой,
ставьте парус, ставьте парус!

И, почувствовав себя почти нормальным человеком, заорал во всю глотку еще одну старинную песенку, опять-таки родившуюся на кораблях туманного Альбиона:

Я благодарен виски за свой багровый нос,
и по его совету бушлат в заклад отнес!

Сзади что-то негромко упало. Замолчав, Мазур явственно расслышал металлический щелчок. Очень похожий на...

– Руки держи на штурвале!

...на звук взведенного курка. Оглянувшись через плечо, Мазур узрел в нескольких шагах за спиной свою прекрасную принцессу, освобожденную им аж от трех драконов. Она стояла выпрямившись, одной рукой придерживая на груди рубашку, а в другой у нее был Мазуров трофей, «Альбион» со взведенным курком, нацеленный ему куда-то в район лопатки. Бросив быстрый взгляд вправо, Мазур убедился, что пустая кобура валяется рядом с компасным шкафчиком. Сюрпризы...

– Положи игрушку, – сказал он мягко. – Совершенно неподходящая забава для девушки из колледжа искусств, пусть даже ахатинского. Если потянуть пальцем вон ту штучку, он, между прочим, выстрелить может.

– Я знаю, – сказала Дженни. Глаза у нее были сухие, отчаянные, решительные. – Где кокаин? Куда ты его дел? Я ведь прекрасно поняла, что вы ныряли и достали все...

Странно, но прежде всего Мазур ощутил не злость, а жгучую, неутолимую обиду – он ведь и ее спасал, в конце-то концов, искренне считал случайным человеком, беззащитной жертвой, а оно вон как

обернулось...

– Конкурирующая фирма, а? – спросил он, горько ухмыляясь. – И в той бухточке, так я теперь понимаю, вы не случайно оказались?

– Не твое дело, – отрезала Дженни. – Где кокаин?

– Вопрос, конечно, философский, – сказал Мазур.

Револьвер она держала довольно уверенно, ствол в ее руке почти не дрожал.

– Я выстрелю...

– Да? – поморщился Мазур. – Во-первых, как только выстрелишь, судно сразу потеряет управление... Ежели я паду мертвым. Во-вторых, ты уверена, что в одиночку справишься с этим корабликом?

– Попробую...

– А вдруг не получится? – с интересом спросил Мазур. – И, наконец, мертвый труп тебе ни за что не скажет, где кокаин...

Растрепанная блондинка ухмыльнулась:

– Эта лохань немножко поменьше, чем «Куин Элизабет», не так уж и много времени займут поиски...

– Логично, – сказал Мазур. – А может, попробуем договориться? Там, такое впечатление, на двоих хватит... Красотка, нам выгоднее договориться, чем устраивать пальбу. В особенности если ты еще никогда не стреляла по живому человеку. Вдруг не получится? Или промахнешься?

– Постараюсь попасть, – заверила она, прикусив нижнюю губку. – С такими, как ты, всегда есть риск... Ведь обманешь...

– Я-то?!

– Хватит! – истерически вскрикнула она. – Где кокаин?

Вряд ли ей приходилось раньше стрелять по живому человеку. Но все равно ситуация хреновая. Разговор до бесконечности не затянешь, девка его откровенно боится, что, в принципе, где-то и простительно – с типом, только что прикончившим троих, не стоит вступать в честные переговоры, обмануть может...

– Я обязательно выстрелю, – настойчиво повторила она.

– Верю, – сказал Мазур, решивший рискнуть, благо ничего другого и не оставалось. – Вот только рассказать тебе, в чем твоя ошибочка? Ты хорошо рассчитала, шустренькая, но не приняла в расчет того типа, что давно подкрался со спины... хей!

Он уставился через ее плечо, и примитивная хитрость сработала: Дженни, словно ее ткнули шилом в какое-то чувствительное место, резко развернулась назад, где никого, разумеется, не было и быть не могло. А в следующий миг Мазур, одним прыжком преодолев разделявшее их

невеликое расстояние, обрушился на нее, сбил на палубу без малейшей деликатности, выкрутил из руки пистолет. Когда она попыталась царапаться, с превеликим смаком залепил парочку оглушительных пощечин, не испытывая ни малейших угрызений совести за столь хамское поведение.

Бросился назад, к штурвалу, – судно уже рыскнуло, сбиваясь с курса, – выключил двигатель, отдал якорь. Вернулся на огражденную невысокими деревянными перильцами площадку у рубки, встал над съезжившейся стервочкой и с интересом спросил:

– Прикончить тебя, что ли? Пленница пиратов, мать твою...

Она приподнялась, заслонила руками, себя не помня от страха. Так и тянуло дать хорошего пинка – и за разбитые иллюзии в том числе. Не должны такие девочки, натуральные блондинки с великолепной грудью и отличной фигуркой, быть алчными охотницами за партией наркотиков, это неправильно...

Следовало бы и в самом деле ее прикончить, чтобы избежать возможных сложностей, но у Мазура не поднялась бы рука. Даже после трех трупов на палубе. Особенно после трех трупов на палубе. Он не смог бы. Сучка, конечно, но ведь он не сможет...

Присев на корточки, Мазур невежливо ткнул ей дулом револьвера в скулу:

– Ну и как, по-твоему, какие чувства я к тебе испытываю после всего?

Она сжалась, зажмурилась, по щекам поползли слезы. Скулила, как щенок, тьфу... Он не мог.

– Ладно, – сказал Мазур неприветливо. – Выкладывай-ка в темпе, сучка белобрысая, как ты докатилась до жизни такой... И не надо бить на жалость, не подействует...

Сквозь всхлипы, слезы и сопли понемногу прорвалась нехитрая исповедь: благовоспитанная английская девочка, недовольная и своим не особенно авантюрным местом в жизни и не столь уж высоким жалованьем училки колледжа, спуталась с обаятельным местным красавчиком, который посулил возлюбленной райское житье в том случае, если им удастся повернуть не столь уж трудное дельце. Мазур так и не понял в точности, какие отношения связывали покойного Жюстена с покойной же троицей – то ли все работали в связке и Жюстен хотел облапошить компаньонов, то ли краем уха прослышал о делишках незнакомых ему наркоторговцев и решил их вульгарно грабануть. В общем, что-то пошло наперекосяк, красавчика прикончили и выбросили в море, а его спутницу решили пока придержать для прозаического употребления...

Вполне возможно, что-то она скрыла, о чем-то врала. Ну и черт с ней, в задачу Мазура не входило добиваться от нее полной откровенности. В общих чертах эта история, надо полагать, истине все же соответствует. И черт с ними со всеми...

– Вставай, – сказал он решительно. – Да не дергайся ты, дура... Еще поживешь. Но на свободе, уж извини, ты у меня разгуливать не будешь, на этом корабле, я имею в виду. Полежишь в связанном виде до самой Виктории, а там – катись к чертовой матери. Ну, вставай, кому говорю!

Часть вторая

Люди на глубине

Глава первая

Вопросы и предложения

– И что было дальше? – спросил сидевший вполоборота собеседник. Симпатичный такой парень с лицом и повадками хваткого комсомольского секретаря, здешний представитель одного из пароходств, оказавшийся не только его представителем. Мазур так и не вспомнил его фамилию – то ли Казарин, то ли Кумарин.

– Я ее отвел вниз, в каюту, – сказал Мазур. – Связал и положил на койку.

– Чем связали?

– Отрезал от бухточки подходящий кусок, – сказал Мазур.

– И какие узлы вязали? Морские? Обыкновенные?

За последние сутки Мазуру пришлось выслушать и более странные вопросы, причем во множестве. Он давно смирился. И потому кротко ответил:

– Честное слово, не помню. На такие мелочи я в тот момент не обращал внимания.

– Но могли быть и морские?

– Могли. Ну и что? Вряд ли она умеет отличать морские узлы от сухопутных, да и не в том состоянии была, чтобы следить, какими узлами на ней путы закрепляли... Вы имеете в виду, она могла догадаться, что я моряк? Но я и по легенде – человек не сухопутный, мало ли каких премудростей мог нахвататься на корабле сугубо штатский ихтиолог...

– Я ничего не «имею в виду», – ровным голосом сказал собеседник. – Я просто задаю вопросы, товарищ старший лейтенант. Не из вредности характера, а по службе.

– Я понимаю, – угрюмо заверил Мазур.

– Вот и прекрасно. Продолжим? Итак, вы ее связали. И что было потом?

– Повел судно дальше. Держа курс на Викторию. Когда вдали показались доки...

– Вы их узнали?

– Конечно. Мы мимо них несколько раз раньше проходили, я отлично запомнил... В общем, я подвел судно к берегу. Там легко было пристать, глубина подходящая. Я ее развязал и велел убираться на все четыре стороны. Давненько не видел, чтобы милые девочки так бегали... – Он

вымученно улыбнулся, но собеседник ничуть не отреагировал, и Мазур вернулся к прежнему казенному тону. – Когда остался один, взял канистру с моторным маслом, тряпку и протер все места, где могли остаться мои отпечатки пальцев.

– Почему именно моторное масло?

– Ничего больше под рукой не было. Да, револьвер я выбросил за борт. Там же. И дыхательный аппарат. Нас учили, что в этом случае уже никаких отпечатков пальцев не получить, вода, сами понимаете, их быстренько уничтожит...

– Понимаю. Дальше.

– Ну, и отправился в порт... – вздохнул Мазур.

– Как были? В одних штанах и босиком?

– А что еще оставалось делать? На судне не нашлось ни обуви, ни рубашки, они, надо полагать, обходились минимумом вещей... Доки я обошел кругом, по лесу, выбрался к порту. Эта стена... в общем, рассчитана она на обычного человека. Здешние воришки ни ее, ни колючую проволоку не преодолеют, но нас-то учили брать препятствия и почище... Перемахнул. И напрямик направился на «Сириус». Хорошо, у них тут совершенно не в моде сторожевые собаки. Впрочем, нас и с собаками обращаться учили...

– Вы отклоняетесь от темы, – вежливо прервал симпатичный, белозубый представитель. – Перемахнули и направились на «Сириус»... На вас обращали внимание?

– Да нет, пожалуй что, – сказал Мазур. – Не особенно. Внутренняя охрана порта поставлена скверно, и потом, на территории вечно полно народа столь же экзотического облика, белых в том числе, – грузчики, подсобники, тому подобные... Словом, никто особенно не приглядывался.

– Понятно... – белозубый черкнул что-то на лежащем поверх толстой кипы собственноручно исписанных Мазуром листов типографском бланке. – Не приглядывался... Товарищ старший лейтенант, мне, честное слово, абсолютно неясен один важный нюанс... Почему вы так старательно выгораживаете эту вашу мадемуазель Мадлен?

– Я ее не выгораживаю, – сказал Мазур.

– Да? Вы в нескольких местах пишете: «совершенно уверен, что похищение не имело к ней отношения». Это только один пример. Есть и другие, столь же категорично сформулированные.

– Я просто уверен, что она не имела к этому отношения.

– Почему?

– Потому что мне не предъявляли никакого компромата, хоть в какой-

то степени основанного на... на эпизодах общения с ней, – сказал Мазур то, что повторил за последние сутки, наверное, раз десять. – Если бы похищение произошло с ее подачи, логично было бы предположить, что меня будут шантажировать эпизодами...

– Вы настолько осведомлены о методах и тактике работы французской разведки? Откуда, если не секрет?

– Просто пытаюсь рассуждать логически, – сказал Мазур. – И потом, нам кое-что преподавали...

– В крайне облегченном и схематичном виде.

– Ну и что?

– Отчего вы так уверены в миролюбии французов? – с простецкой улыбкой спросил собеседник.

– Потому что со мной обращались хамски как раз американцы, – буркнул Мазур.

– Они вам показали американские документы?

– Нет. Но и французских не показывали. Вообще никаких.

– Ну да, ну да... – протянул белозубый и надолго зарылся в бумаги.

Мазур украдкой перевел дух. Похоже, последовавшие за его возвращением на «Сириус» сутки суждено было вспоминать всю оставшуюся жизнь. В кошмарных снах. Сначала он кропотливо изложил на бумаге все с ним происшедшее. Потом Самарин – в присутствии практически не вмешивавшегося Дракона – учинил трехчасовой допрос и вел его так, словно Мазур ничего не писал, а он, соответственно, ничего не читал. Лаврик, как клещ, вцепился в те мелочи, о которых Мазур даже и не помнил: ну, скажем, сколько именно совершено дала Эжени, помнит ли Мазур, чьего производства был дизель на судне Джейка, не было ли у Гурбачана амулетов на шее... И тому подобное. Мазур отвечал старательно, подолгу задумываясь: он имел все основания считать, что в этих вопросах был какой-то недоступный рядовому старлею смысл... К тому же после подсунутого Лавриком стакана с кока-колой произошло нечто странное: Мазур потерял себя, словно часть его сознания стерли резинкой. Появилась странная заторможенность, не удавалось подумать – ответы на вопросы сами собой срывались с губ. Полное впечатление, будто ему что-то подсыпали...

Потом, к счастью, дали несколько часов поспать. И вновь – допрос. А после допроса – требование вновь изложить на бумаге свою одиссею. И снова отдых. И снова допрос. В конце концов появился этот белозубый и потребовал еще раз изложить все в письменном виде. А когда Мазур изложил, принялся допрашивать так, словно письменных показаний не

существовало...

Разумеется, Мазур не протестовал и не ершился: повиновался, словно управляемый на расстоянии чужими командами. Такова была жизнь. Они имели право все это с ним проделывать, его давно предупреждали о подобном обороте событий в случае нештатной ситуации...

Он никого не винил – таковы порядки. Но глубоко в душе засела противная заноза. Чересчур уж легко и просто он превратился из полноправного члена группы облеченных высокой миссией элитных офицеров... непонятно даже в кого. В говорящую куклу, обязанную издавать осмысленные звуки, лишь только потянут веревочку...

Белозубый перевернул бланк чистой стороной вверх, извлек из толстой папки лист бумаги, придвинул его к Мазуру и положил сверху авторучку. Подался вперед, глядя в глаза, тихо и задушевно произнес:

– Знаете что, старший лейтенант? Есть великолепный способ покончить со всем этим раз и навсегда. Самым приемлемым для всех способом. Вы сейчас сядете и кратенько напишете правду. Подлинную правду. И – будем считать, что ничего не было, вы по-прежнему остаетесь в кадрах... Понимаете меня? Правду.

Мазур не хотел его понимать. Ни за что на свете. Изо всех сил стараясь не сорваться, тоже перегнулся через стол и, не отводя глаз, произнес с расстановкой, устало:

– Я трижды писал правду. Всю. Подробно и скрупулезно. Вот, перед вами третий экземпляр. Я могу написать и четвертый, если прикажут... Только одного листочка будет мало.

Какое-то время они не шевелились, уперевшись взглядами друг в друга. Наконец собеседник без тени обиды рассмеялся:

– Экий вы колючий, товарищ старший лейтенант... Пожалуй что, в четвертом экземпляре нет необходимости. Вы свободны.

Грузно поднявшись, Мазур вышел в коридор. Там его терпеливо ждал «дежурный по каптерке». Они направились к каюте Мазура, строго соблюдая нехитрые правила игры: Мазур притворялся, что вовсе даже и не замечает идущего следом, в двух шагах, конвоира, а тот столь же старательно изображал, будто никакой он не конвоир, а просто-напросто случайный попутчик...

Оказавшись у себя в каюте, Мазур сел на койку и долго созерцал носки собственных сандалий. Не было ни злости, ни безнадежности, ни страха. Скорее уж, он словно бы раздвоился, наблюдал со стороны за нелепой марионеткой, вдруг потерявшей собственную волю, желания, права, да все на свете. Ему просто-напросто не хотелось думать, гадать и ждать. Все

равно от него самого уже равным счетом ничего не зависело...

Поднял голову, услышав деликатный стук. И тут же, к его удивлению, в каюте появился товарищ Панкратов, причем, что интересно, прямо-таки лучившийся дружеским расположением. «А этому что тут надо?» – в совершеннейшем недоумении подумал Мазур. Панкратов не имеет никакого права официально вмешиваться в деятельность группы, его осведомили, конечно, о происходящем, но и только. Одно у него право: брюзжать и строчить докладные. Будь они обыкновенной группой, отправленной на задание, обошлись бы без всякого замполита. Но поскольку, согласно каким-то высшим соображениям, зафиксированным к тому же в виде официальных регламентов, «Сириус» считался «обеспечивающим судном, приписанным к Балтийскому флоту», то ему полагался замполит...

– Тяжело вам, Кирилл Степанович? – сочувственно поинтересовался Панкратов.

Мазур молча смотрел на него, решительно не представляя, каких еще сюрпризов ждать.

– Вы не напрягайтесь, не напрягайтесь, – с ослепительной улыбкой сказал Панкратов, свойски похлопав по колену. – Я вам не очередной допросчик, просто зашел поговорить по душам с младшим товарищем. Вы, старший лейтенант, мало что в жизни видели, а я как-никак войну прошел от звонка до звонка, хлебнул немало, повидал всякого... Все эти шуточки... да бог с ними, я про них уже и забыл. Какие могут быть счеты между советскими офицерами, особенно если младший товарищ попал в беду?

Он замолчал, явно ожидая от Мазура каких-то слов, но Мазур от растерянности не знал, что тут можно ответить. Голова не работала, казалась легкой и пустотелой.

Убедившись, что никаких реплик от собеседника не дождаться, Панкратов заговорил еще задушевнее:

– Кирилл Степанович, я, в отличие от некоторых, вам не враг. Гондоны с водой, разные там мелкие недоразумения... Мы с вами советские офицеры, товарищ старший лейтенант, и должны стоять выше мелочных обид, правда?

Мазур механически кивнул.

– Когда я узнал обо всем, что с вами устроили, тут же решил, что младшему товарищу нужно помочь, – сообщил Панкратов. – Вы вот совсем молодой, надо полагать, благородный человек, искренне верящий людям, которые доверия недостойны вовсе... Позвольте уж без дипломатии и лишних уверток, я старый морской волк, не приучен к политесам... Вы

понимаете, Кирилл Степанович, насколько подло с вами поступили определенные личности? Что, вы сами вдруг настолько ослабили бдительность, что решили идти в бордель с этой французской выдрой? Вам поручили. Адмирал Зимин и капитан-лейтенант Самарин. Прежде всего, это вопиющая глупость, если не сказать больше, – поручать чисто разведывательную миссию обыкновенному строевому офицеру. Но дело даже не в этом. Они вам показали письменный приказ?

– Нет, – сказал Мазур.

– Вы вообще не видели никакого приказа? Все было на словах?

Мазур кивнул.

– Что же вы так...

– А откуда вы все знаете? – спросил Мазур вяло.

– Кирилл Степанович... Странное заявление для кандидата в члены КПСС. Партия, товарищ старший лейтенант, руководящая и направляющая сила, как вам должно быть прекрасно известно... но вряд ли имеет смысл устраивать политинформацию, верно? Давайте вместе подумаем, как вам помочь. Как вам достойно выйти из скользкого положения, куда вас загнали... – Излучая отеческое радушие, он наклонился совсем близко, понизил голос: – Кирилл Степанович, вы человек молодой, неопытный, наверняка склонны до сих пор к некоторому идеализму. С полным доверием взираете на командиров и послушно выполняете все приказы, в том числе и такие вот устные... Я никоим образом не хочу вам внушить, будто следует нарушать уставы и субординацию... но некоторая доля здорового скептицизма не помешает.

– А конкретно? Не пойму, товарищ капитан второго ранга, куда вы клоните.

Мазур говорил чистую правду – он и в самом деле ни черта не понимал.

– Молодо-зелено... – задумчиво протянул Панкратов. – Послушайте опытного человека, Кирилл Степанович, я боевой офицер и старый партиец, плохого не посоветую... Вам никогда не приходило в голову, что у адмирала Зимина и капитан-лейтенанта Самарина могут быть свои цели? Боже упаси, никоим образом не враждебные, не преступные, но все же существующие наряду с их служебной деятельностью? Кирилл Степанович, вы же прекрасно знаете, что через два месяца будет отмечаться двадцатилетие спецназа Балтфлота. По традиции, вернее, по установлениям, одобренным партией и нашим правительством, подобный юбилей сопровождается представлением к правительственным наградам и очередным воинским званиям. Так вот, ваш Зимин из кожи вон лезет, чтобы

получить Золотую Звезду. Если подумаете, согласитесь со мной: операция, подобная нашей, в общем, и не требует личного руководства вице-адмирала, к тому же занимающего немалый пост в спецназе. Зимин, я вам авторитетно говорю, для того и настоял на личном командовании операцией, чтобы добиться к юбилею Героя. Примерно теми же мотивами руководствуется и Самарин. Карьеризм данного товарища общеизвестен. А меж тем в некоторых инстанциях, – он значительно показал пальцем вверх, – есть мнение, что история с «Агамемноном» – не более чем масштабная дезинформация западных разведок, которая должна заставить нас потерять время и силы... Ну согласитесь, что, несмотря на все ваши усилия, никаких следов корабля, а уж тем более мнимого золотого груза обнаружить так и не удалось...

– Мы обследовали чересчур маленькую акваторию, – сказал Мазур. – Точного места затопления никто не знает...

– О чем я вам и говорю! Трудненько найти то, чего нет и не было никогда!

– У вас, простите, не сходятся концы с концами, – сказал Мазур. – Если «Агамемнон» – липа, почему тогда адмирал рассчитывает получить Героя?

– Скажу вам вовсе уж откровенно: иногда самые высокие награды, как ни борется с такой тенденцией партия, достаются людям не за реальные заслуги... или не вполне реальные. Зимин давно уже понял, что тянет пустышку. Но продолжает вас принуждать к мартышкину труду. Расчет циничен и прост: если поиск затянется еще на месячишко, пусть он даже окончится провалом, человек, наученный кое-каким интриганским штучкам и имеющий знакомых на высоких постах, сумеет составить достаточно убедительный рапорт. Покажет, что он-де сделал все возможное, героически сворачивал горы... и проскочит, глядишь, под юбилейчик Звездочка. В особенности если они на пару с Самариным, изволите ли видеть, между делом хватко разоблачили иностранного шпиона...

– Это кого? – угрюмо поинтересовался Мазур.

– Вас, Кирилл Степанович, вас! Будто не понимаете? Так и не сообразили, что они пытаются с вами проделать? Я в свое время, по секрету скажу, насмотрелся на таких вот орлов вроде Самарина, использовавших осужденные впоследствии партией методы... То-то он пенсне таскает, будто никто не понимает, кому он подражает и кто у него кумир... понимаете? Приказ пообщаться с француженкой они вам отдали устно. Лично я верю даже, что эта девка вообще не имеет отношения к разведке, что вас и в самом деле пытались захомутать нетерпеливые

штатовские вербовщики... Но все равно вашего положения это не улучшит. В случае чего Зимин с Самариным от всего отойдут. Ничего они вам не поручали. Знать не знают. А вот разоблаченный пособник врага им как нельзя более кстати. Хотя какой-то результатик на фоне провала операции. Золото не подняли, так хоть шпиона разоблачили... Даже если вам дома удастся оправдаться, на служебной карьере можете ставить жирный крест. В лучшем случае – служба берегового обеспечения, строевой состав... Это в лучшем случае. А если они состроят дело... И ведь, очень похоже, строят. Повторяю, я верю, что вы невиновны, но без вашей помощи доказать этого не удастся...

– И что же от меня требуется? – спросил Мазур, глядя в пол. Воробей оглянувшись на дверь, Панкратов понизил голос до вкрадчивого шепота:

– Согласно уставу, каждый военнослужащий имеет право подавать рапорт во все вышестоящие инстанции. Кроме того, существует еще политуправление, куда вы имеете право обращаться, как кандидат в члены КПСС. Я вам помогу написать убедительную и толковую докладную, которая произведет должный эффект. Мы с вами все напишем, с конкретными примерами и убедительными фактами, – как Зимин и Самарин ради орденов и званий тратят ресурсы государства на выполнение заведомо бесполезных программ, как идут на поводу у зарубежных дезинформаторов, как пытаются в сговоре возводить ложные обвинения на честных советских офицеров. Могу вас заверить, докладные эти незамедлительно попадут в инстанции и будут оценены с партийной принципиальностью. Адмиральское звание еще не дает гарантий неприкасаемости. Партия, Кирилл Степанович, и не таких зарвавшихся авантюристов в два счета останавливала... Мы не позволим отдельным авантюристам вроде Самарина поставить особые отделы над партией... Понимаете мою мысль? Я вам добра желаю, товарищ старший лейтенант... И борюсь за восстановление законности. Но без вашей помощи я вас выручить не смогу... Ну что? – спросил он уже совершенно по-свойски. – Будем писать бумагу? У меня все с собой, я вам для облегчения дела диктовать буду, а уж соответствующими деталями раскудрявим по ходу дела...

Бодренко потеряв руки, он расстегнул молнию синей папки, принялся вытаскивать оттуда чистые листы.

Мазур таращился в пол. На душе было тяжело и мутно, в какой-то миг он едва не поддавался увещаниям, чувствуя себя зачумленным, чужим, преданным...

И взял себя в руки. Дело даже не в дурацком оптимизме – он верил

адмиралу, с некоторыми натяжками верил и Лаврику, а вот к Панкратову не было ни веры, ни дружеского расположения. Панкратов попросту не мог оказаться прав, и в этом все дело...

– Вот, – плюхнув ему на колени папку с белоснежным листом, Панкратов совал в руку авторучку. – Начинайте. В правом верхнем углу: «Начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР...» Вы что?

Он выхватил у Мазура бумагу и оторопело уставился на три честных советских буквы, коряво выведенных посередине листа, знаменитое уравнение из анекдота: икс, игрек и еще что-то из высшей математики.

– Вы что это себе позволяете? – взвизгнул Панкратов, багровея на глазах. – Мальчишка! Так обращаться с официальным документом...

– С каким документом? – устало спросил Мазур, пожав плечами. – Это ж чистый лист...

– Вы мне тут дурака не валяйте, старший лейтенант! – от прежней доброты не осталось и помина. – С огнем играете?

– Знаете, я устал, – сказал Мазур. – И мне категорически было рекомендовано до полного рассмотрения дела ни с кем не общаться. Приказ непосредственного начальника. Вынужден выполнять. Если вас что-то не устраивает, обращайтесь к вице-адмиралу...

– Я обращаюсь, – зловеще пообещал Панкратов. – Обращусь куда следует, и все ваши действия – я не вас одного имею в виду – непременно получают принципиальную оценку...

– Сделайте одолжение, – почти безучастно сказал Мазур, лег и вытянулся на койке. – И дверь прикройте с той стороны, товарищ капитан второго ранга, я на ногах не стою, и мне разрешили пока что отдыхать...

– Отдохнешь ты у меня, – пообещал шипящим голосом Панкратов. – Где-нибудь в Мурманске, начальником склада ГСМ... Это еще в лучшем случае!

Уже не сдерживаясь, Мазур сказал, не глядя на вскочившего замполита:

– Есть такой украинский анекдот на букву «чи». Чи не пошли бы вы, дядьку...

Кипевший, как самовар, Панкратов хотел сказать что-то, но, услышав негромкий стук в дверь и узрев тут же вошедшего Самарина, поник, слово проколотый иголкой воздушный шарик, – увял, усох, опал... С треском застегнув «молнию» на папке, кинулся к двери мимо Лаврика, выскочил в коридор и был таков.

Невозмутимо поправив пенсне, Лаврик подошел к койке, уселся в

НОГАХ.

Глава вторая

Полиция как инструмент дипломатии

Мазур помимо воли не отводил взгляда от его непроницаемой физиономии. Не было ни страха, ни надежды, хотелось только, чтобы все это побыстрее кончилось и наступила хоть какая-то жизненная определенность.

– Значит, Родину продаешь за полдюжины золотых соверенов? – фыркнул Лаврик. – Ну ладно, не пялся на меня умирающим лебедем, старлей печального образа... Короче. Окончательное решение, как оно всегда и бывает, остается за высшим командованием, но результаты внутреннего расследования обнадеживают. Значительная часть твоей эпопеи проверена с помощью... гм, независимых источников информации. То, что уже проверено, позволяет полагать, что и остальное подтвердится. Адмирал заверил, что в обиду не даст. Я, со своей стороны, изложил соображения в должном ключе. Будем считать, что старший лейтенант Мазур действовал единственно возможным в сложившейся ситуации образом, не уронив чести советского моряка... ну, далее согласно прописям. Через часок на Большую Землю пойдет шифровка. А пока что счастлив объявить: все предыдущие ограничения снимаются. Претензий нет. Чего ты на меня тарацишься, чудило? Радоваться надо...

Мазур чересчур вымотался и перенервничал, чтобы радоваться. Радость была, конечно, но какая-то отстраненная, вялая. Даже улыбка не получалась. Глядя в сторону, он спросил:

– Интересно, что вы мне в колу-то сыпанули, товарищ капитан-лейтенант?

– Я?! – натуральнейшим образом изумился Лаврик. – Как тебе такое в голову пришло? Перенервничал, бедняга, столько переживаний выпало...

– Ладно, – пробурчал Мазур, прекрасно понимая, что до истины все равно не докопается. – Удалось что-нибудь узнать про... этих?

– Про твоих американских друзей? Ну, растворились в воздухе, конечно, как и следовало ожидать. Ни один толковый профессионал после такого афронта на сцене не останется. И ни один толковый профессионал в подобных условиях попытку повторять не станет, так что спокойствие всем нам на некоторое время гарантировано. Мелочь, а приятно... Хуже другое. У них там неглупый народ. Боюсь, в два счета догадаются, что мирные ихтиологи, ученые крысы вовсе даже не обучены умению так молниеносно

и очень зубодробительно уходить из плена... Думаю, скоро поймут, что вместо мирного ученого сцапали зверя поопаснее...

– А что было делать? – пожал плечами Мазур. – Ехать с ними в Штаты, а?

– Да нет, зачем? – серьезно сказал Лаврик. – Ехать, конечно, не следовало... Чревато.

– В конце-то концов... Не демаскирует же мой уход все наше предприятие? А то им не известно, что на наших кораблях попадают ученые очкарики, которые и не ученые вовсе... У них, я так полагаю, тоже на мирных коробках схожий народец имеется?

– Конечно, – сказал Лаврик. – Говорю же, никто тебя ни в чем не упрекает. Просто какая-нибудь падла начнет строить предположения, докладные строчить... Неприятно. Не стоит лишний раз внимание к себе привлекать.

– Ну, тут уж я не виноват, – сказал Мазур сварливо. – Не сам в город поперся – послали...

– А кто спорит-то? – усмехнулся Лаврик. – Самое смешное – тебе, голубь, опять в город собираться нужно...

– Это зачем? Опять в Штирлицы?

– Да нет, – сказал Самарин с непонятым выражением лица. – На сей раз инициатива исходит не от нас. В полицию тебя, видишь ли, вызывают. А, ты же совершенно не в курсе... Ладно, можно уже раскрыть тайны мадридского двора. Когда ты не вернулся на судно в расчетное время, мы решили не пороть горячку. Француженки – бабы темпераментные, процесс мог затянуться... Ну, а когда утром выяснилось, что прекрасная Мадлен репортерствует как ни в чем не бывало, а вот тебя след простыл, Дракон подал в комиссариат бумагу по всей форме: мол, член научной группы экипажа не явился на борт, ничего плохого мы пока что не подозреваем, но просим полицию порядка ради учесть сей факт и уделить ему определенное внимание... Не следовало, сам понимаешь, с ходу затевать хай до небес с привлечением посольских и театральными криками в объектив... Местные полицаи с должным тактом и пониманием обещали осмотреться и прислушаться... Когда ты вдруг объявился, понадобилось срочно что-то придумывать. Дракон им позвонил, извинился за беспокойство и сообщил, что молодой ученый-разгильдяй, то бишь ты, самым вульгарным образом запил с представителем пароходства. «Собутыльник» твой сей факт при нужде подтвердит, с этой стороны все в ажуре. Вот только десять минут назад приперся полисмен и сообщил, что в комиссариат категорически приглашают того самого русского господина,

доставившего некоторые хлопоты своим исчезновением как капитану судна, так и полиции молодой республики... Такие дела.

– И что ты советуешь?

– А что тут посоветуешь? Надо идти. Мы – люди законопослушные, нужно уважать власти, пусть даже такой вот кукольной республики. Нам тут еще работать и работать... В общем, Дракон решил и на сей раз не устраивать лишнего шума и посольских не привлекать. Пока что нет необходимости. Поедешь в комиссариат с ним. Мне туда заявляться не с руки – какого черта, спросят, там делает помощник главного механика, в чьи функции отнюдь не входит разбор полицейских претензий? Так что соберись и приготовься изворачиваться, как карась на сковороде. Что им от тебя нужно, совершенно непонятно. Ты нигде вроде бы не наследил настолько, чтобы полицаи взяли на заметку – разве что нашелся какой-нибудь Зоркий Глаз и видел, как ты драпал на берег с того суденышка... нет, слишком маловероятное стечение обстоятельств. Вот только эта твоя спасенная блондинка меня смущает – как самое слабое место во всей этой истории. Зря ты с ней связался, ох, зря...

– А что нужно было делать? – спросил Мазур. – Тоже дать по башке и за борт отправить?

– А может быть... – серьезно сказал Лаврик.

– Ну, знаешь... Не ставили передо мной такой задачи.

– Это тебя еще жизнь не ломала. Может, когда-нибудь и поймешь, что иногда очень чревато проявлять гуманность по отношению к смазливеньким блондинкам... Ладно, пошли. Нужно тебе еще костюмчик подходящий подобрать, новые очки выбрать из реквизита. Нельзя же в серьезное государственное учреждение босяком являться?

* * *

...Полицейских оказалось сразу двое – субинтендант Дирк и комиссар Ксавье. Первый – типичный англосакс, проявленный здешним солнцем настолько, что в нем даже дилетант вроде Мазура мог с ходу угадать старого колониального служаку, оставшегося в юной республике то ли из сребролюбия, то ли по привычке. Второй – классический ахатинец. Оба в аккуратных синих мундирах с широкими красными погонами. У Дирка на погонах по две семиконечных звездочки, в точности таких, как на государственном флаге, а у комиссара вдобавок еще и золотые пальмовые листья. Впрочем, Дракон в летней капитанской форме выглядел не менее

импозантно, один Мазур своим сугубо штатским видом нарушал гармонию.

Встретили их, можно сказать, радушно. Подали крепкий чай. Дав гостям время выпить по чашечке и налив по второй, Дирк мягко поинтересовался, разрешилось ли «небольшое досадное недоразумение» с господином русским ученым. Дракон, тщательно подбирая выражения, извинился за причиненное беспокойство, с некоторой иронией и сердитыми взглядами в сторону Мазура поведал, что дело не стоило выеденного яйца: молодой русский бакалавр со свойственным его возрасту легкомыслием попросту загостился у соотечественника, чем вызвал на борту легкий переполох. Дирк вежливо поинтересовался, не грозит ли господину бакалавру наказание – чего лично он не хотел бы, поскольку полиция вовсе не имеет каких бы то ни было претензий за причиненное беспокойство, ибо здесь работают опытные люди, прекрасно понимающие, что молодые люди сплошь и рядом выплескивают избыток энергии в формах, старшему поколению могущих показаться шокирующими. Но, поскольку никаких нарушений закона отмечено не было, полиция не видит смысла выражать недовольство.

Дракон заверил, что наказание господину бакалавру не грозит, – но, разумеется, как и подобает строгому капитану старого закала, зловеще покосился на Мазура, сурово сопя. Мазур старательно выражал раскаяние всем своим видом, и на предложение Дирка выпить по рюмочке прямо-таки замахал руками. Зато Дракон, коему по роли вовсе не было нужды избегать алкоголя, осушил свой бокал с удовольствием. Словом, все протекало мирно и незатейливо, как на дипломатическом приеме... Мазур даже заскучал.

Но ненадолго. Ему стало отчего-то казаться, что Ксавье чересчур уж часто бросает косые взгляды в сторону зеркала на противоположной стене – самого обычного, новенького зеркала в узкой деревянной раме, удачно вписывавшегося в общую картину: ничем не примечательное, дешевое, как все в кабинете, отнюдь не предназначенном для дипломатических раутов.

Потом стало казаться, что беседа чересчур затянулась, но он отнес внутреннюю тревогу за счет подрастрепавшихся нервишек. И сидел, сохраняя виновато-дружелюбное выражение лица, пока Дракон рассказывал старый морской анекдот про русалку и водолаза.

Вошел еще один полицейский, со скромной золотой полосочкой на погонах. Что-то шепнул Ксавье, и они с Дирком обменялись многозначительными взглядами.

– Вот кстати... – сказал Дирк так, словно удачно, к месту, вспомнил о совершеннейшем пустяке. – Господин Мазур, не угодно ли вам будет взглянуть на одну особу и поведать нам, знаете вы ее или нет?

Мазур пожал плечами, вопросительно глядя на Дракона, что в данной ситуации было как нельзя более уместно, проштрафившемуся молодому повесе надолго предстояло жить с оглядкой на сурового кэпа...

После некоторого раздумья Дракон невозмутимо спросил:

– А с чем это связано?

– С сущими пустяками, – улыбнулся Дирк. – Так я могу надеяться?

– Почему бы и нет? – сказал Дракон. – Мы – люди законопослушные... Готовы оказать любое содействие.

Дирк коснулся кнопки на столе. Тут же распахнулась дверь, и перед глазами Мазура предстала мисс Дженни Хатчинс собственной персоной – понурая и очень несчастная на вид, в компании двух державших ее за локти полицейских, чьи погоны были лишены всяких золотых, а также серебряных излишеств. Мало того, запястья преподавательницы колледжа были украшены новенькими наручниками.

Дирк равнодушным тоном произнес:

– Буду вам очень признателен, господин Мазур, если вы очень внимательно присмотритесь к этой даме и скажете нам, не могли ли с ней где-то встречаться...

Его напарник торчал где-то сбоку, и Мазур его не видел. Сохраняя на лице полнейшее спокойствие, он долго смотрел на девушку, пытаясь определить по ее физиономии, что она успела тут наболтать и каких подвохов следует опасаться. Ничего не вышло, конечно: судя по ее убитому виду, она пребывала в том самом устойчивом состоянии тоскливой отрешенности, в каком сам Мазур пробыл сутки с гаком...

– Достаточно? – тихо спросил Дирк.

Мазур кивнул. По сигналу Дирка полицейские моментально вывели блондинку из комнаты и тщательно прикрыли за собой дверь.

– Итак?

– По-моему, в жизни ее не видел, – сказал Мазур.

– Вы хорошо подумали? Ошибиться не можете?

– Никоим образом, – сказал Мазур. – В жизни ее не видел, иначе обязательно запомнил бы – симпатичная девочка...

– Да, конечно... – Дирк понимающе покивал и сказал задушевно: – А вот она уверяет, будто с вами встречалась...

– Где это, интересно? И кто она вообще такая?

Дирк вздохнул:

– Загадочная история, прямо скажем. И во многом непонятная... К своему прискорбию, не могу умолчать, что наше государство еще не свободно от преступников. Мисс Хатчинс угораздило не просто связаться с довольно неприглядной компанией, но и принимать активное участие в делишках контрабандистов наркотиков...

– Помилуйте, но я-то здесь при чем? – пожал плечами Мазур с оскорбленным видом.

– Действительно, он-то здесь при чем? – сварливо, как и подобало не обремененному знанием дипломатических тонкостей пожилому морскому волку, рявкнул Дракон. – Ваши намеки...

– Простите, капитан! – удрученно воскликнул Дирк. – Вы, должно быть, неверно поняли... Никто и не утверждает, будто господин Мазур имеет хотя бы отдаленное отношение к контрабанде наркотиков, вообще к чему-то противозаконному... Я же говорил, что история эта – загадочная и непонятная. По уверениям мисс Хатчинс, она в результате схватки, имевшей место меж двумя группами контрабандистов, оказалась пленницей победившей стороны – известного нам с самой плохой стороны Джейка Пибоди по кличке Везунчик. Подробности этих баталий вам вряд ли интересны... Но вот показания мисс Хатчинс могут вас и заинтересовать. Она уверяет, будто судно Везунчика подобрало позавчера на берегу, километрах в пятидесяти от Виктории, лежавшего без сознания молодого человека, оказавшегося позже польским водолазом с советского судна «Академик Келдыш». Поначалу его использовали для подъема груза наркотиков с глубины, но немного позже этот молодой человек, проявив завидное умение, перебил всех трех контрабандистов, выбросил трупы за борт и привел корабль к берегу, где велел мисс Хатчинс убираться на все четыре стороны... Что происходило дальше, она не знает, как легко догадаться, предпочла последовать совету, но угодила к нам, собравшим на эту девицу достаточное количество материала...

– Я все еще не возьму в толк, при чем тут я, – сказал Мазур.

– Понимаете, – мягко сказал Дирк, – она-то уверяет, будто этим шустрым молодым человеком как раз и были вы... Это, – он не глядя указал на зеркало, – и не зеркало вовсе, это стекло с односторонней прозрачностью, уж простите, но мы хотели, чтобы она на вас посмотрела без вашего ведома... Она вас узнала. Разве что на судне вы были без очков...

– Вздор какой-то, – пожал плечами Мазур. – Не был я ни на каком судне, тем более с контрабандистами...

– Я же уточнил: никто вас не обвиняет, что вы были с ними. Из ее

рассказа следует, что вы попали туда случайно... И, надо полагать, при первой возможности постарались вырваться оттуда. Вполне понятное желание для законопослушного человека, господин Мазур. Более того, никто, а уж полиция и власти в особенности, не собирается ставить вам в вину смерть тех троих – на всех на них имеются толстенные досье, от тюрьмы их спасал лишь недостаток прямых улик. При тех условиях, в которых вы оказались, законная самооборона не вызывает иных толкований, кроме одобрения. Это были убийцы, головорезы, прекрасно известные полиции четырех государств, включая нашу республику...

– Вздор, – повторил Мазур. – Она ошиблась. Или наговаривает на меня умышленно, уж не знаю почему. Вы подумайте сами: я ученый, ихтиолог, даже в армии не служил. Как мне удалось бы разделаться в одиночку с этими вашими матерыми головорезами?

– Это, конечно, аргумент, – задумчиво произнес Дирк.

Ксавье молчал, словно его вообще не было в кабинете. Мазура так и подмывало на него оглянуться, но, разумеется, делать этого не следовало.

– Вот только... – сказал Дирк. – Вся эта история полностью совпадает по времени с тем периодом, когда вы отсутствовали на судне. Повторяю, она уверенно вас опознала. Мы связывались по радио с кораблем «Академик Келдыш», там уверяют, что среди водолазов у них не было никакого поляка, к тому же никто не дезертировал с судна...

– Бред какой-то, – сказал Мазур. – Я уж тем более не водолаз...

– Знаете, что меня больше всего удивляет? – спросил Дирк, на первый взгляд – олицетворение откровенности. – Почему вы так упорно все отрицаете? Понятно, если бы вас пытались уличить в неблаговидном, противозаконном деянии... Но, могу вас заверить, полиция и правительство республики будут вам только благодарны за избавление нашего острова от трех опаснейших типов, убийц, контрабандистов и торговцев отравой... К чему отказываться от поступка, который можно однозначно расценить как законную самооборону либо даже исполнение гражданского долга?

– Я – человек скромный, – сказал Мазур. – Мне чужие лавры не нужны. Все это смахивает на приключенческий роман... а я, знаете ли, человек прозаический. Изучаю миграции промысловой рыбы в океане. Даже забыл, когда дрался в последний раз, не говоря уж о том, чтобы каким-то волшебным образом уничтожить трех бандитов... Меня там не было. Где я был, вам охотно расскажет Виктор Евгеньевич Красинский, здешний представитель пароходства...

– Мы уже беседовали с господином Красинским. Он нам подробно и

красочно рассказал о вашей затянувшейся вечеринке...

– У вас что, есть основания думать, будто кто-то из наших парней брешет? – вмешался Дракон.

– Я этого не говорил, капитан, что вы, – вежливо сказал Дирк.

– Ну тогда в чем же дело? Что вы прицепились к моему парню? Он, конечно, получил должную выволочку за то, что два дня пьянствовал на берегу, никого не предупредив... но это наше внутреннее дело. Насколько я знаю, у вас тут нет законов, запрещающих добрую пьянку или ограничивающих таковую во времени...

– Вы совершенно правы, капитан.

– Нет, в чем тогда проблема, субинтендант? Или вы, быть может, внесете ясность, комиссар? – Дракон резко развернулся к сидевшему в уголке Ксавье. – Какая-то не внушающая доверия особа, связанная то ли с бандитами, то ли с торгашами наркотой, то ли со всеми вместе, уверяет, будто видела его на борту пиратского судна, словно сошедшего со страниц старых романов...

– Вы зря иронизируете, капитан, – вежливо прервал Ксавье. – Вам должно быть прекрасно известно, что в морях еще встречаются самые настоящие пираты и самые настоящие контрабандисты. Хотите посмотреть досье этой троицы?

– Вы меня в сторону не уводите, – фыркнул Дракон. – Какая-то не внушающая доверия стервочка тычет пальцем в моего парня – и вы моментально шьете ему бог весть что...

– Господин капитан! – легонько, самую чуточку возмутился комиссар Ксавье, образец выдержки и вежливости. – Вы неверно оцениваете ситуацию. Никто, как вы выражаетесь, не «шьет» чего бы то ни было противозаконного господину Мазуру. Никто ни в чем его не обвиняет. Никто не возбуждает против него дела. Просто-напросто мы обязаны были проверить показания арестованной...

– Ну и как, проверили? – ухмыльнулся Дракон, источая яд не хуже хвостостола. – Есть к нему еще какие-нибудь вопросы?

– О, что вы! – пожал плечами субинтендант. – Мы полностью – я прав, Ксавье? – удовлетворены ответами господина Мазура. Как вы, должно быть, заметили, мы даже не фиксировали нашу дружескую беседу в официальных бумагах. Никаких претензий, успокойтесь! Неверно было бы видеть в нашей полиции инструмент беззакония или грубой силы, господин капитан... Скорее уж полиция в данных условиях – инструмент дипломатии. Нам прекрасно известно, какое значение придает президент дружеским отношениям с Советским Союзом, нам также известна

безукоризненная репутация советских ученых и советских моряков...
Поймите, капитан, поймите, господин Мазур, служебный долг иногда требует проверять все сообщения и показания, какими бы фантазмагорическими они ни выглядели... то есть, ни являлись, конечно!
Мы еще разберемся, отчего мисс Хатчинс избрала именно этот путь, именно господина Мазира пыталась так беззастенчиво оклеветать... Еще чашечку чая?

Глава третья

Шантажистка

– Нужно было пристукнуть эту сучку... – проворчал Дракон, садясь в машину. – Там же, на корабле. Не отходя от кассы.

Мазур промолчал – как-то не тянуло спрашивать, шутка это или искреннее сожаление об упущенной возможности. Тем более, что крепко подозревал: сейчас Дракону не до шуток.

Дракон сидел за рулем маленького зеленого «остина» и не торопился включать зажигание. Интересно, почему он не прихватил шофера? У Мазура понемногу стало возникать подозрение, что грозному адмиралу просто-напросто нравилось порулить самому, проехать на машине по экзотическому городу на еще более экзотическом острове. Что ж, вполне простительная маленькая слабость: впервые за границу Дракон, как кружила среди своих молва, попал только году в шестьдесят седьмом...

– Одно непонятно, – сказал вдруг Дракон так, словно ждал ответной реплики.

И Мазур, уловив это, дисциплинированно откликнулся:

– Что именно?

– Почему они так быстро связали тебя с ее показаниями. Мало ли кто мог себя выдавать за поляка с советского судна. Нет, они отчего-то моментально к тебе приклеились... Соображения есть?

Старательно подумав, Мазур мотнул головой:

– Я не разведчик...

– Я тоже, – сказал Дракон. – Но Лаврика нет под рукой, а ведь не помешал бы...

Рядом взвизгнули тормоза. Мазур уставился в ту сторону, ощутив смесь разнообразнейших чувств, среди коих, надо признать, лирических и не имелось вовсе, зато раздражения хватало. Под самым носом у них остановился знакомый «джип», и Мадлен – на сей раз в легком синем платье, придававшем ей не в пример более женственный вид, нежели обычный полуармейский наряд репортерши – спрыгнула на горячий асфальт рядом с передней дверцей «остина». Чтобы не осталось никаких недомолвок, помахала им рукой:

– Мое почтение, капитан! Привет, Сирил! Судя по праздному виду, вы никуда не торопитесь? Очень удачно. У меня к вам серьезный разговор...

– К кому именно? – невозмутимо осведомился Дракон.

– В первую очередь к вам, капитан. Можно, я нагрюну в гости? – и, не дожидаясь особого приглашения, она бесцеремонно распахнула дверцу и уселась на заднее сиденье.

Дракон неспешно развернулся к ней, невозмутимый, как индейский вождь, даже ухмылявшийся слегка. Мазур растерянно наблюдал за причинившей ему столько неприятностей красоткой в зеркало заднего вида.

– Итак? – небрежно спросил Дракон.

– Здесь, я думаю, беседовать будет не вполне удобно, – сверкая белоснежными зубами, сообщила Мадлен. – Прямо напротив полицейского комиссариата... Я женщина законопослушная, мне будет неловко...

– Интригующее заявление, – поднял бровь Дракон. – Судя по его загадочному смыслу, вы нам собираетесь предложить нечто незаконное?

– Ну что вы, – отпарировала она. – В здешнем уголовном праве то, чем я собираюсь заняться, преступлением не считается... Да и в законодательстве других стран, более суровом, если подумать, преступлением это не значится... Все зависит от точки зрения...

– Ситуация становится все интереснее... – обронил Дракон.

– Мне тоже так представляется, – сказала Мадлен. – Вот что, я вас приглашаю к себе домой. Если вы опасаетесь, что я – шпионка и буду вас вербовать, прихватите с собой хотя бы Сирила... или позвоните на судно и скажите, куда отправились.

– Мадемуазель, я не до такой степени трус... – сказал Дракон веско. – Сирила я, конечно, прихватчу... а вот более масштабные предосторожности, думается, излишни. Показывайте дорогу. Речь, надеюсь, пойдет не о контрабанде или предложении участвовать в очередном перевороте?

– Ну что вы, – сказала Мадлен. – Я вам просто хочу предложить небольшую сделку. К взаимной выгоде сторон. Вы вправе будете отказаться... Едем?

Дракон кивнул. Она выскочила из «остина» и прямо-таки прыгнула за руль своего вездехода.

– Посматривай там... – сказал Дракон, включая зажигание. – На нее у наших ничего не оказалось, ну да шутки черта общеизвестны...

«Наверное, он знал нечто, позволявшее держаться так спокойно, – решил в конце концов Мазур. – В легкомыслии его никак нельзя упрекнуть – иначе не был бы адмиралом с двумя звездами...»

Оказалось, она обитала не в современном особнячке, как отчего-то казалось Мазуру, а в одном из тех самых старинных домов, что заполонили центр Виктории, возведенные, надо полагать, в упрямых и тщетных попытках воссоздать максимально приближенный к оригиналу кусочек

Британии. Место, правда, было хорошее – чуть ли не на берегу.

Они поднялись следом за хозяйкой на второй этаж. К некоторому удивлению Мазура, за высокой резной дверью открылась вполне современная квартирка, где никаких примет старины не обнаружилось вовсе – разве что отнести к таковым пожилую креолку, принявшую у Дракона фуражку с наработанными десятилетиями грациозной ловкостью. Она так великосветски это проделала, что Мазур на миг ощутил себя персонажем пьесы о графьях. К сожалению, сам он обходился здесь без головного убора, а потому словно бы выпал из ритуала. Мадлен провела их в обширную гостиную. Едва они успели расположиться в креслах, появилась креолка с подносом: кофейник, чашки, бутылка вина. Не выходя из роли невольного трезвенника, Мазур налил себе кофейку, а вот Дракон алкоголием не побрезговал. Пригубив вина, выжидательно уставился на хозяйку.

Та сидела напротив, опустил глаза, одергивая подол платья, словно скромная школьница. Вид у нее был самый что ни на есть смущенный, а ведь обычно такое было ей несвойственно.

– Я в сложном положении, капитан, – призналась она наконец, метнув из-под ресниц взгляд, мало сочетающийся с поведением скромной школьницы. – Никогда бы не подумала, что придется заниматься вульгарным шантажом, но я, право же, в безвыходном положении... Быть может, назовем это маленькой сделкой?

– Если бы я знал подробности, возможно, и согласился бы с вами касательно терминологии... – сказал Дракон, философски разглядывая ее загорелые коленки.

– Давайте начнем издалека? – предложила Мадлен, трепеща ресницами. – Я здесь уже три года, капитан. Говорят, я хорошая журналистка. А хороший журналист чем-то сродни шпиону: у него непременно должна быть куча связей в самых разных учреждениях, конторах, кругах, социальных слоях, масса информаторов, умение моментально подхватывать на лету не только новости, но и слухи, сплетни, пересуды...

– Вам виднее, – терпеливо сказал Дракон.

– К счастью, моя задача облегчается тем, что этот город и этот остров гигантизмом отнюдь не страдают. Кое в чем здешние места не отличаются от захолустной бретонской деревушки, где новости разносятся моментально, а самые пустяковые происшествия делаются всеобщим достоянием едва ли не телепатическим путем. Я в первую очередь упомянула о Бретани, потому что родом оттуда... Но в деревнях по всему

миру, думается, обстоит именно так...

– Уж это точно, – сказал Дракон. – И в России тоже.

– Вот видите. Это, по-моему, облегчает пути к пониманию... Далее. Никогда не известно в данном конкретном случае, какие связи окажутся необходимы: с министром или с его швейцаром... То, о чем я вам хочу рассказать, стало мне известно как раз из кругов, которые в старину именовали лакейскими... но ценность информации от этого не потеряла в весе, наоборот... Короче, не буду вас интриговать до бесконечности. Неподалеку от столицы раскинулись плантации молодой особы по имени Эжени Вальдо – богатой, влиятельной и крайне эксцентричной. Люди, которым можно доверять, любезно сообщили мне, что буквально двое суток назад она по обычной привычке попыталась насильно удержать у себя некоего молодого человека. Но он оказался весьма даже хватким и очень быстро сбежал. Знаете, что тут самое интересное? Информаторы утверждают, что он именовал себя подданным Советского Союза, а внешностью крайне напоминал одного нашего общего знакомого, – она бросила лукавый взгляд на Мазура. – Вскоре, как некоторым уже известно, произошел крайне загадочный инцидент с суденышком известного авантюриста Джейка Везунчика, после чего обнаружили три трупа. В том числе и Джейка, который, выяснилось, выбрал себе прозвище несколько опрометчиво... Кое-кто опять-таки связывает события с нашим общим знакомым...

– Дальше, – спокойно произнес Дракон.

Со своего места Мазур прекрасно видел его лицо – старый волк пока что не казался встревоженным, он попросту играл в поддавки, бросая реплики, которых от него и ждали.

– Дальше? А стоит ли? Вы, наверное, прекрасно понимаете, что из всей этой истории с красоткой-плантаторшей, насильно увлекающей в особняк любовников, смертью трех наркоторговцев и арестом девчонки из конкурирующей банды можно сделать прекрасный репортаж? А то и серию репортажей. В особенности если некий беззастенчивый ловец сенсаций будет связывать эту историю с членом экипажа советского судна...

– А смысл? – обаятельно улыбаясь, поинтересовался Дракон. – Какой тут смысл для журналиста, занимающегося только и исключительно журналистикой? Особых денег и славы не дождешься. Правда?

– Сознаюсь, правда... – сказала Мадлен. – Но некоторый жизненный опыт мне подсказывает, что в подобных ситуациях советские должностные лица без всякого восторга относятся к скандалам в прессе. Как это у вас говорится – нет дыма без пламени? Дома у вас могут быть определенные

неприятности – за то, что дали повод продажной и реакционной западной прессе поднять вой вокруг вашего судна...

– Возможно, – сказал Дракон. – А что за маленькую сделку вы имели в виду?

– Совершенно пустяковую... Видите ли, так уж случилось, что я стала единственным обладателем некоторых секретов. И могу вас заверить, что в другие руки эти секреты уже не попадут, я приняла надежные меры... Вы можете не поверить моему честному слову, но я готова поклясться чем угодно, что моментально обо всем забуду навсегда, если вы мне окажете пустяковую услугу. Вам несложно будет ее оказать...

– Конкретнее?

Мадлен помолчала, нервно теребя подол платья. Вздохнула:

– Я пару дней назад утопила акваланг. Возле атолла Кирари. Вы ведь знаете, где это?

– Конечно.

– Всего-то сорок километров от Баэ... Я небогатая женщина, капитан. С деньгами у меня сейчас туго, совершенно не на что нанять лодку до атолла, проводника, ныряльщика... Акваланг новенький и недешевый. У меня мало опыта, захотелось поспинать под водой, и вдруг что-то с ним случилось, хорошо еще, на малой глубине, метра три... Я его сбросила, наглоталась воды, не сразу вынырнула... Точно помню, где он должен лежать, там были очень приметные ориентиры. У вас, на научном судне, есть люди, умеющие обращаться с аквалангом, опытные ныряльщики, я точно знаю, мне сказали в департаменте природных ресурсов... Собственно, это все, что я от вас прошу в обмен на вечную лояльность и вечное молчание. Дайте катер с людьми и помогите извлечь мой аппарат... Сущие пустяки.

– Вообще-то да, – протянул Дракон почти сразу же. – Правда, этот атолл – здешний заповедник, доступ практически закрыт...

– У вас есть разрешение на исследовательские работы в том районе. Я узнавала.

– В департаменте природных ресурсов?

– Конечно, где же еще? В этой информации нет ничего секретного. Кирари – один из районов, где вы будете работать... Разве я много прошу?

– Как знать... – сказал Дракон. – Здесь, мадемуазель, есть один любопытный нюанс. Верно, у нас есть разрешение. А вот у вас его нет, не было и не могло быть. Это заповедник. Туда пропускают исключительно научные экспедиции. Одиночкам, неважно, репортеры они или нет, одиночкам, не представляющим какой-то научной организации, там

появляться запрещено. За чем следит соответствующий отдел в том же департаменте. Плюс полиция. Отсюда прямо-таки автоматически вытекает, очаровательная, что вы находились там незаконно. И просите у меня помощи не столько из-за полного отсутствия денег, сколько из-за того, надо полагать, что тот, кто вас туда возил, примитивно испугался. И отказался от дальнейшего сотрудничества. А если учесть, что с аквалангом вы плохо умеете обращаться, это добавило ему сомнений... Ну, я не прав?

– Правы, – сказала Мадлен с вымученной улыбкой. – Вы – старый морской волк, а я – неопытная женщина, где мне с вами тягаться в хитроумии... Хорошо, признаюсь, я туда проникла совершенно незаконно. Но что это меняет? У вас ведь есть разрешение, вам никто слова не скажет. Вы просто-напросто заявите... скажем, что ваш катер проводит рекогносцировку глубин перед тем, как прийти туда судну... Или что-нибудь в этом роде.

– Да? – усмехнулся Дракон. – А если вы, мадемуазель, вульгарно притопили там наркотики? Или какую-то другую контрабанду? И катер с моими людьми будет задержан полицией? Мне отчего-то представляется, что в этом случае газетная шумиха будет еще более оглушительной и неприятностей ждет меня дома не в пример больше...

– Вы мне не доверяете?

– А почему я должен вам доверять? – усмехнулся Дракон. – Вы – кошка, которая гуляет сама по себе. Ваши хлопоты – это только ваши хлопоты. А я всецело отвечаю за судно и людей. Я один. Наше подданство тут ни при чем – любому капитану, который влипнет в какую-нибудь криминальную историю в запретной зоне, долгие и стабильные неприятности гарантированы. И здесь, и дома. Полагаете, француз на моем месте из исконной галльской галантности согласился бы вам помочь? Позвольте в это не поверить. Капитаны – народ осторожный, с горьким опытом и хорошим знанием законов. А также опасностей, коими чревато нарушение законов.

– Значит, вы отказываетесь?

– Ну зачем же так сразу... – усмехнулся Дракон. – Если вы мне откровенно расскажете, зачем вас туда понесло, мы, быть может, и придем к соглашению...

Мадлен замялась. Вскинула на него глаза в нешуточной тревоге:

– Капитан, я очень рискую, полностью доверяюсь...

– А вы попробуйте. В конце-то концов, не я к вам пристал, а вы ко мне пришли...

– Ну хорошо, – кивнула она после короткого раздумья, словно кидаясь

вниз головой в холодную воду. – Есть обстоятельства, которые позволяют именно к вам отнестись с доверием. Из-за того, что вы – из СССР. Есть своя специфика. Кое-чего вам без моей помощи ни за что не добиться... Капитан, вы не хотите разбогатеть?

– Ну...

– Я немного знаю вашу нынешнюю действительность, – сказала Мадлен медленно. – От вас уже не требуют обязательной бедности... Быть зажиточным не стыдно и не противоречит партийным установкам, а?

– Смотря каков источник зажиточности...

– Капитан... Там, где-то возле атолла, – затонувший корабль. А на корабле должно быть золото.

У Мазура самым буквальным образом в зобу дыхание сперло. Он оторопело уставился на Дракона, а тот невозмутимо ухмыльнулся:

– Мадлен, такие истории хороши для подростков. Особенно если учесть, сколько здесь кружит сказок и баек о пиратских кладах... Мне вы почему-то представлялись более серьезной.

Это была, Мазур оценил, великолепно разыгранная подначка, и Мадлен купилась моментально. Она вскочила с сердитым личиком:

– Сказки и байки? Подождите минуточку! – и прямо-таки выскочила в соседнюю комнату.

Они даже не успели переглянуться – буквально через несколько секунд Мадлен ворвалась, как вихрь, держа перед собой увесистый большой предмет. Прямо-таки плюхнула его Дракону на колени, саркастически ухмыльнулась:

– Не угодно ли полюбопытствовать?

Это был старинный корабельный секстан, бронзовый, плохо отчищенный, весь покрытый ядовито-зелеными разводами и пятнами, громоздкий и весь какой-то корявый. Повинуясь жесту Дракона, Мазур заглянул ему через плечо.

И окончательно лишился дыхания, узрев глубоко вырезанную надпись.
КОРАБЛЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА «АГАМЕМНОН».

Надпись в давние времена была выгравирована неимоверно старательно, с завитушками, кудрявыми росчерками и прочими красотами. Она, конечно, пострадала от времени и соленой воды, но читалась легко.

– Ну, как? – звенящим от напряжения голосом спросила Мадлен и встряхнула на ладони желтые кружочки. – А вот это как вы оцените? Это английские золотые монеты, мне их хорошо отчистил... один человек. А самое главное, мы раскопали в «Британнике» упоминание об

«Агамемноне». Посылали даже запрос в библиотеку Британского музея. О корабле с таким именем почти не упоминается, его забыли... но в сносках мельком сказано: не исключено, что на его борту находились взятые в Индии трофеи. Золото, драгоценности...

Мазур взял протянутую Драконом монету – сразу видно, ее отчищали не историки, чуть ли не наждаком драили без малейшего почтения к археологической находке. У любого приличного историка инфаркт случился бы при виде такого кощунства, а нумизмат мог бы и в ухо заехать. Ну, ситуация...

– Я собственными глазами видела пушку, – сказала Мадлен. Щеки у нее покраснелись, голос звенел и ломался от волнения. – И еще какие-то непонятные предметы. Распознать их не удалось – заросли водорослями, известковой корочкой покрылись... Пушка и все прочее – на малой глубине, метров десять. Я там все облазила... если можно так выразиться. Чуть дальше дно понижается. Если корабль не разбит в щепки, он лежит метрах на двадцати. Эту штуку, – она показала на секстан, – и монеты мне удалось поднять, а пушку, как легко догадаться, я не смогла бы... Да и к чему она мне? Я только посмотрела, не запечатано ли дуло – говорят, пираты прятали сокровища в стволах и потом их чем-то там замуровывали. Впрочем, «Агамемнон» был военным кораблем, ему вряд ли такое пристало. Вот теперь вы все знаете, капитан. Только предупреждаю сразу: если вы попытаетесь поднять сокровища без меня, обязательно найду способ вас вывести на чистую воду...

– Ну, а если там нет никаких сокровищ? – пожал плечами Дракон. – Парочка золотых монет еще ни о чем не говорит...

– В документах Британского музея четко сказано: «не исключено».

– Слабоватый аргумент...

– Есть еще фрагмент из записок Жака де Воклера. Был такой корсар в здешних местах... Он прямо пишет, что до его ушей донеслось известие о погруженных на борт «Агамемнона» в Калькутте несметных сокровищах, и все «джентльмены удачи» вышли в море, чтобы попытаться перехватить фрегат. Правда, не упоминается, чтобы кому-то повезло... Однако нет и сведений о том, что «Агамемнон» добрался до Англии. Книга де Воклера много раз переиздавалась, даже в здешней библиотеке она есть.

– Это лишь доказывает, что байкам о сокровищах верили во все времена. Даже серьезные люди.

– Черт побери! – в сердцах сказала Мадлен. – Вы удивительно приземленный человек, капитан!

– Это оттого, что я уже в годах, – сказал Дракон. – В пиратские

сокровища я верил лет до пятнадцати...

– Но они же существуют! По крайней мере, часть из них. Время от времени их находят. Вы не слышали, как всего два года назад в Карибском море подняли сокровища с «Изабеллы»? Шестьдесят миллионов долларов!

– Повезло кому-то...

– А я о чем? – вскрикнула Мадлен. – Давайте рискнем! Что вам стоит попробовать? Среди тех, кто у вас обучен обращаться с аквалангом, наверняка найдется толковый человек, для которого жизнь не заключается в одной коммунистической идее... Человек, который хочет стать богатым. День-два скрупулезных поисков... Пусть не шестьдесят миллионов, пусть два-три, четыре-пять... Вы в жизни не держали в руках таких денег!

– Хорошо, – сказал Дракон. – Допустим... только допустим, ваши аргументы производят впечатление. Допустим также, мы что-то найдем. Вот только каким чудом мы станем законными обладателями астрономических сумм?

– Это же просто. Согласно местным законам, нашедшему клад на дне моря и объявившему об этом властям принадлежит шестьдесят процентов. Любой шустрый адвокат за процент от таких сумм разобьется в лепешку, чтобы закрепить за вами законные права.

– Одна загвоздка... – мягко произнес Дракон. – Я, знаете ли, тоже перелистывал сборник местных законов – по долгу службы. И вот что любопытно: это правило распространяется лишь на клады, добытые в международных водах. Окрестности атолла к таковым ну никак не относятся... Это – территориальные воды. К тому же – заповедник. Не получим мы ни гроша.

– Капитан... – вздохнула она удрученно. – Где ваша сообразительность? Кто вас заставляет упоминать такие тонкости? Мы преспокойно можем заявить, что клад был поднят со дна в международных водах, о чем по всем правилам сделана соответствующая запись в судовом журнале. Если посвящен в тайну будет узкий круг людей, у нас есть все шансы... Мы подняли ценности в международных водах. И отдались под юрисдикцию Ахатинской республики, власти каковой вряд ли захотят отказываться от своей доли, а потому охотно пойдут навстречу в преодолении некоторых юридических тонкостей.

– Все это заманчиво звучит... – сказал Дракон. – Но меня не покидает впечатление, что вы знаете больше, чем говорите. Очень уж уверены в золоте «Агамемнона». У вас не только записки корсара под рукой, а нечто более весомое... А?

– Ну да, – сказала Мадлен с обезоруживающей прямоотой. – Я же

сказала – есть еще один человек... Он достал гораздо более весомые свидетельства... Там, где он их достал, их больше нет. Капитан, на дне лежат сокровища. Они там есть. «Агамемнон» вез огромные ценности. И затонул неподалеку от Кирари.

– Что же этот человек вам не помог в воде?

– Он и плавать-то не умеет, не говоря уж о том, чтобы погружаться с аквалангом, – грустно вздохнула Мадлен. – Иначе я не искала бы надежных компаньонов...

– Где он?

– Здесь, в Виктории. – Мадлен посмотрела ему в глаза. – Но не считаете же вы меня полной дурой? Он будет присматривать со стороны, чтобы со мной ничего не случилось. Чтобы, скажем, при поездке на атолл я не вывалилась за борт и не попала на завтрак кстати подвернувшейся акуле... Или не утонула в собственной ванне.

– Вы считаете, я способен? – криво усмехнулся Дракон.

– Золото вредно действует на мозги, – отрезала Мадлен. – Кто вас знает... Всегда должна быть подстраховка. Итак, капитан? Но я вас предупреждаю вторично: не пытайтесь вести поиски без меня. Если захотите нас надуть, мы непременно найдем способ навести на вас власти. Нам не достанется ни гроша, но и вы, вздумай вы обмануть, ничегошеньки не получите...

– Почему я должен вам доверять?

– Ну, мы в равном положении, – улыбнулась Мадлен. – Я вам тоже не доверяю до конца... Итак?

– Вы, должно быть, удивитесь, но я не намерен думать долго, – сказал Дракон. – Риск, прямо скажем, небольшой, а вот возможность разбогатеть законным образом – велика... Я согласен. Думаю, мой юный друг – тоже. Он, кстати, и есть водолаз, так что для вас, Мадлен... для всех нас все удачно сложилось. Вот только есть нюанс... Как вы смотрите на то, чтобы находиться на корабле до обретения каких-то конкретных результатов? Мне так будет гораздо спокойнее. Для окружающих мы найдем благовидный предлог: капитан благородно позволил известной журналистке сделать репортаж о работе его судна...

– Я согласна, – сказала Мадлен. – Только помните, второй человек и в самом деле существует. Так что давайте обойдемся без случайных падений за борт...

«Господи, ты и дура! – мысленно охнул Мазур. – Ты представления не имеешь, с кем связалась, кто мы на самом деле. Будь у тебя на берегу хоть десять подстраховщиков, Дракон найдет способ при необходимости

отделаться от дюжины таких, как ты, и ищите потом в Союзе „капитанов“ и „мирных ученых“...»

– Сирил, почему вы молчите? – спросила Мадлен. – У вас лицо отрешенное.

– Я полностью согласен со своим капитаном, – криво усмехнувшись, ответил Мазур. – Коли он все решил, не стоит лезть со своими уточнениями. Считайте меня в доле...

Глава четвертая

Корпускулярный магнетизм

...Позже, на обратном пути, в машине, адмирал вовсе не казался погруженным в тягостные раздумья, даже озабоченным не выглядел. Украдкой косившемся на него Мазуру это поначалу представлялось чем-то неестественным, но потом он припомнил кое-какие старые истины о войне, промелькнувшие как в мемуарах маршалов, так и работах психологов. Пугает и заставляет нервничать только неизвестная опасность, а угроза, ставшая известной во всех деталях, даже порой радует, каким бы диким это ни казалось людям непосвященным...

– Что набылся с угрюмым видом? – спросил Дракон, не отрывая взгляда от улицы, где аборигены с милой непринужденностью расхаживали по мостовой и в одиночку и кучками. – Жалко стало очаровательную репортершу? Да ты не мнись, дело житейское... Только я ведь не чудовище, гардемарин, я только по прозвищу страшный, а в жизни душа у меня нежная, как цветок... Ладно, всерьез говорю, не кисни. Никто ей не будет в кофий крысиного яда подсыпать. Не потому, что мы гуманисты, а оттого, что смысла нет. Лишний жмурик – это всегда лишние хлопоты. К чему такие крайности, если всегда можно оформить классическое обязательство о сотрудничестве с присвоением рабочего псевдонима? Стукни кто властям, ее за подобные фортели с принадлежащими республике ценностями упрячут надо-олго, не посмотрят, что из прекрасной Франции. Имея такой крючок, ее любой салага по счету «три» вербанет, не говоря уж о Лаврике, который хотя и склизок, и карьерист отменный, но дело знает туго. Усек, старлей? Ты на нее запал или все же мечтаешь абордаж учинить адмиральской дочке? Или все вместе?

– Да ничего я на нее не запал, – осторожно сказал Мазур. – Просто...

– Просто у тебя было мало баб, старлей, – сделал Дракон вывод. – В твоём возрасте каждую поиметую бабу и бросать-то жалко, не говоря уж о том, чтобы оформить темной ночью нечаянное падение за борт... Ничего, это с возрастом проходит. Ты лучше о себе подумай. Самое время.

– Простите?

– Я тебя перед берегом отмазал, – сказал Дракон серьезно и тихо. – Не ради твоих красивых глаз и накачанных мускулов, а потому, что верю: все происходило с тобой именно так, как ты и описал. Жизнь частенько случается похожей на самый затейливый приключенческий роман. Бывали

в реальности приключения и похлестче, рассказал бы, да нельзя... Так вот, товарищ Мазур. То, что тебя более-менее отмазали и отстояли, – еще полдела. Нужно сделать так, чтобы не потянулся за тобой хвост. А то ведь широко известна старая народная мудрость: то ли он бушлат украл, то ли у него сперли, но слух прошел. В особенности если учесть, что берег до сих пор под впечатлением прошлогоднего ЧП...

Он многозначительно замолчал. Мазур его прекрасно понял. Об этом в военно-морском флоте не только не вспоминали вслух, но и старались не думать вовсе – о том, как в прошлом году капитан третьего ранга Саблин пытался угнать БПК^[3] в Швецию, о разразившейся после того над Балтфлотом невидимой и неслышной гражданскому миру грозе...

– Самое страшное – попасть в поганую колею, – продолжал Дракон тем же тоном. – Понесет по ней – вовек не выберешься. В числе прочего, выбираться из этой колеи лучше всего стахановскими трудами и героическими усилиями. Старший лейтенант Мазур, в одиночку действуя в экстремальнейших обстоятельствах, проявил при этом... Понимаешь? Под воду у атолла завтра пойдешь в одиночку... или, в крайнем случае, с единственным страховщиком. Хотя глаза у нашей француженки и застланы золотым миражом, ей все же может показаться странным, что алчный русский капитан, сиречь я, что-то уж подозрительно быстро вовлек в поиски клада кучу народу... Она ведь отнюдь не дура. И главное – не дать ей заподозрить, что мы – контора. Не мирные гражданлячки, а серьезная государственная контора. Иначе в переполохе натворит дел с непредсказуемыми последствиями... Короче, пойдете завтра к атоллу в минимальном количестве. Кучка особо преданных капитану прохвостов. То, что ты с ней переспал, это хорошо. Тем самым в ее глазах малость подразнушил стандартный образ советского туриста за рубежом, который, как в той комедии, от шлюх шарахается, поскольку обладает обликом морале...

Мазур рискнул поинтересоваться:

– Как вы думаете, она не врала насчет подстраховки? Насчет своего компаньона?

– А черт ее знает, – серьезно сказал адмирал. – Даже если и врала, обязательно постарается как-то подстраховаться, письмо оставит в банковском сейфе или что-то в этом роде... Поэтому вести себя надо так, словно мы заранее знаем, что подстраховка есть. Я тебя прямо-таки прошу – ты уж выложись...

...Этот разговор и сейчас навязчиво прокручивался какой-то, свободной от работы с окружающими впечатлениями, частичкой сознания, пока он плыл метрах в десяти над дном, размеренно шевеля ластами. Тихо пощелкивали клапаны, время от времени, как и полагалось по правилам, Мазур выполнял «штопор», оборот вокруг оси, чтобы следить и за обстановкой вокруг, и не терять из виду подстраховывавшего его Морского Змея, – тот двигался левее и выше по правилам боевой «двойки».

Обстановка, правда, сюрпризами не баловала – дно и рыбы стаи, рыбы и дно, крупные и мелкие камни, торчащие из песка, заросшие кораллами, покрытые всевозможной мелкой живностью вроде ракушек и иглокожих, час за часом, час за часом... что там Киплинг писал об Африке, весьма даже талантливо, даром что трубадур империализма? День-ночь-день-ночь мы идем по Африке... Разница только в том, что здесь нет и не может быть пыли от шагающих сапог, здесь никто не шагает, но в главном – удивительно схоже. Монотонный и однообразный подводный поиск ничем не отличается от долгого, утомительного марша по пыльной пустыне или разгрузки вагонов...

Они давно уже отыскивали акваланг Мадлен. Без всякого труда – ориентиры она запомнила хорошо – нашли корабельную пушку с хорошо сохранившимися выпуклыми буквами близ запального отверстия: «Шеффилд, 1768» и еще какой-то неразличимой эмблемой, быть может, знаком тогдашнего ОТК. Но на этом успехи и кончились, своих открытий пока что сделать не удалось...

Мазур свернул на норд-норд-ост, ближе к осту – в сторону атолла. Несмотря на близость берега, дно не поднималось, а, наоборот, опускалось, и он ушел ниже, в сине-зеленый сумрак, к полукруглой гряде скал, усеянной черными дырами – входами в небольшие пещеры. Машинально коснулся рукоятки ножа – вспомнил о мурене. Жаль, что не разрешили взять что-то посерьезнее. На судне, в той его части, о наличии которой посторонние если и подозревали, то не знали ничего конкретного о ее тайнах, хранилось и подводное оружие, и кое-что еще, но им не позволили вооружиться новейшими, секретными стволами, аналогов которых у «вероятного противника» пока что не имелось. По большому счету, это наверняка было правильно: мало ли что может произойти с катером и его четырьмя пассажирами, но все равно с автоматом чувствовал бы себя увереннее. При воспоминании о молниеносной атаке мурены до сих пор

было не по себе...

Двумя сильными гребками ушел еще глубже. Двадцать шесть метров, холодный сине-зеленый сумрак, зеленые водоросли кажутся темно-бурыми, словно бы обожженными морозом, подводная «долина» тянется в необозримость, сливаясь впереди с потемневшей водой, а справа, можно рассмотреть, дно полого уходит на батталь, в бездну, иногда кажется, что в той стороне лениво клубятся тяжелые завихрения мрака...

Мазур перестал шевелить ногами. Гребком правой переместился правее и ниже. Темный силуэт Морского Змея повторил его маневр. Они сблизились в сумраке, и Мазур показал вниз.

То, что виднелось метрах в пяти под ними, привлекало взгляд очень уж четкими для каких-то природных форм контурами. Нечто вроде старинного стрельчатого окна, готической арки, только не вертикальной, а лежавшей на дне, едва заметно возвышавшейся над слоем песка и покрытых ковром из ракушек и полипов угловатых камней.

У Мазура екнуло сердце. Это откровенно смотрелось... носовой частью корабля с обломком бушприта.

Унимая азарт, он медленно спустился к тому месту, где сходились дуги. Встал на песок, легонько колыша руками ради сохранения равновесия, но тут же распластался параллельно дну, достал нож.

Принялся осторожно, чтобы не поднять лишней мути, разгребать песок в стороны. Помогал себе левой рукой... И вдруг рука провалилась вниз, встретила нечто твердое, а через секунду миновала и эту преграду. Мазур торопливо ее дернул, зацепившись глубиномером за что-то мало напоминавшее сыпучий песок, но, впрочем, тут же освободил запястье. Прямо меж его расставленными руками песок повел себя странно – в нем образовалась устойчивая вороночка, над ней легонько взвихрилась муть. Воронка все не пропадала – песок, такое впечатление, толстой струйкой стекал вниз, будто там образовалась дырка...

Недолго думая, Мазур осторожненько лег на живот, словно полз по тонкому льду, просунул в воронку руку с ножом, на ощупь шаря острием...

И, ощутив опасность звериным чутьем, рванул вверх на миг раньше, чем под ним просел песок.

Стал кружить над этим местом. Края воронки расширялись, расширялись... в конце концов туда ссыпался весь оказавшийся над проломом песок, и появилась черная дыра неправильной, продолговатой формы. Посветив туда сильным фонарем, Мазур увидел далеко внизу угловатые и округлые предметы, покрытые той же бугристой коркой из ракушек, полипов и чего-то вроде лишайника.

Теперь можно было не пороть горячку и оценить находку, как и следовало. Излишний оптимизм и оптические иллюзии тут ни при чем: пожалуй, пора констатировать, что он не с природным феноменом столкнулся, а проломил тяжестью тела сгнившую палубу давным-давно затонувшего корабля...

Он многозначительно показал вниз большим пальцем. Морской Змей кивнул и похлопал его по плечу, изобразив обеими руками нечто вроде триумфального жеста.

«Агамемнон» это или нет, но перед ними – корабль. Ушедший на дно чертовски давно. Черт, нечаянно в рифму получилось... На дно – чертовски давно...

Тщательно прикинув последовательность действий, Мазур перевернулся ногами вниз, опустился на песок, сильно стукнув пятками в ощущавшуюся преграду, – и тут же рванул вверх так, словно его цапнул за ногу агрессивный морской житель. Конечно, никто его не кусал, этот маневр был проделан предосторожности ради, чтобы не провалиться в неведомые закоулки трюма...

Дыра расширилась. Песок долго взмывал облачками, кружил омутками, проваливаясь вниз. Кружа над дырой, они светили вниз широкими белыми лучами, выхватывая из мрака те же неизвестные предметы, похожие на бочки и ящики.

Пора было на что-то решаться. Никаких сомнений не осталось: это затонувший корабль. Надо полагать, сильные течения, вившиеся вокруг атолла, натащили сюда песку, забив им долину меж скалами и обрывом...

Обсуждать ситуацию пришлось скупыми жестами. К согласию пришли быстро. Обвязавшись тонким канатиком, Мазур нырнул вниз, в пролом. Морской Змей понемногу вытравливал конец.

Так и есть, носовой трюм. Встать на доски, смутно угадывавшиеся под темным в луче фонаря ковром, состоявшим из тех вовсе уж безмозглых морских обитателей, что предпочитают сидеть на одном месте, а не плавать туда-сюда, Мазур не рискнул, чтобы не провалиться совсем уж глубоко. Вися на привязи, как аэростат, он дотянулся клинком до ближайшего ящика, нажал.

Прогнившие доски легко расселись, словно прорвало нарыв. Однако содержимое – если только оно было – наружу не просыпалось. В два счета Мазур расширил дыру, выломав всю боковину.

Тогда только из ящика стали медленно, будто бы нехотя, вываливаться округлые темные предметы, насколько удавалось рассмотреть в луче фонаря – бесформенные, тяжелые, величиной с крупный арбуз, они грузно

плюхнулись на трюмную палубу, подняв облачка темной мути, немного изменив очертания. Больше всего это походило...

Мазур ткнул ножом ближайший. Темная поверхность очень легко уступила заточенному клинку, способному прорубать преграды и попрочнее. Точно, мешки. Ветхая ткань поддавалась любому нажатию. Из разреза хлынул поток тусклых кругляшей, Мазур подхватил их пригоршней – тяжело, металл! – ссыпал в резиновую сумку на поясе и, решив более не испытывать судьбу, дважды дернул канатик, подавая сигнал подъема. Морской Змей осторожненько вытянул его из полного мрака в синеватый сумрак.

И они двинулись назад, вверх, к катеру – со всеми предосторожностями безопасного всплытия. Конечно, сделано было даже не полдела, дай бог четверть. Следовало осмотреться и выяснить точно, разломился затонувший корабль на части или корму попросту скрыло песком совершенно, так что ее не удалось разглядеть. Следовало разбить дно вокруг корабля на квадраты и обследовать их по всем правилам. Но Дракон их специально предупреждал, чтобы не вздумали объять необъятное. Главное было – внести какую-то определенность, и точка...

А там при необходимости подтянутся главные силы, о наличии которых очаровательной Мадлен, да и кому бы то ни было другому, знать не положено.

Перевалившись через борт, Мазур даже не стал снимать акваланг – ограничился тем, что выплюнул загубник и сдернул маску. Сел, привалившись к невысокому фальшборту на корме, вытянув ноги в ластах. Побыстрее выгреб из сумки добычу. Мадлен, русалка в синем купальнике, едва не столкнулась лбами с Самариным.

Только теперь Мазур и сам сумел как следует рассмотреть трофеи. Монеты, хотя и потускневшие, были определенно чеканены из того самого металла, что не поддается коррозии, из металла, вокруг которого, собственно, и вертелась жизнь человечества столько веков... На одних четко просматривалась арабская вязь, другие покрыты то ли невиданным узором, то ли надписями на языке, который им изучать и вообще знакомиться как-то не приходилось.

– А ведь это пахнет Индией... – сказал Самарин, в плавках и неразлучном пенсне выглядевший совершенно неопасным, этаким растяпой-туристом из благополучной европейской страны. – Не хочу выносить вердикты, но напоминает индийское письмо...

– Там корабль? – замороженным шепотом спросила Мадлен, не сводя с пригоршни монет в ладонях Мазура повлажневшего взгляда.

– По крайней мере, его носовая часть точно имеется, – сказал он, устало стягивая ласты.

– И много... этого?

– Я разбил вот такой ящик, – сказал Мазур, показывая руками приблизительные размеры. – Он был набит мешочками. Вспорол я только один, но содержимое позволяет думать, что и в остальных – не черепки...

Внезапно она отстранилась, в глазах явственно полыхнул страх. Мазур ничего не понял, а Лаврик, вертя меж пальцев монету, коротко рассмеялся:

– Мадемуазель, вы напрасно всполошились. Я, конечно, понимаю, что согласно всем законам жанра именно сейчас самое время всадить вам нож под ребро и бросить акулам, но мы – некоторым образом джентльмены. Договоры блюдем свято.

– Да нет, вы не так поняли... – отвела она глаза.

– Именно так, и не спорьте... – мягко сказал Лаврик. – Вы нас, право, обидели, Мадлен... Мы как-никак моряки, а значит, должны отличаться повышенным благородством...

– Ох, если бы это правило обязывало каждого моряка... – усмехнулась она, отчаянно пытаясь создать впечатление, что не было приступа панического страха.

Мазур, устало привалившись к борту, смотрел в сторону атолла – отнюдь не крохотного, кораллового кольца шириной добрых два десятка километров. Над скалистым берегом, усеянным пещерами и трещинами, над коралловыми рифами кружили птичьи стаи, под ветерком шелестели пальмы. Ряды колючего кустарника выглядели непролазными дебрями – да и были таковыми. Совершенно дикая суша, угрюмая и негостеприимная, знаменитая лишь тем, что на ней обитало тысяч сто слоновых черепах. Да еще тем, что именно в этой лагуне шестьдесят лет назад два месяца прятался от рыщущих вокруг архипелага английских кораблей немецкий крейсер «Кенигсберг». Между прочим, отличное место для тайной базы сепаратистов...

Словно прочитав его мысли, Лаврик сказал:

– Пора бы отсюда убираться, дамы и господа. Не нравится мне это место, уж и не знаю почему... Говорят, здесь сепаратисты бывают.

– Я тоже слышала, – кивнула Мадлен. – Только вряд ли мы им покажемся достойной добычей. Хотя как знать, в виде заложников можем и пригодиться.

– Идиотизм какой-то, – проворчал Лаврик. – Острова – фуражкой можно накрыть. И непременно нужно завестись еще и сепаратистам.

– Боюсь, сепаратисты они только по названию, – сказала Мадлен. –

Чтобы не расшифровываться раньше времени. А сверхзадача, в общем, банальна: захватить власть во всей республике.

– Вряд ли я их от этого стану больше уважать, – буркнул Лаврик. – Ну, неужели накликали?

Остальные тоже уставились в ту сторону. Из-за скал показалось небольшое остроносое судно и двинулось в открытое море таким курсом, что непременно должно было пройти неподалеку от катера.

Увы, они могли лишь философски наблюдать за маневрами быстроходного суденышка – оружия на борту не было, если не считать двух водолазных ножей.

– Не паникуем, – сказал Лаврик, сощурясь. – В Индийском океане сейчас курсирует наша эскадра, идут маневры «Океан», и советских военных кораблей достаточно, чтобы производить впечатление...

– Вот если бы ваши корабли были на горизонте, а не черт знает где... – грустно возразила Мадлен. – Вам, мальчики, просто набьют морду, а меня еще и изнасиловать могут.

– Размечталась... – процедил сквозь зубы Лаврик по-русски. – Все, я пошел к штурвалу. Можем и уйти на скорости. Лишь бы палить не начали...

– Подожди, – сказал Мазур. – У них полицейский вымпел на мачте, желтый с черными полосками...

– Велико дело – вымпел смастерить, – отозвался Лаврик опять-таки на языке родных осин, но нырнуть в крохотную рубку не спешил.

Кораблик взял правее и шел прямо к катеру. Подумав, Мазур быстро освободился от ремней акваланга, а вот нож на поясе оставил. Морской Змей последовал его примеру. Предупредил тихо:

– Не порите горячку. Бить только наверняка...

– О чем вы? – подняла брови Мадлен.

– Да так, мысли вслух и по поводу... – сообщил Лаврик на понятном ей английском.

На носу кораблика грозно задрал ствол внушительный пулемет, универсальный английский Л7А1, возле него стояли трое в уже примелькавшихся синих мундирах с широкими красными погонами и красных беретах. К превеликому облегчению, Мазур рассмотрел среди них комиссара Ксавье.

Застопорив ход, кораблик остановился метрах в трех от катера. Один из полицейских посунулся было к перилам, разинул уже рот, но Ксавье мягко отстранил его, усмехнулся:

– Какая неожиданная встреча, господа... И вы здесь, мадемуазель? Вы

меня разочаровали, мы решили поначалу, что подвернулся случай исполнить служебный долг...

– Что поделать... – развел руками Мазур, на правах старого знакомого отозвавшись первым. – Ничем не можем помочь, за нас вам вряд ли дадут медали.

– Мистер Мазур... – сверкнул великолепными зубами комиссар. – Нам и за контрабандистов вряд ли дадут медали. Полицейская доля уныла и состоит главным образом из скучной возни, а не блеска наград... Рыбачить выбрались?

– Да нет, – сказал Мазур. – Рекогносцировка перед приходом корабля: глубины, течения, гравитационные работы, корпускулярный магнетизм. Следует еще провести доводку барометрических кривых...

Он лихо сыпал заумными терминами, прекрасно соображая: обычный рядовой полицейский чин ни за что не поймет подвоха. И не ошибся: Ксавье с удрученным видом развел руками:

– Мистер Мазур, я не соображаю даже, на каком это языке, не говоря уж о сути... Только теперь и понимаю дикарей, испытывающих перед наукой священный ужас. Я бы с вами ни за что не поменялся – даже просто произносить такие слова без запинки представляется тяжким трудом...

Мазур с простецким видом улыбнулся, словно извиняясь за сложности современной науки, недоступной пониманию обычного человека с улицы.

– И все же будьте осторожнее, господа, – сказал Ксавье. – Вчера в этом районе видели судно «синих акул», наших чертовых сепаратистов. Конечно, есть среди них несколько, за чью поимку или ликвидацию прямо-таки автоматически положены медали от президента, но вы люди мирные и вряд ли горите желанием зарабатывать награды таким путем... Всего наилучшего!

Он поднес ладонь к берету, и кораблик, вздымая белопенный бурун, на всем ходу понесся прочь, к зюйду, в сторону Баэ.

– Он не мог не видеть акваланги, – тревожно сказала Мадлен.

– Ну, ему же объяснили – корпускулярный магнетизм, – ухмыльнулся Мазур. – Вряд ли ему кто-то подскажет в обозримом будущем, что для изучения такового акваланги вовсе не нужны...

– Да, человек он неглупый и служака способный, но в науке не силен, – кивнула Мадлен, – Обойдется, дай-то бог...

– Эх, господа хорошие, – рассудительно сказал Лаврик, щурясь за стеклышками пенсне. – Самое неблагоприятное на свете дело – априорно подозревать полицию в тупоумии...

Он переступил через ноги Мазура и скрылся в рубке. Мадлен, уже

окончательно успокоившаяся, проводила его насмешливым взглядом – она, конечно же, и понятия не имела, что это работают профессиональные рефлексы Самарина, среди коих подозрительность должна стоять во главе угла. Впрочем, Мазур тоже не собирался поддаваться панике, подозревать всех и вся. Лаврик сам заверял, что здешние спецслужбы пока что пребывают в эмбриональном состоянии.

Катер шел в открытое море, где на горизонте еще виднелся обогнавший их полицейский сторожевик. Блаженно растянувшийся на неширокой корме Мазур подумал, что в жизни ему все же везет: экзотические острова, затонувшие корабли с сокровищами, мурены и кораллы, французская журналистка, смуглая плантаторша, пальмы и море... Другому не удастся пережить и десятой доли такого за всю долгую жизнь. А ведь все могло сложиться и по-другому, согласись он лет несколько назад на уговоры «капа два» и возьми курс на будущую карьеру атомного подводника...

Положительно, жизнь была прекрасной.

Глава пятая

Слишком много сюрпризов

Теоретически рассуждая, боевому пловцу следует быть образцом хладнокровия, но Мазур ханжески успокаивал себя тем, что теория, если прикинуть вдумчиво, охватывает лишь служебное время, боевой поход, а для частной жизни и личного времени вполне возможны послабления...

Он волновался, изо всех сил стараясь этого не показывать, потому что Ирина сама нагрязнула в гости вечерней порой, да еще с бутылкой белого вина, раздобытого явно на берегу. И теперь славный морской альбатрос, старший лейтенант Мазур, лихорадочно пытался найти ответ на жизненно важные вопросы: означает ли сей визит нечто? И допустимо ли предпринять шаги именно в этом направлении? От неопределенности и невозможности проникнуть в тайны женской души бросало то в жар, то в холод.

– Нет, я не буду, – сказал он решительно, когда она медленно, вопросительно наклонила горлышко над вторым бокалом. – Я уже в рабочем режиме, нельзя...

– А если я выпью в одиночку, это тебя не особенно удручит?

– Да что ты, – сказал он. – Я ж не алкаш...

Ирина медленно отпила половину, скрестила загорелые ноги. В каюте, подобно пресловутому топору, висела мучительная неловкость – от вечерней поры, от загадочной двусмысленности ситуации, от присутствия красивой, спокойной, самоуверенной, как все они, такие, молодой женщины в легком ситцевом платье а-ля сарафан русс, своей откровенностью вызывавшем глухую мужскую тоску.

– Ты мне зря на ноги смотришь воровато, – усмехнулась она с самым невинным видом. – На женские ноги надо смотреть открыто, прямолинейно, с демонстративным нахальством – тогда никакой неловкости у смотрящего и не возникает...

– Вот так? – сердито спросил он, стараясь не конфузиться.

– Примерно. Только без этого глуповатого вида. Ох, мальчишка ты еще... И раздевать взглядом нужно небрежно. Когда ты так таращишься, слышно, такое впечатление, как пуговицы с треском отлетают... Ну что ты насупился? Я шучу...

Героическими усилиями Мазур пытался отогнать неуклюжую неловкость. Непонятно, отчего он в ее присутствии цепенел и каменел: не

пацан, чай, женщины были, в том числе две недавних экзотических иностранки, трех человек убил... А вот поди ж ты, чувствуешь себя полным идиотом, в толк не возьмешь, как бы стать непринужденным и уверенным, язык не ворочается...

«Странно получается, – констатировал он. – Ну не может же это быть от любви? Я Аньку люблю, без дураков, но с ней сроду не цепенел, обращался уверенно, будто автомат разбирал, так, что однажды хамом неандертальским обозвала...»

Может, все дело в том, что Ирка – дочь адмирала? Не самого, конечно, высокого, обычного, в общем. И все равно, иной круг, иные орбиты, хлопцы дважды видели, как ухажеры ее катали на самых настоящих иномарках...

Иллюминатор был приоткрыт, слышно, как в кают-компании в третий раз заводили «Кукурузные хлопья», из-за отсутствия слов на импортном языке не вызывавшие у товарища Панкратова приступа идеологической бдительности. Со своего стула Мазур видел широкую полосу темной воды, на которой лежали отблески ламп «Сириуса», – мистер Драйтон изволил где-то мотаться, должно быть, ушел в ночной океан прожигать жизнь согласно разгульным нравам акул империализма. Хорошо ему сейчас, загнивающему: кругом, до горизонта, черная гладь, над головой сияют огромные звезды, на ярко освещенной палубе блондинки в бикини...

– А ты у нас, оказывается, супермен, – сказала Ирина, глядя поверх бокала загадочно и дразняще. – Как в том американском кино. Героические броски по джунглям, драки с пиратами...

– Ты потише, – сердито бросил Мазур, в котором на миг проснулись жесткие требования устава.

Кто-кто, а уж она была посвящена во все его дела – как-никак сама зашифровывала длиннейшие докладные Дракона и ответы на них. Неимоверно хотелось спросить, что же все-таки отвечал Центр, в деталях и подробностях, но Мазур не мог нарушать устава и строжайших предписаний. Никто не имел права выуживать у судового шифровальщика содержание прошедших через его руки телеграмм, помеченных в данном случае всеми мыслимыми грифами секретности.

– Ты не переживай, – сказала Ирина. – У тебя все в порядке.

– Я знаю, – угрюмо бросил Мазур.

Она улыбочиво прищурилась:

– Жутко интересно, как там у тебя было с той негритянкой? Она совсем черная, как сапог?

– Нет, – сказал Мазур, не зная, куда девать глаза. – Я бы даже сказал,

светло-кофейная.

– Но красивая?

– Красивая.

– А интересно, как это все было? Было что-нибудь такое... экзотическое, чего у нас не бывает?

Уставясь на нее, Мазур от растерянности бухнул хамски:

– Не было у меня случая вас сравнивать...

Она нисколько не обиделась, засмеялась:

– Кто же в этом виноват, кроме тебя самого?

Окончательно потерявшись, он пробормотал:

– Ну да, зависит от меня что-то...

– Пацан, – сказала Ирина мягко. – Женщину никогда не завоеешь галантной робостью. Посмотрит она, как ты потеешь и жмешься, да и пойдет подальше... Туда, где тебя нет. Магически действует мужская уверенность в себе... нет, ты только не вздумай неуклюже на меня бросаться, иначе получится еще хуже. Я и муженька-то выгнала еще и за неумелые попытки разыгрывать записного покорителя сердец, не имея к тому ни способностей, ни даже навыка...

– А он кто был?

– Тряпка. Разве что в погонах, а в не в цивиле. Кирилл, ты мне вот что скажи... Эта французская кошка к тебе сейчас не заявится? А то станет царапаться под дверью, неудобно получится – словно я тебе малину испортила. Ты скажи, если что, я ведь понятливая, быстренько уберусь.

– Да ничего у меня с ней нет! – вспыхнул Мазур.

– Снова прокол, – укорила Ирина, наливая себе еще вина. – Ты сейчас должен был напустить на себя загадочно-невозмутимый вид и таинственным тоном, сквозь зубы, соврать что-то убедительное. Ну, скажем, вроде того: «Я ее сегодня не жду...» Вот это бы на меня подействовало. Ты глубоко ошибаешься, если думаешь, что женщину привлекает демонстративная верность. Если бы я думала, что у меня есть под боком соперница, такая вся из себя шармант, настоящая француженка, вот тогда бы и забеспокоилась, как бы не потерять ухажера...

– Тебе так нравится со мной играть? – потерянно спросил Мазур.

– Пардон, я женщина или кто? – Она демонстративно пожалала круглыми плечами, не озабочась одернуть сарафан. – И жизнь моя – вечная игра...

– А может, я тоже с тобой играю, – сказал Мазур, согласно ее же советам пытаюсь держаться уверенно. – Может, я попросту излишне благороден. И не хочу, чтобы ты подумала, будто я набиваюсь к адмиралу в

зяться...

– Бог ты мой, неужели у тебя серьезные намерения? – прыснула Ирина. – А я-то, дура, счастье свое упускаю... Положительный, насквозь секретный, с перспективами быстрого служебного роста... Испробовавший и негритянок, и француженок морской волк, с которым в постель ложиться страшно, еще буду смотреться Дунькой с камвольного комбината... Мазур, сделай мне предложение по всей форме, а? Чтобы мое неопытное девичье сердечко размякло, как воск, и я потеряла голову...

Он прямо-таки затравленно вскинул глаза, силясь подыскать подходящую реплику, волшебным образом превратившую бы его в настоящего, уверенного ловеласа без страха и упрека. Не нашел, конечно.

– Ну ладно, надоело мне тебя мучить... – сказала Ирина, громко отставила бокал, подошла к нему вплотную. – Свет гасить не нужно, я уже не маленькая...

Каюту он так и не запер изнутри, но это не имело значения. Легкий сарафанчик словно сам собой порхнул в угол, и совсем скоро старший лейтенант Мазур, замирая от страха показаться неумелым, на узкой морской койке получил то, к чему стремился, все переменялось самым волшебным образом – ни насмешки, ни стремления властвовать, Ирина, закрыв глаза, подчинялась так, что порой становилось страшно: а вдруг проснешься? Он осмелел настолько, что решился претворить в жизнь кое-что пережитое с Мадлен, но и тут не встретил ни малейшего сопротивления, Ирина после первого легонького нажима его ладоней без подсказки гибко извернулась, опустилась на колени у койки и, бросив лукавый взгляд сквозь рассыпавшиеся пряди волос, приникла. «Кто-то же учил», – успел еще ревниво подумать Мазур, но тут же, с глупой ухмылкой таращась в потолок, почувствовал себя на седьмом небе. Учитывая незапертую дверь каюты, это было форменное безумие, кто угодно мог вломиться, от вахтенного матроса до грозного товарища Панкратова, но Мазур, содрогаясь от удовольствия, чувствовал себя под защитой волшебной шапки-невидимки.

– Вот так... – прошептала Ирина, не без труда умащиваясь рядом на узкой, принаитованной к стене койке. – Это тебя француженка просветила?

– Я ж не спрашиваю, кто тебя просвещал... – сказал он, всю еще задыхаясь и жмурясь, чувствуя себя победителем.

– И правильно делаешь, между прочим, – шепнула она на ухо без своей обычной насмешки. – Глупо было бы считать меня невинным цветочком, а?

...Ослепительный свет ударил ему в лицо, вызвав физическую боль. Мазур зажмурился, по щекам потекли слезы. К койке протопало несколько ног.

– Лежать тихо! – грозным шепотом приказал Самарин.

Стоя над душой, он заслонил своим телом лампочку, и Мазур смог наконец открыть глаза, проморгавшись и стряхнув слезы, оторопело уставился на капитан-лейтенанта, выглядевшего грозно и непреклонно. В руке у Лаврика был пистолет – слава богу, не упертый дулом в Мазура, а направленный стволом вниз, но легче от этого не стало.

За спиной у Лаврика торчали еще двое – знакомые все лица, самаринская команда, замаскированная под мирных морячков...

– Вот теперь можно встать, – сказал Лаврик, предусмотрительно отступая. – Значит, мирно спим? Вставай-вставай и в уголок отойди...

– Мирно? – усмехнулся один из его архаровцев, низко нагнувшись к смятой постели. – Дамскими духами все провоняло, причем недавними.

– Ну, сие не по нашей части... – отмахнулся Лаврик. – Кирилл, ты присядь-ка на стульчик, а мы пока осмотримся...

Ничего не соображая, Мазур покорно опустился на стул, свесил руки меж колен. Тот, что собачьим нюхом уловил Иринины духи, с ловкостью опытного карманника принялся перетряхивать постель, действуя, как фокусник. Второй столь же проворно распахнул дверцы встроенного шкафчика и без церемоний копался в одежде.

Хотелось рывкнуть на них, протестовать, но Мазур усилием воли смирил гордыню, лишь зорко следил за их манипуляциями – карманы выворачивались от одного движения пальца и столь же молниеносно приходили в прежнее состояние, словно бы по мановению руки выдвигались ящички узенького стола, порхали всякие мелочи, от безобидных авторучек до компрометирующей яркой пачки известных изделий. Самарин, без выражения наблюдая за ним, поигрывал пистолетом...

В небольшой каюте даже этим талантливым ребятам было негде разгуляться, дать волю престижитаторским талантам, и вскоре обыск пришел к концу. Даже крохотную ванну, совмещенную с гальюном, проверили на совесть. Встали плечом к плечу, развели руками без малейшего раскаяния на мордах.

– В трусах искать будете? – поинтересовался Мазур хмуро, уже

понимая, что визитеры своей неведомой цели не достигли.

– За кого нас принимаешь? – усмехнулся Лаврик. – В этом мы с доченькой адмирала конкурировать не собираемся... Орлы, погуляйте в коридоре. – Он проводил взглядом охотно покинувших каюту ореликов, запер дверь изнутри и опустился на стул рядом с Мазуром. – Ну что, возмущаться будем от всей души?

– Изволь объясниться, – сказал Мазур, глядя в сторону.

– Не скажу «охотно», но объясниться придется... Кирилл, не бери в голову, но таковы уж правила игры. Мирные мы люди, но наш бронепоезд...

– В чем дело?

Лаврик, давно спрятавший пистолет, придвинулся поближе и понизил голос:

– Ты человек свой, в подписках, как барбоска в блохах... Я тут ни при чем, не всегда и люблю проявлять инициативу, но Дракон свирепствует. Чтобы тебе было легче, можешь меня как-нибудь обозвать...

– Обойдусь, – отмахнулся Мазур. – Что стряслось?

– Здесь, кроме судового, есть еще и мой радист, если ты не знал, – спокойно сказал Лаврик. – Со своими специфическими задачами. Несколько минут назад он перехватил радиопередачу, которая, вне всяких сомнений, велась с борта «Сириуса». «Пакетный» сигнал, что характерно. Тебе растолковывать?

– Не надо, – сказал Мазур.

Эти штучки он прекрасно знал, самого учили пользоваться подобной аппаратурой. Записанное на магнитофон сообщение, иногда довольно длинное, с помощью соответствующего передатчика выбрасывается в эфир всплеском, передача занимает считанные секунды, перехватить ее, конечно, можно, но вот запеленговать – простите-с... Нереально. Лучшая техника попросту не успевает. Между прочим, аппаратура может быть предельно компактной, ее нетрудно распахать по карманам, скрыть под одеждой, иные передатчики, предназначенные для короткого условного сигнала, вовсе уж миниатюрных размеров: взял предмет, по внешнему виду неотличимый от авторучки, прижал колпачок – и рванулся в эфир сигнал, а через пару секунд хитрая электроника самоуничтожилась, пахнуло горелым – и никаких конкретных улик...

– Мадлен? – отчего-то сразу пришло ему в голову.

– Версия, что скрывать, соблазнительная, – сказал Лаврик. – Но представляется ошибочной. Поскольку я уверен, что ты будешь молчать, как рыба, могу сказать правду: это вторая передача. Первая имела место

неделю назад, когда на «Сириусе» Мадлен не было, вообще никого постороннего не имелось...

– Подожди, – сказал Мазур, сразу забыв о своих мелких обидах. – Выходит, он среди...

– Вот именно, – сказал Лаврик. – Среди здесь. Среди тех, кто поименно обозначен в судовой роли. Из Союза плывет, сволочь. И решил, что пришла пора сообщать о достижениях.

– Докладывает о...

– Хрен его знает, товарищ старший лейтенант... – с застывшим, злым лицом протянул Лаврик. – Решительно неизвестно, что это – то ли примитивный, заранее оговоренный кодовый сигнал, то ли развернутый рапорт о нашей жизни и работе...

– Прекрасно, – сказал Мазур. – И вы моментально ломанулись ко мне? Учитывая мой запятнанный послужной список? Нашли подходящего кандидата, а?

– Ну, не преувеличивай, – с некоторым смущением сказал Лаврик. – Тут, видишь ли, имело место неуклюжее стечение обстоятельств – нашелся человек, который видел, что именно из твоего иллюминатора свисало нечто вроде тоненькой незакрепленной антенны... Ясно? Ну, мы сгоряча и... Если тебе это облегчит самочувствие, считай меня сволочью, перетерплю. Но я лелею надежду, что ты все же поймешь мое положение. На корабле «подснежник», сука, «крот», а я могу лишь уныло констатировать факт. Чтобы провести на судне вроде «Сириуса» толковый, всеобъемлющий обыск, понадобится не менее роты спецов. Взять мне эту роту неоткуда, да и потом нас интересует даже не техника. Мне нужен человек. Но ущучить его при моих нынешних возможностях – нереально. Если у него еще что-то осталось, – а я уверен, осталось, – при малейшем признаке опасности выбросит все за борт и затаится. Изволь подкарауливать его до второго пришествия... Ну как, сильно обиделся?

– Да ладно, – сделав над собой усилие, сказал Мазур. – Перетерплю. Значит, «крот»...

– Ага. Внимание к нам приковано. И, как легко понять, механизм совершенно неизвестен: то ли знают уже что-то конкретное, то ли рутинно решили присмотреться. Два часа назад – коли уж пошла такая откровенность – акустик отметил в непосредственной близости от судна подвижный объект, по характеристикам вполне способный оказаться изучавшим подводную часть корабля медленно двигавшимся аквалангистом... Чертовски хочется списать это на очередного любопытного дельфина, но я предпочитаю сразу рассчитывать на худшее.

Будь это дома или хотя бы в открытом море, я без всяких колебаний приказал бы забросать акваторию гранатами «Нептун», но в чужом порту приходится соблюдать приличия...

– Черт, – сказал Мазур. – Все ведь проверены на сто кругов, и даже те, что декорацией нам служат...

– Голубь мой, среди проверенных тоже попадают... типы. Хватало примеров. Если...

В дверь отчаянно заколотили – такое впечатление, кулаком. Не раздумывая, инстинктивно Лаврик схватился за карман с пистолетом – и это сказало Мазуру о многом: главный здешний охотник за шпионами пребывал в нешуточном нервном напряжении... Впрочем, Лаврик оправился моментально. Бросился к двери, повернул рубчатую головку замка. Послышался громкий шепот.

– Час от часу не легче, – сказал Самарин, вернувшись. – В городе что-то непонятное творится. Я тебя подожду, если в темпе...

Мазур торопливо впрыгнул в штаны, а рубашу застегивал уже на бегу, не озаботившись обувью. Они выскочили на верхнюю палубу, где уже толпилось человек десять, вперемешку – аквалангисты и совершенно мирные члены экипажа.

Внезапно Мазур ослеп. Словно пыльным мешком накрыли. Лишь через пару-тройку бесконечно долгих, жутких секунд он сообразил, что с глазами все в порядке, просто на судне по чьему-то приказу вырубili все освещение. Понемногу он почувствовал себя нормально, рассмотрел вдали светлое сияние над городом, освещенное окно будочки сторожей у ворот, до которых было метров пятьдесят.

И расслышал далекие, знакомые звуки, казавшиеся здесь, на Райском острове, совершенно неуместными.

В городе шла ожесточенная перестрелка. Для неопытного уха все это выглядело беспорядочной пальбой наобум, но Мазур без особого труда расшифровывал происходившее где-то в километре от него: судя по далекой трескотне автоматов и временами вплетавшемуся в их работу солидному баску парочки пулеметов, ночной бой разгорелся возле какого-то конкретного пункта и носил определенно позиционный характер. Одни атаковали, не жалея патронов, другие, столь же азартно расходуя боеприпасы, защищались. Пока что невозможно было определить, чья берет.

Мазура кто-то крепко схватил за локоть. Подскочив, как ужаленный, он обнаружил рядом Мадлен в распахнутом халатике. Она прямо-таки подпрыгивала на месте:

– Дернул же меня черт здесь застрять! Там что-то происходит!

– Ценное замечание, – сказал Самарин. – Я тоже подозреваю, что дело нечисто...

– Да подите вы! Такой репортаж пропал! Или «синие акулы», или переворот! Машину взять неоткуда, а пешком я туда могу не успеть...

Над далеким сиянием мелькнула тень вертолета, автоматные очереди по-прежнему стучали в ночи, ожесточенно и звонко, словно в городе вдруг взбесились все швейные машинки, обернувшись некими монстрами. На фоне освещенного окна сторожки маячили несколько фигур – полицейская стража порта оживленно обсуждала события, махая руками и суетясь, но благоразумно не высываясь за ворота.

– Внимание! – жестяным басом загремел над головой динамик судовой трансляции. – Говорит капитан! Всем спуститься в каюты, держаться подальше от иллюминаторов! Все с палубы! Сохранять спокойствие! Пожарной команде занять места согласно расписанию, лазарет открыть! Остальные – с палубы! Моментально!

Первыми, как и следовало ожидать, подчинились те, что больше привыкли к военной форме, чем к цивильным костюмам.

Глава шестая

Кадриль моя подводная...

Поправив очки солидным жестом, Мазур указал на следующую лебедку:

– Это – придонная драга. С ее помощью, как вы, быть может, поняли из названия, берут образцы донной живности. Все, что не успело улепетнуть, попадает прямиком туда...

Лейтенант Ожье восторженно, по-настоящему оживился:

– А вот это совсем понятно, месье... Полицейская облава, а? Классический «невод». Все, что не успело улепетнуть, попадает в «салатницу»...

– Вот именно, – сказал Мазур. – Вы очень быстро все схватываете. Потом, с помощью скучнейшей математики, вычисляется количество биомассы на определенной площади, а это, в свою очередь, оказывает неоценимую помощь при расчетах популяции промысловых рыб...

– Невероятно интересно, – с тоскливой покорностью в голосе сказал лейтенант, скучнея на глазах.

Мазур ухмыльнулся про себя – все-таки его неплохо поднатаскали, вдолбив в голову тот необходимый минимум, который позволял успешно разыгрывать из себя ученого мужа. Правда, исключительно перед теми, кто вовсе уж ничего не смыслил в науке. Но все равно знания небесполезные. Лейтенант, сразу видно, преисполнился почтения к непонятным ему премудростям, а в глубине души мечтает оказаться подальше отсюда, где-нибудь в баре...

Что поделать, именно Мазуру выпал жребий развлекать гостя и служить ему экскурсоводом. Лейтенант Ожье вкупе с двумя своими подчиненными заявился на судно утром с оформленным по всем правилам предписанием от властей, гласившим, что на некий, определяемый высшими государственными соображениями срок эта троица обязана неотлучно пребывать на судне. В целях защиты мирной научной экспедиции и в связи с объявленным чрезвычайным положением. Протестовать было не только бессмысленно, но и опасно – мирная научная экспедиция, поголовно состоящая из ученых очкариков, должна была лишь обрадоваться присутствию вооруженной силы, представляющей верховную власть. Начав протестовать, неминуемо выпадешь из образа...

Как оказалось, ночью в столице имела место попытка

государственного переворота. Десятка полтора крепких ребят, прилетевших незадолго до того под видом выбравшейся на тренировку баскетбольной команды с Маврикия, несколько дней и в самом деле изображали упорные тренировки. А потом эти милые молодые люди, распотрошив двойное дно спортивных сумок, извлекли массу огнестрельных причиндалов и ночью темною атаковали президентский дворец. Охрана, натасканная еще британцами, оказалась на высоте: после яростного двухчасового боя с помощью единственного в республике броневика и подоспевших с Баэ полицейских оттеснила нападавших, прижала к океану и захватила уцелевших в плен. Одновременно, прямо-таки синхронно, другая группа пыталась захватить в Виктории аэропорт, но встретила отпор и, погрузившись в частный самолетик, смылась в неизвестном направлении, что прошло успешно благодаря полному отсутствию у республики ВВС. Ахатинское радио пока что не бралось определить национальную принадлежность диверсантов, но западные станции, оперативно разнеся сенсацию по всему свету, уверяли, что речь идет о юаровских командос со знаменитым Майком Хором во главе. Самарин мимоходом, в отсутствие чужих ушей, сказал Мазуру, что лично он этой информации верит – поскольку, между нами, мужиками, говоря, империалистические голоса тоже иногда выдают в эфир чистейшую правду. Разумеется, делают они это, как должно быть ясно любому советскому человеку, с самыми что ни на есть коварными целями, демонстрируя в идеологической войне и оболванивании слушателей из «третьего мира» мнимую псевдообъективность. Мазур громко согласился с этой идеологически выдержанной формулировкой – поглядывая, нет ли поблизости вездесущего товарища Панкратова.

Одним словом, в республике сгоряча ввели чрезвычайное положение, заключавшееся главным образом в том, что все наличные полицейские силы высыпали на улицы, где обязаны были пребывать круглосуточно. Да еще запретили всякое передвижение с полуночи до четырех часов дня. Плохо только, что в приливе искреннего беспокойства о своих советских друзьях власти прислали лейтенанта с двумя автоматчиками.

Впрочем, в любом положении следует искать и светлые стороны. Для данного случая они заключались в том, что полицейская троица ничегошеньки не понимала ни в мореходном деле, ни в науке, а потому готова была верить любым объяснениям, с пиететом косясь на сложные ученые механизмы и обходя сторонкой наиболее шумные, а также те, что, на взгляд профана, могли без всякого предупреждения долбануть током. Механизмов на «Сириусе» имелось предостаточно, и, как было прекрасно

известно Мазуру, вот эта донная драга, да и полдюжины других агрегатов – самые настоящие, вдобавок те, кто их обслуживает, искренне верят, что делают нужное и полезное дело, двигая вперед ихтиологию, а также надеясь отстоять приоритет самой передовой в мире науки, советской...

Как бы там ни было, согласно долгу советского гостеприимства, полагалось радушно показать лейтенанту корабль, растолковывая попутно назначение приборов и агрегатов. Чем Мазур по долгу службы и занимался. Хорошо еще, что рядовые полицаи обязаны были бдительно нести службу на палубе, а не таскаться за своим шефом, иначе Мазур вовсе пал бы духом, чувствуя себя таким музейным экскурсоводом...

К счастью, вскоре на выручку ему пришла Мадлен, озабоченная судьбой обнаруженного клада. Она появилась на палубе яркая и свеженькая, продуманная от пяток до ушей, – платье, прическа, светские, самую чуточку раскованные манеры. Лейтенант, хотя и пыжился в новеньком мундирчике, что твой павлин, был даже младше Мазура, а потому стал жертвой исконно французского шарма. Быстро стало ясно, что он все ближайшее время постарается провести в компании очаровательной журналистки и без нужды отираться по судну не будет, а значит, и вред от него выйдет минимальный...

* * *

...Мазур ходил кругами метрах в десяти над дном, словно взбесившийся маятник на невидимой гигантской оси. По другую сторону, вторым маятником, столь же размеренно плавал Волчонок. Была их очередь стоять в боевом охранении. Подсознательно, из некоего шика, совершенно не требовавшегося правилами, Мазур старался, чтобы описываемые им круги метров пятидесяти в диаметре были как можно более геометрически правильными. Единственное развлечение в скучнейшем патрулировании.

Он, конечно, не позволял себе расслабляться, он был в боевом дозоре, но, поскольку ни один устав прямо не запрещает часовому думать, временами Мазур предавался этому нехитрому занятию. Зорко следя за окружающим, насколько это было возможно в сине-зеленом сумраке, параллельно прокручивал в памяти кое-какие эпизоды вчерашней ночи, и, уж конечно, не те, что были связаны с обыском или ночной пальбой в городе. И гадал, означает происшедшее его полную и окончательную победу над ветреной адмиральской дочкой, вступление в права владения, выражаясь жаргоном здешних юристов, или есть риск услышать, что это

был всего лишь каприз взрослой свободной женщины. Верить во второе, как легко догадаться, упорно не хотелось...

Правда, совершенно непонятно, что делать, если верной окажется как раз первая версия – окончательная победа и определенные права. Ирину он не знал совершенно, в смысле как человека, а Аня, хотя и попила кровушки, хотя и мучила неопределенностью до сих пор, в каком-то смысле была роднее. То бишь знакома во многих смыслах, изучена, не таила загадок... Тьфу ты, что за математика в голову лезет!

Хотелось сердито сплюнуть, что в некоторых случаях дает великолепную эмоциональную разрядку, но с загубником во рту не особенно расплюешься. И он кружил дальше с размеренностью хорошего часового механизма, временами – такое бывает на глубине, в башку лезет всякая чушь – Волчонок казался отражением Мазура в каком-то неведомом зеркале, и это вызывало странное, ни на что не похожее чувство, одно из тех, на коих сломала зубы парочка поколений психотерапевтов в погонах. Говорили, что и у космонавтов есть свои, только им свойственные завихрения мыслей и чувств, и у атомных подводников...

Бегло глянул вниз – там все обстояло прекрасно, как в лучших домах Лондона. Ожившая иллюстрация к учебнику о подводных работах. Все до единого «ластоногие» вкалывали так, словно сдавали экстерном нормативы на значок «Ударник коммунистического труда». Поперек глубоко ушедшего в песок корпуса фрегата протянули два закрепленных на дне троса, чтобы облегчить задачу тем, кто с подстраховкой опускался в полусгнившее нутро трюмов. Две пары как раз этим и занимались, несколько ведер ценностей уже было извлечено из ветхих мешков, из трухлявых ящиков, свалено в кучу на большой брезент без всякого почтения к тяжелому желтому металлу и легоньким разноцветным камешкам. Конечно, попутно под руку подворачивалась всякая заваль, способная привести в экстаз археолога, но для их целей совершенно бесполезная: проржавевшие клинки, заросшая ракушками и мшанками посуда, обломки, которые сразу и не удавалось идентифицировать, изъеденные коррозией стволы мушкетов со сгнившими ложами, закупоренные бутылки непривычной формы... Не было только скелетов и черепов – соленая морская вода их давно растворила, что облегчало задачу. Особо нервных людей среди присутствующих не имелось, но все равно полное отсутствие костей позволяло не чувствовать себя такими классическими гробокопателями. Все гораздо проще: плыли себе люди, ныряли помаленьку, наткнулись вдруг на груды абсолютно бесхозного хлама, не отягощенного присутствием бывших хозяев, никто на тебя не таращится пустыми глазницами, не щерится, не заставляет

вспомнить какое-то из бессмертных изречений типа: «Я ведь уже дома, а ты еще в гостях...»

Интересно, как дела у тех, кто копается, пытаюсь выяснить, разломилось ли судно пополам или просто неравномерно поглощено песком? Мазур покосился в ту сторону, туда, где работали трое с Морским Змеем во главе, но из их деловитой суеты ровным счетом ничего не определил. Проблема сложная, с кондачка не решается. Сюда бы парочку мощных землесосов, еще кое-какую технику, позволившую бы в два счета сдуть чертов песок до скального грунта, чтобы «Агамемнон» предстал во всей красе, как котлета на ресторанной тарелке...

Нельзя, увы. Получится одна сплошная демаскировка. Пара-другая весьма миниатюрных «пылесосов» и «ветродуев» в заначке имеется, но к их помощи прибегнут чуть попозже, когда окончательно оконтурят затонувший корабль. А пока что – прадедовским способом: руки, лопатка, нож, мешок... От своих предшественников, некогда грабивших пирамиды, они отличались разве что аквалангами, в остальном технология осталась древней, знакомой еще разорителям скифских курганов...

Внимание!!!

Справа, над угловатой скалой, совсем близко от невидимой патрульной трассы Волчонок, колыхнулся округлый предмет, очень смутно различимый на таком расстоянии в сине-зеленом сумраке, но, без сомнения, имевший мало общего с естественными деталями морского пейзажа. Скрылся, вновь появился...

Мазур реагировал мгновенно. Послав окрест длинную дробь тревоги, он выпустил повисшие на запястье кастаньеты и рванулся в ту сторону. Пролетая над затонувшим фрегатом, успел заметить, что всякая работа моментально прекратилась, что пловцы сомкнулись в боевую «карусель» на трех уровнях.

Волчонок обогнал его корпуса на два. Взмыв по параболе над острой верхушкой скалы, Мазур уже явственно видел две головы, словно перечеркнутые поперек широкими масками – другими, чужими. Плотно обтянутые капюшонами гидрокостюмов головы, спаренные горбы баллонов на груди, выгнутые гофрированные шланги...

Он шел на чужих, как стрела из лука. Выхватил нож, нимало не раздумывая, – сработал вдолбленный рефлекс. Справа, чуточку пониже, неся Волчонок.

Чужие, сильными толчками оттолкнувшись от скалы, вертикально взмыли над вершиной. Тот, что держался немного впереди, вскинул на уровень груди продолговатый округлый предмет, похожий на тубус для

чертежей, – вот только этот тубус заканчивался толстой короткой трубкой...

«Нож! – мысленно заорал Мазур, видя, что Волчонок идет на сближение с пустыми руками. – Нож, мать твою!»

Поздно. Напарник так и не бросил руку к поясу. Вспененная струя, полная kloкочущих пузырьков, рванулась из трубки, с нереальной быстротой вытягиваясь в длину, – и встретила с грудью Волчонка. Тот, с маху потеряв темп, конвульсивно дернулся, запрокидываясь назад все сильнее и сильнее, словно падал с несущегося на всем скаку коня, широкие лапы уже взмыли выше головы – и Мазуров напарник, обвиснув безвольной тряпкой, уже выпустив изо рта загубник, вниз головой пошел ко дну по отвесной.

Некогда было думать и колебаться. Отметив, что второй чужак, выполнив на месте грациозный пируэт, рванул прочь, Мазур уклонился от второй пенной струи, прошедшей сантиметрах в десяти от его поясницы, в три гребка сменил уровень и направление, оказавшись выше и левее, крутанул боевой вираж.

Ребро его лапы, как он и рассчитывал, с нешуточной силой ударило по запястью чужака, и тут же пятка Мазура подбила локоть уже ушибленной руки. «Тубус» взлетел вверх, вырвался из обтянутых черной резиной пальцев, пошел на дно. Еще два гребка, «горка», пируэт... Оказавшись лицом к повернутому в профиль противнику, Мазур скупно взмахнул ножом. Успел повернуть клинок на середине траектории.

Нож рассек правый шланг чужака – а там, из-за того самого поворота, обушком зацепил левый, вырывая изо рта загубник. Перед глазами у Мазура мелькнула запрокинутая голова, раздернутый в тщетных поисках воздуха рот с ровными белыми зубами, за овальным стеклом маски Мазур без труда рассмотрел сведенное ужасом лицо.

И полоснул лезвием по резине, по шее – справа под челюстью. Мгновенно взвихрилось облачко темной мути, из разинутого рта рванулись вверх крупные пузыри, противник пошел на дно, нелепо болтая конечностями, окутанный растущим темным облачком. Мазур не видел дальнейшего – он несея следом за вторым.

Это была странная, беззвучная погоня в сине-зеленой невесомости, на пределе сил. Выставив вперед сомкнутые кисти – в руке по-прежнему зажат нож, – Мазур несея над верхушками подводных скал, над слабо колышущимися полосами бурых водорослей, сквозь рассыпавшиеся при его приближении рыбы стайки, вертко бросавшиеся в стороны. Чужак маячил далеко впереди, на пределе видимости. Временами его голова словно становилась светлее – это он оглядывался, и Мазур видел стекло

маски.

Мазур уже понимал, что столкнулся не с любителями. Те еще подводные волки. И потому он изо всех сил старался не поддаваться лишнему азарту, горячке погони. В такой ситуации выигрывает тот, у кого крепче нервы. Рано или поздно Мазур его догонит, убежавший, скорее всего, тоже это понимает, – и потому нужно смотреть в оба, не пропустить момент, когда чужак перейдет к обороне. Подводные схватки сплошь и рядом скоротечны, прямо-таки молниеносны, из-за специфики, из-за воды вокруг, из-за загубника во рту. Кроме того, не исключена засада...

Чужак скрылся в узком проходе меж двумя высокими скалами. Слишком уверенно он туда вошел, не снижая скорости, – а это означало неплохое знакомство с местностью, и отнюдь не по логиям. Должен был проплывать здесь не единожды – в отличие от Мазура, не бывавшего в этих местах.

И он взмыл вверх, чтобы не угодить в ловушку. Пошел над гранеными кусками дикого камня, зорко глядя вниз.

За скалами дно обрывалось во мрак, в ту самую, словно бы лениво клубящуюся, темную глубину. Беглый взгляд на глубиномер – и Мазур прекратил погружение, остался на прежнем уровне. Он довольно близко подошел к тому пределу, когда акваланг уже не поможет. К другой глубине.

Впереди взмыли над скалами два продолговатых предмета, напоминавшие остроконечные торпеды, в пару секунд изменили курс, и теперь выглядели скорее торцами бревен, которые оседлали люди. Пузырчатые облачка превратились в струи, и предметы раза в три быстрее, чем двигался Мазур, пошли на глубину, в клубящийся мрак. Два всадника на первой, один на второй. Они удалялись бесшумно, как призраки, слились с простиравшейся под ногами темнотой.

И Мазур остановился. Он ничего больше не мог сделать – не в человеческих силах...

* * *

...Ему впервые подумалось, что небольшая каюта без окон, где обычно, по соседству со шлюзовой камерой, происходили «разборы полетов», чем-то напоминает карцер. То ли полным отсутствием окон, то ли спартанской простотой меблировки. В комнате царил тяжелое молчание.

Мазур впервые столкнулся со смертью с бою. Со смертью одного из своих. Полчаса назад Волчонок еще был, а теперь его не было. Совсем. Тот

затянутый в черный гидрокостюм предмет, что они доставили к шлюзовой камере, а потом подняли с вогнутого дна и перенесли в сухое помещение, был как две капли воды похож на Волчонка, но уже не имел к нему никакого отношения. Потому что не двигался, не говорил, не смотрел. И останется таким насовсем. Это несправедливо, неправильно, больно, а главное, ничего невозможно изменить... Волчонок был, а теперь его нет. Его убили. Насовсем.

Почему-то он вспомнил о тех четырех, которых убил сам, – точнее, попытался отыскать во взбаламученном сознании какие-то изменения. Должны быть изменения. Он же убивал. И он сам, и мир вокруг обязаны измениться...

Но ничего подобного нет. Он прежний. Все прежнее. Разве что в подсознании занозой сидят воспоминания о том, как легко входил паранг в грудь, как совершенно ничего не чувствовалось, когда клинок полоснул по шее чужого пловца, как пули входили в тело, какие звуки при этом раздавались. Но это вовсе не казалось изменениями. Ничего в нем не изменилось, и Мазур не представлял, пугаться этому или радоваться...

– Итак? – спросил Дракон, восседавший во главе стола.

– Я считаю, что Мазур оплошал, – сказал Папа Карло, не поднимая взгляда выше стола.

– Я тоже, – почти без интервала произнес Черномор.

– Кто-нибудь еще так считает?

Молчание. Очень долгое молчание.

Мазур не мог смотреть не то что на тех двоих – в их сторону. Сейчас он их ненавидел – рассудочно, люто. Потому что не мог понять, почему они это говорят. До этой минуты все были свои, члены группы, он ничего не сделал этим двоим, меж ними не было и тени неприязни, даже голос друг на друга не повысили никогда, ни единой стычки... Он их ненавидел еще почище, чем убийцу Волчонка.

– Значит, я могу сделать вывод, что так считаете только вы двое, а остальные шестеро придерживаются противоположного мнения, – тусклым казенным голосом подвел итог Дракон. – Дело тут, понятно, не в простом арифметическом большинстве. Гораздо больший вес, например, имеет такой нюанс... Оба товарища, выразившие недоверие старшему лейтенанту Мазуру, из «чистых». Другими словами, им еще не приходилось кого-либо отправлять к праотцам. И вот это уже кое на что влияет... Старлей, встать! – приказал он, уперев в Мазура бесстрастный взгляд.

Мазур механически выпрямился, как оловянный солдатик.

– Мнение двух данных товарищей нисколько не соответствует

действительности, – сказал Дракон с равнодушным лицом диктора программы «Время», сообщающего о ходе жатвы. – Никаких претензий к старшему лейтенанту Мазуру быть не может. Мазур, можете сесть. Товарищи офицеры, данное заключение, которое я взял на себя смелость огласить немедленно, основано, как легко понять, не на лирике, а на тщательном и долгом изучении данных бумаг. – Он придавил широкой короткопалой ладонью стопку белых листов – написанные каждым рапорта и составленная каждым схема происшедшего. – Одно немаловажное уточнение: старший лейтенант Мазур, я хочу, чтобы вы перестали зыркать на двух данных товарищей мутным взором убийцы. Ничего страшного или подлого не произошло. Они поступили так, как считали нужным, более того, обязаны были так именно и поступить: без утайки и оговорок выложить свое мнение касательно происшедшего. Это долг каждого. Разумеется, теперь я вас ни за что не назначу в одну «двойку» или «тройку», но это совсем другая история... Так вот, всякий обязан высказать свое мнение и не комплексовать из-за того, что оно оказалось не поддержанным большинством членов группы, как в данном конкретном случае. Итак, я все изучил... Дело в том, господа сопляки, что вы мне ничуть не кажетесь единственными и неповторимыми, как кажетесь себе. Когда говорят, что начальство и вообще люди со стажем имеют неплохой жизненный опыт, оно так и есть. Жизненный опыт подобных мне людей, помимо прочего, заключается еще и в том, что я пережил массу ситуаций, тех самых, что вам, соплякам, кажутся неповторимыми и уникальными, а на деле сводятся к некоему количеству стандартов. Сейчас мы снова встретились со стандартной ситуацией... Лет через несколько вы это непременно поймете. Те, кто доживет. Так вот, старший лейтенант Мазур не виноват. Виноват в происшедшем старший лейтенант Волков, он же Волчонок. Вбейте себе в голову то, что я вам сейчас скажу, намертво. На всю оставшуюся жизнь. Там, в соседней комнате, лежит труп старшего лейтенанта Волкова. Мужа и отца двухлетнего ребенка. Кавалера двух медалей, перспективного офицера. Старший лейтенант Волков погиб по одной-единственной, конкретной, давно известной, стандартной причине: он не сумел ударить первым в тот именно момент, когда от него это вдруг и потребовалось. Он был обязан ударить первым. Его долго и старательно учили, что следует бить первым, когда противник направляет на тебя нечто неизвестное. Любой неизвестный предмет в данной ситуации мог оказаться оружием – так оно и вышло. Мы не подводные археологи и не охотники на рыб. Мы военные люди. Старший лейтенант Волков не сделал того, что от него требовалось, и потому перешел в состояние трупа. Запомните это

навсегда. Либо вы – либо вас. Все остальное – лирика и сопли... Запомните это, щенки сопливые...

И вновь ненадолго повисла тяжелая тишина. Мазура прямо-таки обжигали смешанные чувства: и рад был, что оказался полностью чист, и смотреть в сторону тех двоих не мог. Он был в Камране не только с Волчонком, но и с ними двумя, с Папой Карло и Черномором, их всех четырех пытались накрыть глубинными бомбами, гоняли, как зайцев, когда уходили из Донгфая...

– Подведем итоги, – сказал Дракон. – Группа столкнулась с неизвестными боевыми пловцами, заранее настроенными на жесткое решение вопросов. С места схватки оставшиеся скрылись на транспортировщиках, предположительно напоминающих М-18, «Дарт» или «Шор Хантер», – более детальная идентификация была невозможна. Оружие... – он взял со стола «тубус», уже давно разряженный, разобранный по винтикам и кропотливо собранный снова. – Приспособление, стреляющее с помощью сжатого воздуха стальными иглами. Данная модификация ранее не встречалась, но во многом напоминает стандартный иглострел марки «Скат», вполне может оказаться его более прогрессивной моделью. Что контрразведка?

Самарин встал:

– Комбинированный, воздушно-кислородный дыхательный аппарат замкнутого цикла. Маркировки страны-изготовителя нет, какие-либо знаки производителя отсутствуют. Однако, сравнивая с попавшими в наше распоряжение ранее образцами, можно уверенно сказать, что перед нами – аналог «Оксижера» либо АРО или «Драгера». Те аппараты, что используются преимущественно боевыми пловцами. Однако стопроцентно установить национальную принадлежность владельца не берусь.

– Доктор?

– Труп человека двадцати трех – двадцати пяти лет, – сказал доктор Лымарь. – Белый, европеоид, предположительно «кавказская раса», то есть, по нашей классификации, англосакс. Великолепно развит физически, заживших ран, следов травм и татуировок нет. Более детально – после вскрытия, которое в наших условиях проводить не вполне целесообразно. Причина смерти – кровотечение из сонной артерии, вызвавшее остановку сердца.

– Иными словами – неизвестно кто, – сказал Дракон. – Может, янкес, может, британец, а может оказаться и голландским наемником на службе у испанцев... Ну что ж, упрекать за столь расплывчатые формулировки некого. Мало материала для анализа. Но, по большому счету, нас сейчас и

не должна особо волновать национальная либо государственная принадлежность гостей. Ибо ситуация лучше всего определяется старой поговоркой: что сову об пень, что пнем по сове... В первую голову нас интересуют два соображения. Первое. Техника, которой они пользовались, почти напроць исключает любительство. Подводные скоростные транспортировщики – это в девяти случаях из десяти указывает на государство. И подразумевает судно обеспечения в некотором отдалении... Капитан-лейтенант?

– Или – подводную лодку, – сказал Морской Змей.

– Мотивация?

– У них не акваланги, а аппараты, – сказал Коля Триколенко. – Следовательно, они с самого начала брали в расчет, что будут действовать на глубине свыше сорока метров, – а ведь мы ниже сорока не забирались... Будь это судно обеспечения, нет нужды в аппаратах. Скрытно пройти к цели можно и на глубине акваланга. Принципиальной разницы нет. А вот если это субмарина, все выстраивается вполне логично: подлодка либо ложится на грунт на глубине полусотни метров, либо выпускает пловцов в плавучем положении, но на такой же глубине...

– Надежнее, конечно, с грунта. Проще для возвращения.

– Да, конечно... Словом, большой процент вероятности, что это именно подлодка.

– Примем к сведению, – согласился Дракон. – Вероятность отнюдь не стопроцентная, но примем к сведению... Второе важное соображение. Кто бы они ни были, к официальным властям республики не имеют никакого отношения – иначе в нас давно и весело пулял бы предупредительными очередями какой-нибудь сторожевик... Они здесь тоже украдкой, как и мы. А это значит, что палка имеет два конца. С одной стороны, они ни за что не побегут жаловаться на нас властям. С другой же – будут действовать предельно жестко, поскольку понимают, что мы тоже не побежим с жалобой к властям... Если это примитивные, рутинные шпионы – они постараются побыстрее смыться, справедливо посчитав, что узнали вполне достаточно. А вот если они тоже пришли за побрякушками с «Агамемнона»... Тогда добром не отстанут. Мотивы на поверхности: как бы жирно их ни финансировало государство, а не проходящий ни по каким бумагам, неподотчетный подарочек в двадцать-тридцать миллиончиков долларов – вещь заманчивая.

Мазуру только сейчас пришло в голову: «А куда пойдут у нас вырученные за клад денежки?» Но по здравом размышлении он понял, что ради вящего душевного спокойствия не стоит ломать над этим голову: не

лейтенантские это раздумья. Очень может оказаться, что и не адмиральские тоже...

– Внимание, товарищи офицеры! – сказал Дракон. – Переходим на предусмотренный инструкциями режим осадного положения. Техническим обеспечением операции есть кому заняться, а нас в первую очередь должны беспокоить чисто военные аспекты. С этого часа – круглосуточное, посменное дежурство в шлюзовой боевой «тройки» в полной готовности. График составит капитан-лейтенант Триколенко. Дежурство постоянное, независимо от того, работают на «Агамемноне» пловцы или нет. Работы по подъему ценностей прекратить. Выждем до рассвета во избежание возможных провокаций. Нельзя исключать все же, что это не конкуренты, а «политики» с задачей поймать судно на чем-то недозволенном... Если до рассвета ничего не произойдет – работы по подъему ценностей продолжаются со стахановской энергией. Капитан-лейтенант Самарин, боюсь, вам тоже придется включиться... Не забыли еще, как акваланг надевать?

– Никак нет, не забыл, – без выражения сказал Лаврик.

– А я? – спросил Лымарь.

– Вам, доктор, лучше побыть на борту, как единственному посвященному эскулапу. Милейший доктор Викентьев, конечно, никому постороннему не побежит рассказывать, если к нему приволочут нестандартного пациента, хотя бы оттого не побежит, что мы – в открытом море. Но все равно седенький штатский интеллигент может отреагировать совершенно неадекватно, когда к нему на стол плюхнут субъекта в гидрокостюме и с ножом в спине... Далее. С завтрашнего утра все будут работать вооруженными. Триколенко, можете вскрыть оружейную... Полный боекомплект. Еще раз прошу прокрутить в памяти все, что я говорил о покойном старшем лейтенанте Волкове. Кончились сопли, началась война. Вы обязаны бить первыми. Воодушевления ради могу уточнить: я в ближайшее же время свяжусь с нашими кораблями в Индийском океане. Пора подтянуть к месту действия парочку эсминцев, командование такую возможность предусмотрело. Думаю, это вас чуточку подбодрит... но задачу не облегчит. Даже если наверху соберется весь Балтийский флот, на глубине это вам ничуть не поможет... Вопросы есть? Нет? Прекрасно. Да, старший лейтенант Мазур... Можете получить у доктора сто граммов медицинского спирта, но употребить извольте в разбавленном виде, а вот догоняться не смейте. Шарахнуть стакан – и спать. Триколенко, Мазур на сутки получает увольнительную, подчеркиваю, в виде поощрения за умелые действия и за... бобра. Все

свободны.

* * *

...Ничего не было, кроме громадной, сосущей тоски. Полный стакан алкоголя, получившийся из спирта, помог, но не особенно. Он стоял у перил и пустыми глазами смотрел, как на горизонте буйствуют дикой прелестью краски заката. Подсвеченные последними лучами облака сияли розовым, золотым, багряным, золотая рябь подрагивала на морской глади, по зеленоватому небу протянулись яркие сполохи, но от этого на душе стало еще безнадежнее. На фоне этой безумной, многоцветной красоты смерть друга смотрелась особенно жутко, и в голове назойливо звучала старая, еще камраньских времен, сочиненная до них песенка:

Теребит карту пальчиком
военный атташе.
Его «тюленьи мальчики» —
не из папье-маше.
Он им дает командочку:
мол, в пасмурную рань
лихой подводной бандочкой
наведаться в Камрань.
Мол, спят там по утрянке...
Мол, выйдет вам почет...
Вот только энтот янки
Нас не берет в расчет!
Мы ж тоже не бумажные!
Пусть платят им втройне,
смогем любую вражину
прижать на глубине.
Мы все на драку годные,
и вновь завертит нас
кадриль моя подводная,
глубинный перепляс...
Пусть помнит мир подлунный —
что мы всегда в цене,
и девочка Фортуна
нас ждет на глубине...

А получилось совсем не так. Для Волчонка по крайней мере. Не было там Фортуны, а если и попалась, то не для него...

– Сирил, почему вы такой грустный? Такая красота...

Он обернулся, непонимающе уставился на Мадлен – она стояла под ручку с покоренным, нет сомнений, лейтенантом Ожье. Без малейшего смущения пояснила:

– Мы с лейтенантом только что сошлись во мнении, что оба считаем закат самым прекрасным зрелищем на Земле...

Мазуру пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить: для всего окружающего мира ровным счетом ничего не произошло. Наверху все пристойно, благополучно, мирно и тихо. Трупы в потаенном холодильнике... строго говоря, их как бы и нет.

– Извините, – сказал он, неуклюже отходя. – Вымотался я что-то, в собеседники не гожусь...

«Зубами грызть буду, – подумал он, нетвердыми шагами направляясь в каюту – алкоголь все-таки подействовал. – Руками глотки порву, если что...»

Глава седьмая

Заголовок для детективного романа

Правду все же говорят, что утро вечера мудренее. Утреннее настроение Мазура никак нельзя было назвать не то что веселым, но даже безоблачным, однако кое-что серьезное с ним произошло. Тоска и боль хотя и остались, превратились в часть души, в кусочек сознания. Вчера они переполняли душу так, что ни для чего другого не оставалось места, а сегодня тоскливая боль, вот странно, вот чудно, стала привычной. С ней можно было жить дальше – и даже отвлекаться на окружающее и окружающих, не испытывая при этом стыда. Наверное, так чувствуют себя люди, потерявшие руку или ногу, когда рана окончательно заживет. Нет больше руки, но жизнь не кончается...

Вяло позавтракав в столовой, поскольку устав требовал от всех регулярного приема пищи, без коего солдат не солдат, Мазур пошел на палубу проветриться. С похмелья он не маялся нисколько, он вообще особо этим не страдал.

Обретавшийся у борта полицейский, тот, что помоложе, сразу вызвал в офицерской душе Мазура жгучее желание часок погонять разгильдяя на строевых занятиях и отжиманиях. Обормот прислонил свою английскую автоматическую винтовку к перилам так, что она запросто могла вывалиться за борт при самой легонькой качке. Мазур сдержался, конечно, – в его задачу не входило воспитывать местных раздолбаев, к тому же даже и не солдат...

Он заинтересовался другим – загадочными манипуляциями парня в синем мундире с широкими красными погонами. Всецело поглощенный своим непонятным занятием, полисмен не видел вокруг никого и ничего. Слегка перегнувшись за перила, он доставал щепоткой из нагрудного кармана нечто напоминавшее короткие и кривые сушеные корешки, посыпал их коричневым порошком из обычного аптечного пузырька темного стекла, потом, покачив образовавшуюся смесь в горсти, развеивал ее за бортом, что-то старательно шепча. Закончив процедуру, повторял все снова и снова.

Мазур подошел, громко ступая, встал рядом и хмуро сказал:

– У вас, того и гляди, винтовка за борт булькнет.

– Да что вы, сэр, волнения никакого, корабль не качает... – мельком глянув на него, отозвался полисмен.

И преспокойно, без малейшего смущения или неловкости, развеял в воздухе очередную порцию загадочной смеси. Старательно шевеля губами, проводил взглядом достигшие воды корешочки, не спеша полез тремя пальцами в карман.

– Что это вы делаете? – спросил Мазур.

– Беду отгоняю, сэр. От нас от всех, от корабля...

– Это какую?

Темнокожий парень старательно проверил карман, но там почти ничего уже не осталось. Отправив за борт последнюю, скудную порцию, полисмен понизил голос:

– Сэр, там, в море, живет большой музунгу...

Он показал почти что в том направлении, где в двух кабельтовых^[4] от судна работала на дне группа – причем на поверхности моря, конечно, ничто не выдавало их присутствия.

– Это еще кто? – без особого интереса спросил Мазур.

– Большой музунгу, сэр. Чудище. Если рассердится, может даже большой корабль, как этот, уволочь на дно. Руки у него длинные...

– Понятно, – пожал плечами Мазур. – Деды дедов и отцы отцов вам заповедали опасаться большого музунгу...

– Сэр, не стоит смеяться. Музунгу не делает разницы меж белыми и черными, смуглыми и бледными... Любого, кто его разгневает, он утащит на дно.

– Да кто он такой? – спросил Мазур. – Морской змей? Спрут?

– Большой музунгу – это большой музунгу, сэр. Он – чудище.

– Кто-нибудь его видел?

– Те, кто его видел, сэр, уже никому и никогда об этом не расскажут. Хорошо, что вы не ищете золото...

– Это почему? – насторожился Мазур.

– Старики говорят, там много золота, – он снова указал почти в ту самую точку, где трудилась группа. – С незапамятных времен. Пираты оставили. Только никто за ним не станет нырять, потому что большой музунгу рассердится. И заберет к себе.

«Видел я твоего музунгу, парень, – подумал Мазур тоскливо. – Только на вид он самый обыкновенный, как мы с тобой, в гидрокостюме и с дыхательным аппаратом, и готовили его не в мифологической стране Чамбу-Мамбу, а в Литтл-Крике, это если для Атлантического флота, или в Коронадо, штат Калифорния, – для Тихоокеанского. Один такой музунгу у нас под ногами, в холодильнике, только ты его не увидишь никогда и не узнаешь о нем вовсе...»

– Не верите, сэр?
– Да что-то не особенно...
– И зря, – убежденно сказал полисмен. – Большой музунгу не любит, когда в него не верят...

«И хрен с ним», – подумал Мазур. Он, как и многие моряки, давно знал, что в море встречается много загадочного, не вошедшего ни в какие энциклопедии и не признанного ученым миром. Вот только если и есть это загадочное, то – в пучине. На малых глубинах ни легендарные морские змеи, ни не менее легендарные Великие Кракены пока что не появлялись – по крайней мере, надежных свидетельств тому нет. Дохлых, бывало, на мелководье выбрасывало, но и с ними до сих пор не все ясно: то ли это были останки реального чудища, то ли разложение причудливо пошутило с трупом гигантской акулы...

Очень кстати поблизости загрохотала лебедка – с левого борта шустрые загорелые ученые, настоящие, старательно опускали очередной замысловатый агрегат, не подозревая, конечно, что вместе со своей штуковиной играли роль камуфляжа... При таком шуме нормальным голосом говорить было бы трудно, и Мазур, сделав неопределенный жест, покинул знатока морских легенд. Побрел в сторону кормы, отметив, что на горизонте замаячила черная точка, заметно увеличивавшаяся.

– Кирилл!

Он обернулся. Самарин догонял его вприпрыжку, приглаживая мокрые волосы, – значит, только что вернулся со дна.

– Интересные дела, – Лаврик говорил тихо, благо грохот лебедки уже стих. – Парни только что нашли корму. Метрах примерно в двухстах к норд-норд-осту от носовой части. У самых скал. Ничего пока не ясно, но есть версия, что фрегат на эти самые скалы и налетел. Там его и разломило, а носовая часть могла отдрейфовать чуть в сторону...

– Ну и?

– Так вот, какая-то стерва нас опередила. В одной из кают – явные и недвусмысленные следы вселенского шмона, проведенного, когда корабль уже покоился на дне. Сплошные обломки ящиков. Одно утешает: проделано это, судя по состоянию интерьера, довольно давно. Годы и годы назад. Аквалангистами, несомненно.

– Интересные дела, – сказал Мазур вяло. – Дракону доложили?

– С сей высокой миссией я сюда и прибыл. Дракон, конечно, рвет и мечет. Обидно ему, как любому на его месте. Смекаешь, почему?

– Смекаю, – кивнул Мазур.

Для понимающего человека ребус был несложным. В те времена, когда

«Агамемнон» целым и невредимым пенил здешние моря, на корме обитала «белая кость», господа офицеры. Логично было предположить, что именно там, поближе к начальству, и поместили двести лет назад самую ценную часть сокровищ...

– Кто?

– А поди тут догадайся... – сквозь зубы сказал Лаврик. – Кому-то подфартило. Давно. Все обломки заново заросли этой морской дрянью так, словно парочку десятилетий валялись... Ты как себя чувствуешь?

– Нормально я себя чувствую, – сказал Мазур.

– Сходи к Лымарю, пусть осмотрит и даст заключение. Похоже, накрылась твоя увольнительная. Для кормы люди нужны, там еще копать и копать, и потом... Нужно присмотреть хорошую такую, подходящую пещерку, куда можно засунуть твоего «крестничка», чтобы никто его не нашел. Не стоит, Дракон считает, такую пакость в холодильнике держать, голимый компромат. И если... Эй, а ведь он к нам курс держит!

Мазур обернулся, посмотрел в ту сторону. Давешняя черная точка росла на глазах, двигаясь с внушающей уважение скоростью, никак не свойственной здешним рыбацким суденышкам.

– Накаркали, а? – прищурился Лаврик.

– Не помирай прежде смерти... – протянул Мазур.

В низком, остроносом силуэте просматривалось что-то знакомое. Кораблик уклонился вправо, описывая широкую дугу, теперь он был виден в профиль весь.

– Ну да, – сказал Мазур. – Узнаешь?

– Ну-ка, ну-ка... Только полиции нам не хватало для полного счастья... К Дракону бежать, что ли?

– Не дергайся, особый отдел, – сказал Мазур угрюмо. – Имей те отношение к властям или здешней полиции, нас бы уже через часок начали трясти... Рутинка какая-нибудь, они, надо полагать, тут частенько дозором бродят.

Это был тот самый кораблик под желтым с черными полосками полицейским вымпелом, что встретился им во время вылазки на катере. Тот самый пулемет на носу – как и в прошлый раз. За пулеметом никого не было, что позволяло расценивать визит как дружественный. Просто по обе стороны английской крупнокалиберной скорострелки стояли человек восемь в знакомой форме. Кое-кто из них ради сохранения равновесия попростежки цеплялся за ствол пулемета, так, словно на плетень облокотился.

– Вон того видишь? – тихо спросил Мазур. – Комиссар Ксавье собственной персоной.

– Точно, он...

Кораблик, удерживаемый на месте ходами, встал как раз напротив того места, где расположились они с Лавриком. По всему борту тянулись кранцы из старых автопокрышек, что-что, а причалить к «Сириусу» он мог свободно.

– Доброе утро, господа! – задрал голову, крикнул комиссар. – Капитан, надеюсь, уже не спит?

– Разумеется, – сказал Мазур без особой доброжелательности – у него сейчас не было охоты вести светские беседы с кем бы то ни было.

– У меня к нему срочное дело. В связи с... последними событиями на острове. Разрешите подняться на борт?

– Конечно, – сказал Мазур. – Передвиньтесь метров на пять вперед, вам трап спустят...

Он повернулся к надстройке и громко свистнул в два пальца, но палубный матрос и так уже спешил к тому месту. За кормой полицейского суденышка вскипела вода, оно шустро рванулось на несколько метров, и рулевой лихо застопорил ход так, что уже спускавшийся с борта «адмиральский» трап с поручнями и перилами оказался аккурат напротив комиссара Ксавье. Научные ребятки у лебедки смотрели на визитеров с любопытством, приставив ко лбу ладони козырьком, а откуда-то справа появился лейтенант Ожье, надо полагать, дисциплинированно спешивший с рапортом к своему непосредственному начальству.

Ксавье ловко взобрался по трапу, почти не касаясь руками тонких перил. Одернул мундир, кивнул Мазуру:

– Как дела, все нормально?

– Работаем... – отделался Мазур скупой репликой.

Следом за комиссаром вереницей поднимались его люди – трое, шестеро, семеро, многовато что-то...

Краешком глаза Мазур заметил, что лейтенант Ожье, уже было подбежавший, повел себя странно: вдруг сбился с шага, уставясь на поднимавшихся по трапу, сделал неловкое движение совершенно сбитого с толку человека, вынужденного во мгновение ока выбрать какой-то вариант действий из целой кучи мешавших друг другу побуждений. Его рука, все ускоряя движение, метнулась за спину, к большой желтой кобуре, пальцы царапнули застёжку...

И тут же лейтенант застыл в напряженной позе – прямо на него сноровисто навели парочку автоматов.

Дальше все замелькало. Крайний слева полисмен, сделав несколько быстрых шагов в сторону сгрудившихся у лебедки, выпустил длинную,

оглушительную очередь над их головами. Высокий ботинок на шнуровке впечатался лейтенанту Ожье под вздох, и он скрючился, тут же получив сверху, по шее, прикладом.

– Лежать! Лицом вниз!

– Лицом вниз, руки за голову!

– Руки вверх, руки выше!

Мазур медленно поднял руки. Предпринимать что-то в таких условиях было бы самоубийством – на него с Лавриком уставилось с полдюжины автоматов. Все, кто их держал, стояли на таком расстоянии, что о броске нечего и думать.

– Мордой на палубу, кому говорю!

Ничего не соображая, да и не пытаясь сообразить, Мазур встал на колени, растянулся вниз лицом на прогретых солнцем досках палубы. Рядом устроился в той же позе Лаврик, он лежал слева, а справа охал и кряхтел лейтенант Ожье. «Ни хрена не понимаю, – оторопело подумал Мазур, смыкая пальцы на затылке. – Ожье – самый что ни на есть натуральный полицейский чин, его сам Дирк сюда привез. Может, оказался засланным казачком, чьим-то там агентом? Ну а нас-то с какой стати по этому поводу – мордой на палубу?»

Вывернув голову, прижавшись щекой к палубе, он лежал неподвижно – ничего другого не оставалось. У самого лица тихо поскрипывали новенькие ботинки прохаживавшегося возле них часового. Неподалеку слышались крики – это укладывали физиономиями на палубу мирных советских ученых. Трап поскрипывал и раскачивался – по нему взбегали новые полицейские.

– Ожье, – тихонько сказал Мазур. – Что за новости?

Страдальчески искаженная болью физиономия лейтенанта была совсем рядом. Ожье, скрипя зубами, ответил:

– «Синие акулы», я узнал...

И замолчал, охнув, дернувшись от безжалостного пинка. Тут же спину Мазура придавил тяжелый ботинок, и чей-то голос наставительно рявкнул:

– Молчать!

Тут бы и взметнуться, взять ногу на излом, пока не хрустнет коленный сустав... Нет, рано. Непонятно, сколько их там, еще всадят пару очередей, пока будешь выламывать часовому ноженьку...

– Вам не кажется, мистер Мазур, что это хороший заголовок для детективного романа? – совершенно непринужденно произнес у него над головой Ксавье. – «Визит комиссара Ксавье». Что вы молчите?

– Часовой не велит.

– Ничего, говорите...

– Что это все значит?

– Да сущие пустяки, если подумать, – весело сказал комиссар. – Скоро вам все объяснят...

И отошел, судя по звукам. Тянулись минуты. Как ни странно, Мазур почувствовал некоторое облегчение. Из-за того, что успел сказать бедняга Ожье. Не власти, а сепаратисты. Значит, никакого скандала на весь «свободный мир», никакого провала. Интересно, что им нужно? Заложники? Или...

– Мистер Мазур, можете встать, – сказал вернувшийся Ксавье.

– А от часового я не получу? – спросил Мазур не двигаясь, старательно изображая запуганного оружием интеллигента.

– Помилуйте! Кто же это рискнет нанести телесные повреждения советскому ученому, гостю нашей республики? Вставайте, мистер Мазур. Только, я вас душевно предупреждаю, не вздумайте откалывать какие-нибудь номера. Мои люди будут стрелять по ногам, что, в общем, не смертельно, однако крайне неприятно... Ясно?

– Что тут неясного... – проворчал Мазур.

– Руки держите за спиной, пожалуйста.

Они с Самариным двинулись под конвоем четырех автоматчиков. В одном Мазур быстро опознал подчиненного Ожье – не того, что пытался шаманскими зельями умиловить большого музунгу, второго.

– Ксавье, кто вы такой? – спросил Мазур, не оборачиваясь.

– Патриот своей страны, мистер Мазур, – хохотнул Ксавье. – Вас такое объяснение устраивает?

Мазура оно совершенно не устраивало. Патриот? Мало ли гнусностей творилось под этой абстрактной маской? Но он благоразумно промолчал. Вскоре их с Лавриком втолкнули в корабельный лазарет, где в уголке уже сидели испуганная Мадлен и Дракон, на вид растерянный, подавленный, но в душе, конечно, кипевший холодной мстительностью.

«Гражданских» они, конечно, без особого труда ошеломили и согнали в кучу, как баранов. Дальше «каптерки», разумеется, не продвинулись. Ребята, вернувшись, размазали бы эту банду по стенам... но они ни о чем не подозревают, по-стахановски трудятся возле «Агамемнона»... Интересно, успел ли дежурный по «каптерке», прежде чем до него добрались, подать сигнал в «секретную часть»? А если успел, что толку? Мичман в «секретной», конечно, затаится, но ничего пока что предпринимать не станет. Положеньице...

Ксавье непринужденно занял место доктора Лымаря за белым столом.

Рядом с ним присел на краешек стола плотный бородач лет сорока, державшийся со спокойной уверенностью командира. Автоматчики оттянулись к двери, где и выстроились в шеренгу, держа четверых пленников на прицеле.

– Итак, господа... – сказал Ксавье, вытянув из нагрудного кармана тонкую сигару. – Могу вас обрадовать: операция прошла прекрасно. Радиорубка захвачена, радист нейтрализован, ваш первый помощник, капитан, перед лицом убедительных, отточенных до бритвенной остроты аргументов уже обрисовал по внутренней судовой трансляции положение дел и убедительно просил не сопротивляться. Так что мы можем беседовать совершенно спокойно. Причем я бы вам решительно не советовал питать глупые надежды на помощь извне. Весь окружающий мир ничего о случившемся с вами не знает и не узнает еще долго...

– Поменьше болтовни, Ксав, – буркнул бородач.

Судя по лицу Ксавье, в данном случае он был простым подчиненным, а вот главным – как раз бородач. «Симпатичный мужик, – оценил Мазур, – такой глотку перережет без всяких угрызений совести...»

– Хочу вам представить господина Таберже, – показал Ксавье на бородач. – Начальник штаба Фронта национального освобождения Восточных островов.

– В просторечии – «синие акулы», – пробасил бородач. – По терминологии правящего режима – «сепаратисты». На деле – борцы за подлинную демократию, за свержение полностью себя скомпрометировавшего проимпериалистического режима.

Мазур подумал, что начальник штаба, чего доброго, закатит длинную речь по примеру Фиделя Кастро, но бородач, как оказалось, был скорее человеком действия. Посчитав, что сказал достаточно, он извлек из кобуры увесистый кольт, покачал им в воздухе, многозначительно глядя на пленников, положил рядом с собой на стол и подтолкнул комиссара:

– Давай, начинай дипломатию. У тебя лучше получится...

– Итак, дама и господа... – светски улыбаясь, сказал Ксавье. – По-моему, вы все четверо люди сообразительные... Надеюсь, уже поняли, почему господин Таберже пригласил для беседы именно вас? Ну что же вы так старательно изображаете на лицах полнейшее недоумение? Позволю себе напомнить, что вы трое – четвертый сейчас под водой, а? – предприняли недавно прогулку на катере к Кирари, зачем-то прихватив с собой акваланги... а вы, капитан, вместе с мистером Мазуром навещали мадемуазель Мадлен, после чего она отправилась с вами в плавание. Ну?

Ах, вы придали вашим открытым и простецким физиономиям выражение вовсе уж полного идиотизма... Зря, господа.

– Я с вами церемониться не буду, – мрачно пообещал бородач.

– Леон говорит сущую правду, – сказал Ксавье. – И это вовсе не пустые угрозы. Борцы за свободу слишком многое повидали, чтобы испытывать трепет перед какими-то иностранцами... Короче говоря, как обстоят дела с сокровищами затонувшего фрегата? Сколько вы уже подняли? Только, я вас умоляю, не стоит округлять глаза и восклицать: «Да о чем вы!» Мы – серьезные люди, господа. И ни за что не предприняли бы сегодняшнего рейда, не располагая точной информацией о том насквозь предосудительном с точки зрения местных законов дельце, которое вы пятеро хотели повернуть... Вы где-то раздобыли точные сведения об «Агамемноне». И потихоньку стали выгребать сокровища. Ай-яй-яй, господа... Простительно было бы мадемуазель Мадлен, продукту растленного буржуазного общества. Но вы-то, советские люди... Вы меня разочаровали, клянусь. Вы разрушили в моих глазах образ советского человека, бескорыстного друга освобожденных от колониальной зависимости народов... Не могу даже описать, как я удручен... Под носом у команды, у благородных ученых и политических руководителей проворачивать свой грязный бизнес...

«Пожалуй что, он вполне искренен, – подумал Мазур. – И в самом деле полагает, что мы пятеро – художественная самодеятельность, кустари. Вот что значит провинциальное мышление чиновничка крохотной республики. Ему и в голову не придет оценить масштаб и размах, догадаться, что весь „Сириус“ – инструмент государства... И прекрасно».

– Что вы хотите? – глядя исподлобья, спросил Дракон.

– Неужели вы до сих пор не поняли? Плохо верится... Капитан, любая революционная борьба требует денег. Поэтому, как это ни прискорбно, вам придется вернуть награбленные у ахатинского народа сокровища его лучшим представителям. Если все пройдет гладко, если я останусь... если мы останемся вами довольны, вам, пожалуй, оставят по горсточке. Но не более, господа, советую не строить иллюзий. Вы и за горсточку должны быть благодарны на всю оставшуюся жизнь. Чересчур уж легко перерезать вам глотки и вышвырнуть за борт. Или, если быть гуманистами, информировать ваше правительство и полицию о том, чем вы тут занимались. Вряд ли ваше поведение одобрят на родине...

– Короче, – поерзал бородач.

– Давайте наплюем на дипломатию, – сказал Ксавье уже без улыбки. – Мы не можем позволить себе такую роскошь – устраивать на судне

скрупулезный обыск. Я много лет прослужил в полиции, господа. И прекрасно представляю, сколько великолепных тайников можно без особых хлопот оборудовать на большом современном судне вроде вашего. В свое время я стажировался на ливерпульской таможне, имею опыт... Чтобы обнаружить сокровища самим, нам потребуется пара недель и не менее батальона бойцов... Это нереально. Поэтому единственная надежда – на вашу откровенность. Никто не будет с вами церемониться. – Он встал, подошел к стеклянному шкафу, вытащил первый попавшийся ящичек с инструментами и задумчиво подбросил на ладони зубоврачебные щипцы жуткого вида. – Судя по личику мадемуазель Мадлен, на коем имеет место некоторая бледность, она хорошо себе представляет положение дел. И не путает Фронт с Армией Спасения. Я прав, мадемуазель? Вот видите... – Он пощелкал щипцами. – Чего только не придумает пытливая мысль белых эскулапов... Итак? Есть масса вариантов. Можно начать с вас, Мадлен. Вряд ли вам понравится, если вас старательно пропустят через взвод. Или испортят ваше очаровательное личико какой-то из этих штук. Можно начать с вас, капитан, вы пожилой человек, а значит, в отличие от ваших молодых сообщников, научились ценить жизнь. И боль наверняка переносите хуже. Впрочем, и эти крепкие молодые люди могут разговориться, когда им прищемят особенно уязвимые части организма... – Он смотрел холодно и зло. – А? Отрезать для начала по яйцу – все выложите, чтобы не лишиться второго... Я не шучу, господа...

– Он не шутит, – подтвердил бородач. – Нисколько. Правда, я хочу внести поправки. Можно и по-другому. Я попросту прикажу, чтобы сюда одного за другим приводили членов команды, начиная с женщин, и буду их здесь шлепать. Скажем, по человеку в пять минут. Ну, а если на вас это поучительное зрелище не подействует, придется все же претворить в жизнь все, что вам обещал Ксав. Только при таком раскладе я не дам за ваши головы ни пенни. Если мы начнем убивать, волей-неволей придется принять меры, чтобы свидетелей не осталось вообще. Понимаете? Вы в этом случае сдохнете последними, всего-то и преимуществ. Одно скажу: я сюда пришел за сокровищами и без них не уйду.

– С чего вы вообще взяли, что мы... – начала было Мадлен.

– Мадемуазель... – с мягким укором сказал Ксавье. – Не будете ли так любезны объяснить, откуда у вас в квартирке секстан с «Агамемнона» и золотые монеты короля Георга? Молчите? То-то... Даже если вы не успели поднять много, место наверняка знаете точно.

– А где гарантии, что мы останемся живы? – спросил вдруг Лаврик.

Он определенно начал какую-то игру. Еще ничего не понимая толком,

но стремясь подыграть, Мазур поддержал:

– Вот-вот, где гарантии?

– Гарантии? – хмыкнул бородатый Леон. – Видите ли, мне не хочется без крайней нужды представлять перед миром чудовищем, которое столь безжалостно разделалось с советскими людьми. Я серьезный человек, господа. Моя задача – взять власть, а не удрать с мешком награбленного золота. Без крайней нужды мне не хотелось бы применять крайние меры. Но если вы меня вынудите... – Он осклабился. – Вам придется верить, потому что другого выхода у вас попросту нет. Получите самое ценное – жизнь...

Лаврик с большим сомнением покачал головой, пожал плечами:

– Кто вас знает, герр команданте...

Бородатый Леон, не изменившись в лице и позе, что-то громко рывкнул на креольском. Мазур на всякий случай напряжился, выбрал цель для броска – того типа, что стоял к нему ближе всех. В руках у него, как и у остальных, был «Стерлинг» с глушителем. Удобная штучка, короткая, прикладистая, тридцать четыре патрона. Далековато стоит, да и народу в каюте слишком много, получится каша...

Однако ничего страшного не произошло. Тот, кого Мазур только что наметил в качестве наиболее реальной цели, шустро выскочил за дверь. И через пару минут вернулся, подталкивая металлическим плечевым упором автомата двух печально выглядевших служителей закона – лейтенанта Ожье и того парня, что просвещал Мазура насчет большого музунгу. С ними, похоже, не церемонились вовсе – на лицах кровь и припухлости.

Короткая команда – и обоих поставили на колени посреди каюты. Леон, сидя в прежней позе, плавным движением достал из-за отворота мундира «Вальтер» с глушителем. Держа пистолет горизонтально, словно бы никуда конкретно не целясь, потянул спуск. Глушитель с кашляющим звуком выплюнул узкий лепесток желтого огня.

Полицейский медленно опрокинулся набок, повалился на пол и замер, только ноги конвульсивно подергивались. Со своего места Мазур хорошо видел посреди его лба черную дырочку с опаленными краями. Ожье зажмурился, вжимая голову в плечи. «Вот тебе и большой музунгу, – растерянно подумал Мазур, – не того ты, парень, боялся...»

– Кто-нибудь здесь еще полагает, что я шучу? – спокойно спросил Леон. – Лейтенант – следующий. Потом настанет очередь ваших людей, капитан. Что поделать, у меня больше нет местного материала, а вы, я вижу, чертовски упрямы...

Глава восьмая

И вновь завертит нас...

– Ну хорошо, хорошо! – истерически вскрикнул Лаврик. – Давайте, я покажу... Пошли...

– Это почему же ты? – дернулся к нему Мазур, налетел грудью на предусмотрительно выставленный ствол автомата и замер. Повторил с дрожью в голосе: – Это почему же ты один?

– Вот это уже лучше, – сказал Леон с некоторым одобрением. – Все идет, капитан, как я и предсказывал: ребятки, даром что молоды, хотят жить... Ксав, возьми-ка обоих и в темпе двигай к тайнику. Если они не принесут сюда все через...

– Вы что, рехнулись? – огрызнулся Лаврик. – «Принесут»... Там килограммов двести золота, только и бегать с такой ношей на горбу по кораблю...

– Да? – спокойно сказал бородач. – Ну, простите, господа, увлекся. В самом деле, я как-то не подумал... Просто покажете тайник. Ксав, если не уложите в четверть часа, я велю ухлопать этих, – он кивнул на Мадлен и Дракона. – Вам ясно, господа кладоискатели?

– Не уложимся, – сказал Мазур. – Одна дорога сколько времени займет – нам в нижний трюм спускаться, потом вылезать оттуда, да и тайник нужно еще открывать, мы же не в простой шкафчик все свалили...

– Ну ладно, полчаса, – сказал Леон. Как он ни пытался остаться невозмутимым, а глаза поблескивали азартом. – Покажете тайник Ксаву, возьмете пару пригоршней для наглядности и быстренько – назад. Или через полчаса этих двоих... Живо!

Повинуясь его жесту, двое автоматчиков развернулись к Мазуру с Лавриком, бдительно наставили трещотки. Ксавье, поигрывая пистолетом с глушителем, любезно предложил:

– Пойдемте, господа? Руки за спиной держите, так будет спокойнее и мне, и вам...

Они вышли из каюты и двинулись по коридорам – пустым, тихим, ничуть не изменившимся. Когда свернули за угол, Мазур, чуть повернув голову, негромко сказал:

– Ваши парни не услышат... Комиссар, вы вроде бы насквозь городской, культурный человек... Что вам в этой политике?

Комиссар хмыкнул:

– Мистер Мазур, государственность у нас еще не устоялась, и возможны самые решительные изменения...

– Хотите быть министром внутренних дел?

– А почему бы и нет?

– Это зыбко и нереально, – сказал Мазур, не замедляя шага. – А ценности есть ценности. Мы могли бы договориться, лучше уж делить на шестерых, чем отдавать неизвестно кому на самые дурацкие цели... Все равно этот ваш герильяс их пустит по ветру, на революцию или как там это у вас зовется...

Краешком глаза он видел лицо комиссара – честное слово, на нем какой-то миг присутствовало тягостное раздумье и борьба чувств. Комиссар Ксавье, человек в годах, был прагматиком, а не юным герильясом из пальмовых джунглей...

– Ну? – спросил Мазур.

– Мистер Мазур, там осталось двенадцать человек, не считая Леона, – ответил Ксавье быстрым шепотом, с ноткой явственного сожаления. – Я рискую запутаться в нешуточных сложностях... Справиться со всеми – нереально, да и остаток дней придется жить в вечном страхе, в особенности если переворот все же произойдет... Живо! – прикрикнул он, как человек, принявший окончательное решение. – У вас мало времени...

– Я помню, – сказал Мазур. – Сюда...

Увы, внести раскол в ряды противника не удалось. Ксавье вряд ли отличался особой идеологической преданностью этому их Фронту, но вот мести оставшихся безусловно боялся так, что это перевешивало любую жажду золота. И все же Мазур предпринял еще одну попытку. Он уже не надеялся прельстить комиссара златом, но следовало привести его в состояние тягостных раздумий. От этого у него ослабнет внимание, реакция станет уже не та, проще будет работать.

– Комиссар, – сказал Мазур. – А вы уверены, что эти парни с вами не согласны? Вдруг они тоже прагматики? Давайте спросим...

– Шагайте! – с долгожданными истерическими нотками в голосе поторопил Ксавье. – И не вздумайте...

– Давайте попытаемся, а? – гнул свое Мазур. – Нас будет уже пятеро, там, в капитанской каюте, ваших тоже пятеро, можно будет использовать момент...

– Вперед! – прямо-таки взвизгнул комиссар. – Хотите, чтобы они услышали?! Далеко еще?

– Уже пришли, – успокоил Самарин, распахивая дверь «каптерки».

– Ну, и где тут можно спрятать пару центнеров золота?

– Сейчас увидите, – Самарин прошел в конец помещения. – Нужно нажать кнопочки на этой штуке...

– Подождите! – Комиссар подозрительно оглядел его, дулом пистолета отодвинул в сторону. – Я сам. Говорите код.

– Девять, шесть, четыре... – монотонно начал Лаврик.

Мазур украдкой покосился вправо-влево. Расклад был не столь уж безнадежен. Комиссар старательно нажимал кнопки, следуя самаринской подсказке, двое автоматчиков вынуждены были из-за тесноты прохода встать довольно близко... Есть шанс, ребята, и немаленький!

– Три, четыре, восемь, шесть, восемь...

Комиссар Ксавье легонько отшатнулся, когда кусок стены почти бесшумно пополз вправо. Приготовил пистолет.

Возможно, троица не удивилась бы так, окажись за потайной дверью небольшой шкаф, нечто вроде сейфа. Однако их взорам неожиданно открылось довольно большое помещение, где мог без особой толчеи разместиться целый взвод, каюта без окон, с двумя электрическими лампами под потолком, одеждой на вешалках вдоль правой стены, рядом обуви...

Они лопухнулись на миг, и этого хватило. Мазур ребром ладони врезал по запястью комиссара, оказавшемуся у широкого металлического косяка, прямо-таки меж молотом и наковальней. Отчаянный вопль боли, пистолет выпал из руки, и еще раньше, чем он стукнулся об пол, Мазур четко крутнулся на четверть оборота, на идеальные сорок пять градусов, подошвой выбил автомат, крутнулся в противоположном направлении – и его нога смачно вошла в соприкосновение с горлом противника меж кадыком и подбородком. Подхватив автомат на лету, он отпрянул к стене, готовый полоснуть короткой очередью. Но второй «партизан» уже оседал, скрючившись в три погибели, издавая нечто вроде мычания, и в следующий миг Лаврик обрушил толстый кожух автоматного затвора на его висок.

Мазур опрометью бросился к двери «каптерки» и запер ее изнутри. Бегом вернувшись назад, с размаху пнул сгорбившегося комиссара под копчик, забросив его в «предбанник». Комиссар шумно приземлился физиономией на крашенные доски пола, взвыл. Мазур ухватил своего лежащего за шиворот и штанину, головой вперед бросил туда же. Рядом громко упал ушибленный Лавриком. Похоже, оба уже отправились в Края Счастливой Охоты или как здесь это именуется, но никаких особых эмоций Мазур по этому прискорбному поводу не испытывал, некогда было.

Обернувшись к второй двери с зиявшей на высоте глаз широкой

горизонтальной щелью, он громко позвал:

– Хусаиныч! Где ты там? Не пальни сгоряча...

В амбразуре что-то мелькнуло, дверь распахнулась, показался с автоматом наизготовку мичман Хусаинов – человек здоровенный, невозмутимый и абсолютно не сентиментальный, прошедший огни и воды сверхсрочник. Медных труб он, правда, не удостоился, но это его вряд ли удручало.

– Шо у вас там? – спросил он, переступив порог и за неимением другой подходящей цели направив автомат на стонущего Ксавье. – Был сигнал тревоги, а потом – тишина...

– Партизаны, мать их, – кратко проинформировал Мазур. – Золото им подавай...

– Ты, сука переметная! – шепотом рявкнул Лаврик, сидя на корточках над стонущим комиссаром. Задрал ему голову и упер под нижнюю челюсть глушитель «Стерлинга». – Их там и точно двенадцать?

– Без Леона... – прошептал комиссар.

– Диспозиция? Кто где? Живо, тварь!

– Я полицейский... – выдавил Ксавье. – Вы ответите...

– Интересно, как это ты докажешь с того света, что именно мы тебя хлопнули? – Лаврик усмехнулся так, что впечатлительному человеку этого было бы достаточно. – Говори, сволочь! Если не обманешь – в героя тебя превратим, в борца с сепаратистами... Еще и медаль получишь...

– Вы не ученые... – оторопело прошептал комиссар. – Вы не похожи... Лаврик упер глушитель посильнее.

– Вы мне гарантируете жизнь?

– А то! – заверил Лаврик. – Как в конторе Ллойда!

– На нашем... на корабле Леона остались двое. Одного послали сторожить радиорубку. Один на палубе. Трое стерегут заложников...

– Что, у ваших большой опыт в захвате заложников?

– Не особенно... Была пара случаев, не больше... Еще один наверняка в машинном отделении, на всякий пожарный... Вы мне обещали...

– Обещали – сделаем, – похлопал его по плечу Лаврик. – Будешь жить, скотина...

Мазур смотрел на комиссара спокойно и отстраненно. Он слишком хорошо понимал, что оставаться тому в живых никак не следует. Постороннего свидетеля, видевшего «секретную», никак нельзя выпускать из нее в живом виде. Благо есть прекрасная возможность списать все на злодейства «синих акул». Ничего личного, как выражался герой того американского боевика. В конце концов, никто его не заставлял, презрев

служебный долг и присягу, связываться с сепаратистами-путчистами. В министры захотелось, видите ли...

– Хусаиныч, ты его оформишь? – небрежно спросил Лаврик по-русски, кивая на Ксавье.

– Об чем проблемы, как говорят у нас в Одессе... – преспокойно кивнул мичман.

Мазур стал сбрасывать одежду в лихорадочном темпе. Лаврик пару секунд наблюдал за ним, потом в глазах появилось понимание:

– Водой?

– Так надежнее, – сказал Мазур, поддергивая трусы. – Не ждут они никого с воды... Ну, что стоишь, особый отдел?

Лаврик сбросил туфли, не озабочась развязыванием шнурков.

– Хусаиныч, дай-ка хороший мешок, чтобы все это упаковать, – распорядился Мазур, отстегивая подсумок с пояса неподвижно лежавшего клиента. – Непромокаемый...

Спохватившись, расстегнул ремешок именных часов, бережно положил на стеллаж – первая в жизни награда от командования за шлюпочные гонки еще в курсантские времена, жалко...

Ребят бы сюда... Но до них не докричишься. Тянуть телефонный провод по дну Дракон запретил – в эти места, хоть и заповедные, все же наведывались рыбаки с лицензиями, могли зацепить сетью, пошли бы потом разговоры. В силу известных причин «Сириус», ясное дело, не мог поднять на мачту известный международный сигнал, возвещающий, что на дне работают водолазы...

* * *

...Он первым, головой вперед, выскользнул из шлюзового люка. Бережно держа в левой черный пластмассовый мешок с автоматом и подсумками, оглянулся на Лаврика. Особист плыл следом, в общем, удовлетворительно. Не растерял кое-какие навыки. Время летит, время, нужно поспешать...

Мазур обогнул руль «Сириуса», бросив беглый взгляд на неподвижно застывший винт. Несколько сильными гребками погрузился метра на три поглубже, чтобы не заметили с борта пиратского суденышка. Вряд ли они бдительно наблюдают за водной гладью, но осторожность не помешает, боевой пловец наиболее уязвим как раз при выходе из воды на объект, когда меняет одну стихию на другую...

Над головой чернело овальное пятно, днище кораблика, вокруг него причудливой светлой сетью сплетались солнечные блики. В атаку нужно идти, конечно же, первым – Лаврик еще может сносно бултыхаться под водой, но вряд ли сумеет обрушиться как надлежит, кто его этому учил?!

Жестами Мазур постарался объяснить задачу. Лаврик кивнул – дай-то бог, чтобы все понял...

Мазур поплыл к корме. Лаврик, поднырнув под днище, ушел на другую сторону суденьшка. Надо же, ракушек на днищеросло сверх меры, плохо заботилась полиция о своем транспортном средстве, давно чистить пора... Корма... Руль... Замерший винт, темные ряды заклепок на обшивке...

Еще раз хорошенько прокрутив в памяти общий вид кораблика, его надстроек, длину и ширину, Мазур ухватился за толстую железину, перо руля, поставил на нее ногу, уселся верхом. Медленно высунул голову над поверхностью воды, посмотрел вверх. Над низкими перильцами на корме не появились ни голова, ни дуло автомата. Порядок. Перекрыв вентили, он сбросил акваланг одной рукой, подержал его на весу и разжал пальцы. Моментально оправдав законы физики, акваланг пошел ко дну, как топор: ну, никуда не денется...

За аквалангом последовали ласты. Застегнув на мокром теле ремни подсумка, Мазур достал автомат из мешка, поставил правую ногу на широкую железину руля, проверил, не соскользнет ли, и одним сильным, отточенным рывком перебросив тело, оказался на палубе, приземлился на расставленные ноги.

Пригнувшись, поводя стволом автомата, прислушался. Тишина. Выглянул за борт. Возле руля маячил Лаврик, неуклюже, не в пример Мазуру, освобождавшийся от акваланга.

Пора. Перегнувшись туда, Мазур протянул руку и выдернул напарника на корму. Разомкнувшись, они двинулись вдоль бортов, вдоль надстройки. Опа!

Не меняя положения, Мазур выпустил короткую очередь – и обнаружившийся на дороге человек выпустил автомат, завалился, подломившись в коленках. Стук автомата о доски палубы показался громом. Метнувшись вперед, Мазур убедился, что правки уже не требуется. Побежал на цыпочках дальше, услышал неподалеку кашляющие щелчки очереди. Ага, на носу – никого, если не считать пулемета, не способного самостоятельно оказать сопротивление...

Из-за надстройки показался Лаврик, поднял большой палец. Можно было и не спрашивать, чем там кончилось с его клиентом. Мазур

передвинулся правее...

Некогда было разворачивать автомат в ту сторону, он не успел бы.левой рукой вырвав нож из черных ножен, Мазур нанес короткий, экононый удар под горло, повернул клинок по всем правилам и, вырывая, ударил ногой, отправив противника за дверь. Надо же, нос к носу столкнулись, а этот сучонок говорил, что на кораблике осталось только двое...

– Посмотри там... – приказал Мазур, проиллюстрировав распоряжение выразительным жестом.

Лаврик нырнул в низкую дверцу. Мазур скользнул следом, прижался к стене возле косяка так, чтобы его не заметили с борта «Сириуса». Секунды тянулись невероятно долго, вызывая прямо-таки физическую боль, он старательно прислушивался, но внутри не слышалось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего шум схватки.

Наконец Лаврик появился из тесных недр судна, пожал плечами:

– Никого.

– Ну, тогда пошли... – сказал Мазур. – Только сначала этих внутрь нужно заволочь, а то заметят еще...

Он поднимался по «адмиральскому» трапу первым, пригнувшись, держа автомат на весу в правой руке. Когда его голова вот-вот должна была показаться над бортом, спохватился, нагнулся к взбиравшемуся следом Лаврику, прошептал:

– Их же никого нельзя оставлять вживе...

– Не учи ученого... – покривился Лаврик.

Нельзя было оставлять живых свидетелей, которые потом смогут протрещаться полиции, зачем устроили налет на судно. Вполне возможно, бородатый Леон, человек серьезный, далеко не всем раскрыл истинные цели операции, но рисковать все же не стоит...

Одним прыжком Мазур оказался на палубе. Огляделся. Человек в синем мундире, сидевший на красном пожарном ящике, только и успел вскочить, поднять с колен автомат, а больше ничего уже не успел, скупая очередь, серия кашляющих щелчков, швырнула его назад, и он, нелепо мотнувшись, сполз на палубу.

Стояла покойная тишина, за бортом искрился мириадам искр океан, вдали колыхались верхушки пальм, и у высоких рифов кипел прилив. Ощущение дурного сна, тягостного кошмара не проходило, хотя и было профессионально загнано в дальний угол сознания.

Заложники наверняка согнаны в большую кают-компанию – другого подходящего помещения на корабле попросту нет. У «синих акул» нет

никакого опыта скоротечного боя на большом современном корабле, их вряд ли этому учили, тут Ксавье не соврал, они до сих пор пробавлялись диверсионными налетами на окраинные полицейские участки и прибрежные городки, а это совсем другая тактика и выучка...

– Давай в радиорубку, потом – в кают-компанию, – сказал Мазур, не теряя времени. – Справишься?

– Справлюсь, – кратко ответил Лаврик.

Он не суетился, не дергался и в общем вполне устраивал Мазура в качестве напарника для данного конкретного случая. Пожалуй, к osobистам Мазур был раньше не вполне справедлив – или, по крайней мере, к Лаврику персонально. Но некогда было извиняться за прошлое, вообще расплываться эмоциями...

– Поехали...

Мазур неся по коридорам, по переходам, по трапам, беззвучно переставляя ноги, скользя на цыпочках диковинным привидением. Вокруг было пусто и тихо, показалось на миг, что за время его отсутствия из пучины всплыл-таки неведомый и страшный большой музунгу, ухитрился, не причинив ни малейших повреждений кораблю, как-то забрать с собой в глубину всех без исключения людей и он, Мазур, оказался на «Летучем Голландце» новейшего образца, Лаврика тоже уже нет, и Мазур остался один-одинешенек...

Мельком выругав себя за эти мысли, он замедлил шаг. Осторожно подкрался к дверям капитанской каюты. Те двое с автоматами – тоже, конечно, не подарок, но опаснее всех бородатый Леон, его нужно, кровь из носу, валить первым, больно уж ловко обращается с оружием, сволочь...

Какой-то миг колебался: выдумать нечто для секундного ошеломления противника или войти без психологических выкрутасов? В конце концов решил не рисковать. При малейшей оплошности психологические выкрутасы могут дорого обойтись, когда имеешь дело с типом вроде Леона... С превеликой осторожностью прислушался.

– ...бездарная затея, друг мой, – гудел бас Дракона. – Предположим, вы нас всех перережете. У вас вид человека, который на это вполне способен. Но идеальных преступлений не бывает, знаете ли. А если и бывают, то – в других условиях. Чересчур много будет свидетелей. Если вы и в самом деле собираетесь стать президентом, нужно подумать о политическом будущем...

– А кто вам сказал, что я не думаю? – послышался насмешливый голос Леона.

«Молодец наш старый хрен, – мимолетно восхитился Мазур. – Втянул

гада в разговор, легонько рассеяв внимание, прекрасно понял, что мы намерены в темпе предпринять нечто активное...»

Он постоял еще с полминуты, вслушиваясь в редкие, язвительные реплики Леона, чтобы точно определить по таковым его местонахождение. Пожалуй что, ошибки быть не может: бородатый по-прежнему сидит либо на столе, либо за столом. Ну, морские черти, выносите своего...

С силой толкнув ногой дверь, Мазур головой вперед, «щучкой» нырнул в каюту, еще в полете нажимая спусковой крючок автомата. Над его головой что-то противно, знакомо взыкнуло – ну, сука, отменная реакция! – но мигом позже точная очередь прямо-таки отшвырнула Леона вместе с креслом, смяла, бросила на пол. Не теряя времени, Мазур перекатился – справа от него пули ударили в пол, взметая щепки, – дважды нажал на спуск.

Выпрямился, встал на расставленных ногах, голый, еще влажный. Один автоматчик валялся неподвижно, с беглого взгляда видно, что с ним все в ажуре. Второй попытался подняться на колени, но Мазур короткой очередью внес необходимые поправки.

– Что вы наделали! – горестно возопил лейтенант Ожье, вскочив с колен. – Нам необходим хоть один пленный, можно было допросить...

– А вы что, не знаете, зачем они нагрянули? – спросил Мазур, ковавший пресловутое железо, когда оно горячо.

– Откуда мне знать? – огрызнулся лейтенант, проворно кидаясь к столу, чтобы завладеть кольцом Леона. – Меня били по морде без всяких объяснений...

Мазур успел обменяться с Драконом быстрым понимающим взглядом.

Дракон едва заметно мотнул головой, и Мазур кивнул, показывая, что понял. Лейтенант Ожье, вытащивший наконец тяжелый пистолет из руки свеженького покойника, понятия не имел, что в сей краткий миг решилась его судьба и он сможет дальше наслаждаться жизнью, представления не имея, что жизнь ему только что подарили. Успей при нем кто-нибудь из нападавших протрепаться о цели визита, участь симпатичного лейтенанта, по лицу Дракона видно, была бы решена недвусмысленно. Героически погиб в неравной схватке со злодеями-сепаратистами, всего и делов. Мадлен не выдала бы – не в ее интересах...

– Господа, нужно действовать! – Обретя свободу и оружие, лейтенант вмиг стал неимоверно воинственным и энергичным. – Их не так уж много... Как вам удалось?

– Потом, – отмахнулся Мазур. – Долго рассказывать...

Мадлен таращилась на него с восторженным ужасом, однако в

истерику, похоже, срываться не собиралась – и слава богу...

– Вперед! – лейтенант рванулся к двери.

– Подождите, – остановил его Мазур. – Там с ними уже занимаются...

Тс-с!

Он жестом приказал лейтенанту встать к косяку так, чтобы из коридора его не заметили. Сам метнулся за приоткрытую дверь – в коридоре явственно слышались быстрые шаги... чересчур звучные для обутого...

И тут снаружи послышалось громкое, насквозь фальшивое пение:

И вновь завертит нас
кадриль моя подводная,
глубинный перепляс...

У Мазура отлегло от сердца. Он вышел из-за двери уже в открытую, махнул лейтенанту, сжимавшему кольт обеими руками на манер американских полисменов из боевиков:

– Опустите пушку. Свой...

Лаврик вошел, держа автомат стволом вниз. Усмехнулся:

– Ну, нормально. Я боялся, что кто-нибудь пальнет сгоряча... Все в порядке. Там, с заложниками, их было трое.

– И что? – выпалил лейтенант.

– Я же говорю – было, – устало ответил Самарин.

Лейтенант Ожье в полнейшем оторопении вертел головой, опустив тяжелый пистоль, переводя взгляд с одного на другого:

– Вы, русские, – загадочный народ... Хотите сказать, что вы... что всех...

– Ну, не всех, – мотнул головой Лаврик. – Двое или трое, насколько нам удалось выяснить, все еще торчат в машинном. Их нужно оттуда аккуратненько извлечь, пока бед не натворили...

– Но их корабль...

– Там тоже все в порядке, – сказал Мазур. – Что вы удивляетесь, лейтенант? Жить захочешь – еще не так завертишься... Пошли?

«А главное, – добавил он про себя, – ухитриться шлепнуть оставшихся так, чтобы выглядело естественно, чтобы они не успели с Ожье и словом перемолвиться. Вот это и будет самое трудное, остальное-то – чепуха, зря, что ли, государство тратило на нас деньги?»

Часть третья

Аромат золота

Глава первая

Награды, которые находят героев

Его высокопревосходительство Арман Лажевен, всемогущий губернатор острова Баэ, восседал прямо напротив Мазура, по другую сторону богато украшенного стола. Неизвестно, что он являл собою как государственный муж, но нельзя было не признать за ним редкую импозантность и внушительность. Величественный был господин – с его плавными движениями, негромким голосом облеченного немалой властью человека, знающего, что каждое тихо произнесенное слово будут ловить со всем тщанием, с его безукоризненным белоснежным костюмом и гирляндой орденовских ленточек.

Посол Советского Союза, признал Мазур в глубине души с некоторой долей обиды за державу, рядом с губернатором смотрелся не в пример тусклее. Дело даже не в его облике захолустного директора школы, а в состоянии общей пришибленности, свойственной человеку, неожиданно ошарашенному из-за угла пыльным мешком. Понаблюдав за ним немного, Мазур теперь мог со всей уверенностью сказать, что послу ничегошеньки не известно о высокой миссии «Сириуса» и секретной части корабля: он держался скорее как насмерть перепуганный клерк, судорожно, лихорадочно гадающий, не выйдет ли ему боком вся эта история с налетом сепаратистов на мирный советский корабль, не отыщется ли в ней некоего, способного безоговорочно замарать послужной список и карьеру подвоха.

Если совсем откровенно, у Мазура понемногу стала прорезаться интересная, но чуточку шокирующая догадка: а не из штрафников ли этот самый посол? В армии, он прекрасно знал, за упущения и прегрешения по службе могут в два счета закатать в унылую, совершеннейшую Тмутаракань. Быть может, и в дипломатии обстоит точно так же? И в советской тоже? Не бог весть какая заграница эти Ахатинские острова, если смотреть не с чисто географической, а со многих других точек зрения...

Но, разумеется, у него хватило благоразумия держать сии крамольные идеи при себе. Сидел себе за столом, послушно ковыряя подаваемое то ложкой, то одной из многочисленных вилок, и рад был, что о нем словно бы и забыли – губернатор вел неспешную, светскую беседу с Драконом касательно перспектив рыболовецкого промысла и доли науки в развитии такового. Остальные почтительно внимали. Хорошо еще, народу за столом

было не так уж и много: они с Лавриком, как нечаянные герои дня, Дракон с губернатором, посол с парочкой каких-то незнакомых, столь же скованных, четверо элегантных господ из губернаторской свиты, державшихся в присутствии патрона так, что казались зеркальным отражением посольских. Да еще субинтендант Дирк, чопорный и прямой, словно аршин проглотил. Накрыли стол в большой кают-компании, а всякие разносолы, не значившиеся в корабельном меню, доставили посольские, прибывшие на одном корабле с губернатором. Мазур впервые оказался на столь представительном приеме, сравнивать ему было решительно не с чем, и потому он держал в памяти одно: локти на стол не класть...

– Господа, – словно спохватился губернатор. – Мы, право, за этими пустяками совсем забыли о герое дня... – и он уставился напрямик на Мазура.

Его примеру мгновенно последовали все остальные, так что Мазур, внутренне ежась, ощутил себя ночным бомбардировщиком в перекрестье прожекторов.

Дирк, не меняясь в лице, что-то почтительно шепнул на ухо его высокопревосходительству.

– О героях дня, разумеется, – непринужденно поправился губернатор, удостоив благосклонным взглядом и Лаврика. – Однако, никоим образом не умаляя заслуг господина Самарина, я все же должен отметить, что господин Мазур особенно проявил себя перед республикой. Именно он собственноручно... гм... пресек зловредную деятельность небезызвестного Леона Таберже, причинившего нашему народу столько зла, объявленного вне закона, этого выроodka и изверга... Рад сообщить, господа, что наше правительство без малейшей бюрократической волокиты отреагировало на происшедшее, и я рад, что именно мне выпало вручить господину Мазуру медаль республики...

Он неторопливо поднялся. Сосед справа торопливо подсунул ему синюю коробочку и какую-то папку. Мазур остался сидеть, не представляя, как себя держать, и неловко поднялся, лишь увидев недвусмысленный жест Дракона. Повинуясь следующему жесту адмирала, наглядно растолковавшего, что делать, направился в обход стола, чувствуя себя отчего-то цирковой обезьяной, обученной шлепать на задних лапах.

Губернатор потряс ему руку, ловко вложив в нее коробочку, протянул папку. Мазур ухитрился все это принять без особой неуклюжести. Раздались нестройные хлопки в ладоши, он поклонился, пробормотал что-то, поощряемый взглядом губернатора – таким указующим перстом

опытного дирижера, и отправился на свое место. Губернатор уже возглашал что-то насчет золотых часов с гравировкой от президента, коих удостоился господин Самарин.

Усевшись на место, он все же не удержался, раскрыл синюю коробочку. Медаль была большая, раза в два превышала в диаметре советские, светло-бронзового цвета, отличной чеканки. На ней имелась масса красот: пальмы, скрещенные сабли, корабль под парусом, дуги из звездочек вверху и внизу, какие-то мелкие надписи. Мазур с вялым интересом попытался определить, где ее чеканили, такую красивую, – вряд ли здесь, деньги им, Лаврик говорил, шлепают на Лондонском монетном дворе, должно быть, и регалии там же.

До сегодняшнего дня его награждали дважды – «Боевыми заслугами» в Союзе и вьетнамской медалью прямо в Ханое. Но сейчас все было совершенно по-другому. Светло-бронзовый кружок был слишком красивым, праздничным и мирным по сравнению с тем, что ему предшествовало. По сравнению с тем, что здесь произошло, начиная с пущенной в лицо морозно-дурманной струи газа. Все это как-то не совмещалось. Происшедшее само по себе, а медаль сама по себе. Он чувствовал пустоту и усталость.

Лаврик украдкой подтолкнул под локоть. Мазур торопливо поднял голову.

– Я восхищен вашей храбростью и хваткой, – сказал губернатор, глядя прямо на него. – Как вам это удалось, господин Мазур?

Дракон с самым естественным видом сказал, прежде чем Мазур успел открыть рот:

– Дело в том, ваше высокопревосходительство, что он служил в воздушно-десантных войсках. Сержант запаса. Господин Самарин тоже был в армии не самым худшим солдатом. У нас – всеобщая воинская повинность, как вы, должно быть, слышали...

– Признаюсь, по моему глубокому убеждению, эта система себя оправдывает, – веско произнес губернатор с таким видом, словно собирался немедленно перенять ее для внедрения на подвластном ему острове. – Воспитывает, как теперь ясно, настоящих мужчин. Знаете, господин Мазур, у меня есть к вам интересное предложение. После недавних... гм, прискорбных событий стало окончательно ясно, что республике не обойтись одной полицией. Нужно создавать – конечно, с учетом нашей специфики – полноценные вооруженные силы, способные стоять на страже и создать надежный заслон... гм, всевозможным поползновениям. При этом, сознаюсь откровенно, не хотелось бы зависеть от... гм,

традиционных держав. Как вы посмотрели бы, господин Мазур, на пост инструктора в формируемых вооруженных силах республики? Думается, следует сразу поговорить об офицерском звании...

Посол, весь какой-то пронафталиненный, смотрел на Мазура с немым ужасом, словно боялся, что Мазур тут же согласится, решительно и громогласно. Хорошо, что Панкратова здесь не было, – пошла бы писать губерния...

– Ваше высокопревосходительство, – осторожно сказал Мазур. – Я, в общем, мирный человек, и о военной карьере совершенно не думаю... Мое дело – наука.

– Понятно, – ласково кивнул губернатор. – Однако вы разделились с этими субъектами с расторопностью, отнюдь не свойственной мирному ученому...

– Жить хотелось, – сказал Мазур, виновато улыбаясь. – Вот поневоле и пришлось вспомнить все, чему меня учили в парашютистах...

– О да! – живо сказал губернатор. – Это, разумеется, веселейшая мотивация... Жаль, что вы не хотите. Что же вы скромничаете? – он сделал непонятное движение обеими руками.

– Цацку пришили, сделай приятное дяденьке, – шепотом посоветовал Лаврик по-русски.

Мазур, спохватившись, извлек медаль из коробочки и кое-как пришил на левый лацкан пиджака. Губернатор одобрительно кивнул, повернулся к Дракону:

– Вы уверены, капитан, что вам не нужна помощь наших специалистов?

– Благодарю вас, – светски, непринужденно раскланялся Дракон. – Право же, мы завершим ремонт своими силами. Остались сущие пустяки...

Насчет ремонта он, разумеется, врал в глаза. Незванные гости не успели ничего испортить, если не считать выбитых шальной очередью стекол в ходовой рубке. Однако Дракон усмотрел в их визите шанс лишний раз залегендировать пребывание возле атолла. И когда прибыли перепуганные чиновники вкупе с Дирком, нахально соврал, что злыдни-сепаратисты что-то там напортили в машине и навигационных приборах, так что «Сириусу» придется еще несколько дней болтаться на якоре, пока все не исправят. «Кашу маслом, – сказал Дракон, – не испортишь...»

– Я восхищен вашим отношением к порученной работе, господа, – с бросавшейся в глаза растроганностью опытного дипломата изрек губернатор. – Другие на вашем месте вернулись бы на буксире в порт, под защиту полиции...

– Молния дважды в одно место не ударяет, ваше высокопревосходительство, – сообщил Дракон. – Я фаталист, как большинство старых капитанов...

– Открою вам секрет – я тоже, – сообщил губернатор оживленно. – Но, господа... – он посерьезнел. – Нравится вам это или нет, я все же оставляю вам полдюжины полицейских. Дирк, проследите. И возьмите на себя команду группой. И не вздумайте спорить, капитан, я просто обязан позаботиться о вашей безопасности. «Акулы» – субъекты мстительные. Вы поняли, Дирк? Отберите лучших людей, разработайте график дежурств, все прочее. Чтобы не повторилось нечто подобное разгильдяйству лейтенанта Ожье. С ним мы еще разберемся...

– Ваше высокопревосходительство! – не выдержал Мазур. – По-моему, лейтенант ни в чем не виноват. У него были только два человека, противник превосходил в численности... Кроме того, с ними был непосредственный начальник лейтенанта...

– Да, досадно... – поджал губы Лажевен. – Кто бы мог ожидать от комиссара Ксавье... Безупречный послужной список, многолетняя служба...

Дирк желчно сказал:

– Как видим, что безупречный послужной список – еще не гарантия от наполеоновских притязаний...

– Ожье ни в чем не виноват, – упорно продолжал Мазур.

Лейтенант, в общем, был неплохим парнем, и, на взгляд Мазура, его ни в чем не следовало винить.

– Ну хорошо, успокойтесь, – благодушно произнес губернатор. – Разве можно в чем-то отказать герою дня? Если вы уверяете, что Ожье невиновен, пусть так и будет, я верю вашему мнению... Дирк, не трогайте лейтенанта.

– Он к тому же уже успел освоиться с кораблем, – сказал Мазур.

– Вы слышали, Дирк? Оставьте и Ожье.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, – без выражения произнес субинтендант.

«Хороша все же эта ихняя британская школа, – мимолетно восхитился Мазур. – Ведь поручи ему губернатор вывести кого-то из нас и шлепнуть у борта – наверняка выполнит с той же бесстрастностью, не размениваясь на эмоции и мимику...»

К счастью, банкетно-светские торжества не затянулись – ближе к вечеру свитский народ принялся отчаянно-дипломатической мимикой напоминать патрону, что пора и честь знать. У Мазура в голове

сформировалась очередная крамола: подумалось, что господа сановники попросту боятся возвращаться на Баэ ночью темной порой, чтобы не нарваться на более удачливую группу «синих акул». Если губернатор опасался того же, то не подавал вида, ухитрился распрощаться непринужденно, но непреклонно, как истый светский лев.

Мазур стоял у перил на верхней палубе и равнодушно смотрел, как ложится на курс губернаторский корабль – белоснежное судно тонн в пятьсот водоизмещением, под названием «Прекрасная герцогиня». На корме гордо реял, что твой буревестник, большой флаг республики, а под ним – треугольный губернаторский вымпел, ало-синий, с золотыми пальмовыми листьями.

– Интересно получается, – сказал стоявший рядом Лаврик с наигранной грустью. – Старшему по званию – всего лишь ходунцы, хоть и золотые, а младшему – цельную медаль... Ладно, бывает хуже. У тебя хоть бумага на настоящее имя... А то знал я одного майора, ему в далекой стране, между прочим, не самой непрестижной, вручили за конкретные заслуги высший орден, а носить-то его дома и нельзя – не столько из соображений секретности, сколько потому, что был он там под чужим именем, и получилась некая несообразность...

* * *

...Ирина дразнящим шепотом осведомилась:

– Ты, часом, не умер?

– Жив, – сказал Мазур.

– О чем задумался, в таком случае?

– О нас.

Врал, признаться, – в данный момент он почему-то думал, как все же удачно получилось с теми двумя, старательно бдившими в машинном до тех самых пор, пока туда не спустились Мазур с Лавриком и примкнувшим к ним лейтенантом Ожье. Очень удачно вышло: те двое дернулись как нельзя лучше, грех было не положить их немедленно на месте, как иначе прикажете поступать с противником, тычущим в тебя автоматом? И простяга-лейтенант ничего не заподозрил...

– О нас? – живо ухватила Ирина за невольную обмолвку. – Как интересно... И что же ты о нас думаешь?

Мазур мысленно вздохнул. Очень уж полное расслабление души и тела наступило – если не считать случайных мыслей о деле. Жаль было

тратить энергию на болтовню – даже с ней...

– Да вроде бы неплохо у нас все получается, – сказал он, подумав. В конце-то концов, не утомленный жизнью старик, если такая девушка согласилась обосноваться в твоей постели, усталость побоку, изволь болтать...

– Ага, мне почему-то тоже так кажется. Если хочешь, я тебе буду нежно нашептывать на ушко, что ты был великолепен...

– А это правдой будет?

– Пацан... – Она пошевелилась. – Обними-ка меня покрепче, я до сих пор от этого ужаса не отошла. Влетают какие-то морды с автоматами, вопли, суматоха, кого-то прикладом по спине, один меня так взглядом раздевал, что я уж думала, прямо там и изнасилует...

Она зябко передернулась.

Мазур покрепче прижал ее к себе, что было нетрудно: узкая морская койка сближала не только в переносном, но и в самом прямом смысле, двое там могли уместиться только в том случае, если еще не успели надоесть друг другу. В открытый иллюминатор лилось влажное тепло, где-то далеко послышался скрипучий крик неизвестной птицы.

– Они опять не нагрянут? – прошептала Ирина.

– Ерунда, – сказал Мазур, чувствуя себя бравым и отважным. – По палубе полицаи дозором бродят, да и наших ребят Дракон на вахту выставил не с пустыми руками... Локатор работает, сонар бдит... Цитадель.

«И очередная боевая „двойка“ сидит в полной готовности там, внизу, возле шлюза», – мысленно добавил он, а вслух, конечно, ничего не сказал. Ирина в одном с ним звании, и все шифровки проходят через ее изящные пальчики, и подписки у нее те же, но все равно, согласно строгим армейским правилам, каждый знает ровно столько, сколько ему, по мнению командиров, необходимо знать. Не менее, но и не более.

– Занесло же меня... – пожаловалась Ирина обиженным шепотом. – Я-то, дуреха, думала: буду сидеть в Главном штабе, проходить вечерами, цокая каблучками, мимо восхищенных гардемарин с Невского...

– Армия есть армия, – хмыкнул Мазур. – Папа-то куда смотрел?

– Папа – человек старого закала. Коли уж единственное дите выбрало военно-морскую стезю, то, несмотря на свой пол, обязано повиноваться приказам о служебных перемещениях со всей ретивостью, и никаких протекций...

– Нет, серьезно?

– Абсолютно, – вздохнула Ирина. – Уникум в этом плане... Кирилл,

скоро это кончится?

– Что?

– Я не про нас, успокойся... Это. Подводное. Из депеш так ничего толком и непонятно...

– Тс! – сказал Мазур. – Враг не дремлет...

– Глупости какие. ЦРУ сюда не доберется. Они, болваны, и тебя-то толком украсть не смогли, где уж им микрофонов к тебе в каюту напихать... – Она легонько царапнула ноготками Мазурову шею. – Может, поведает, каково это – с французскими журналистками время в борделе проводить в целях конспирации?

Мазур смущенно зажмурился в темноте. Плохо все же, что через ее руки идет вся шифрпереписка...

– Больно же!

– А ты колись, – безжалостно сказала Ирина. – Тебе же на пользу.

– Да-а?

– А то! Мы, бедные простушки, клюем на романтику со страшной силой. Ну как я могла отказать бравому морскому волку, который с француженками в разведывательных целях спал, террористов крошил и клады со дна моря...

– Ирка...

– Молчу, молчу! Слушаюсь, товарищ бдительный старший лейтенант! Враг не дремлет! Обольстили глупую девчонку, такой весь из себя романтичный, а теперь рот затыкаете... А если я стану навзрыд плакать горячими слезами над своим разбитым сердцем?

– Что-то я тебя плохо в такой роли представляю, – искренне сказал Мазур, поглаживая ее там, где это было особенно приятно. – Почему же сразу насчет разбитого сердца, а?

– Ты еще скажи, что намерения у тебя самые серьезные, – фыркнула Ирина. – Замуж позови... Что молчишь?

– Я... – пробормотал Мазур и смущенно заткнулся.

– Ну, и что же замолчал? То-то... У тебя же где-то в личной логии невеста обозначена?

– Если честно, понятия не имею, невеста она или... – сказал Мазур чистую правду.

– Бедный ты мой... Мучает? Кирилл, есть мужики, которые для того и созданы, чтобы их мучили вздорные бабы. И никакого значения при этом не имеет, что ты рукой телеграфный столб пополам перерубаешь, а перед завтраком, разминки ради, дюжину террористов шлепаешь...

– Интересная философия.

– И очень жизненная, между прочим, – сказала Ирина, умащиваясь поудобнее, насколько это было возможно в данных спартанских условиях. – На реалии опирается... Нет, правда, она тебя что, за нос водит?

– Глупости, – решительно сказал Мазур, опасаясь хоть на миг предстать в ее глазах заслуживающим жалости. – Просто бывает так... Чрезвычайно запутанные отношения, когда ничего толком не понятно, когда все тянется без малейшей определенности... Вот и все. И при чем тут мучения?

– А ты мне сделай предложение. Вдруг приму?

– Шутишь?

– А вдруг да и нет?

– Боязно, – сказал Мазур честно. – Еще подумаешь, что я, змей расчетливый, в адмиральские зятя хочу проникнуть тихой сапой... Мы люди бедные, но гордые.

– Глупости, – сказала Ирина. – Вот муженек мой дражайший и в самом деле питал те самые намерения, так что теперь я железно знаю, как оно бывает с расчетливыми змеями. Только обманулся, сердешный, как раз из-за того, что батюшка изволят быть человеком старого закала. А обманувшись, впал в истерию, начала гнать – и он охотно сбег... Нет, правда, Кирилл, когда это кончится? Я только с тобой храбрюсь, а на деле мне по-настоящему страшно. Занесло дуру в романтические края...

– Скоро, – сказал Мазур. – Совсем скоро.

– Серьезно?

– Да, два-три дня, вряд ли больше... – Презируя себя за нарушение строжайших предписаний, он все же спросил: – Тебе что, из шифровок не ясно?

– Не всегда. Любит Дракон тумана напускать... – Ирина повторила мечтательно: – Два-три дня... И потом – недели две сущего курорта, сиречь возвращения домой без опасных сюрпризов... И куча ночей...

Она склонилась над Мазуром, прильнула к его губам так, что дыхание перехватило, а мужское начало проявило себя во всей красе и негибамости.

Глава вторая

О прытких и ловких

Приблизившись к округлой черной дыре – входу в подводную пещеру, – Мазур посветил туда фонарем. Узкий белый луч выхватил из мрака довольно широкий проход с бугристыми, неровными стенами. На первый взгляд, подходяще – сюда протиснулся бы не только пловец, а, пожалуй что, и грузовик мог въехать, попади он каким-то чудом под воду и сохрани там способность к самостоятельному передвижению. Пока что подходяще.

Он обернулся, показал большой палец страхующему Князю и жестами показал, что пойдет внутрь. Князь кивнул, пропустил между пальцами канатик из валявшейся у его ног бухточки. Другой конец был закреплен на пояснице Мазура, превратив его в некое подобие бобика на веревочке. Что поделать, отцы-командиры с недавних пор стали осторожничать даже там, где, на взгляд Мазура, можно было бы продолжать по-прежнему рассудочно нарушать уставы и предписания благодаря особым условиям работы...

Видимо, все дело в том, что работа, похоже, подошла к концу. Носовая часть незадачливого фрегата старательно выпотрошена, пара центнеров золота с редкими добавлениями драгоценных камней доставлена на корабль. Чему Мазур, как и другие, радовался не из-за достижения цели, а потому, что эта примитивная пахота выматывала даже больше, чем иной подводный поход в условиях, максимально приближенных к боевым. Было в ней что-то от простой разгрузки вагона с цементом – когда с помощью малогабаритных «пылесосов» и «ветродуев» пловцы вскрывали сгнившие ящики и доставляли золото на твердый грунт, в этом нетрудно усмотреть нечто творческое, как-никак работа сложная, порой небезопасная и уж никак не монотонная. Но вот снова, что твой челнок, буксируя к шлюзовому люку тяжеленные пластиковые мешки с желтым металлом... Точно, цемент. В товарном вагоне. Золото уже не воспринималось, как золото. Хитрюга Стивенсон лишь беглой скороговоркой обрисовал в «Острове сокровищ» труды своих героев по перетаскиванию клада на «Эспаньолу», а в них-то, как на собственной шкуре убедился Мазур, главные трудности и крылись. Все перестрелки с пиратами, если разобраться, были не более чем развлечением, веселым карнавалом. Вот таскать мешки с золотом на горбу... Ручаться можно, не зря юный Джим

Хокинс зарекся искать клады и зажил на берегу благонамеренной жизнью скучного фермера. Еще раз это пережить – нет уж, увольте...

Он приостановился, уцепившись за выступ скалы. Поправив на поясе тяжелую кобуру с подводным пистолетом, посветил вниз. Нет, показалось – это не кусочек светлого металла, а случайная рыбешка, отчего-то неподвижно стоявшая над каменным дном. Мазур легонько шевельнул ластом, и она, опомнившись, рванула у него под ногами к выходу из пещеры. А Мазур медленно двинулся дальше по туннелю.

Метрах в пятидесяти отсюда покоилась кормовая часть фрегата. Все там было в точности, как рассказал Самарин: кто-то прыткий успел вволю похозяйничать много лет назад. Судя по оставленным следам, неизвестный ловкач – или неизвестные ловкачи – ничуть не спешили. Пловцы увидели не результат погрома, а следствие неспешного, методичного обыска. Помещения, по обстановке и размерам больше всего походившие на каюты господ офицеров, обшарили настолько тщательно, что там даже не осталось никаких личных вещей. А ведь должны были быть – кто, спасаясь в шторм с терпящего бедствие корабля, стал бы сносить в лодку многочисленные пожитки джентльменов с туманного Альбиона? Тут шкуру бы спасти... Единственное, что удалось найти, – часы с разбитым стеклом, заросшим известковой коркой циферблатом, судя по цвету и весу – серебряные, да ядовито-зеленую из-за толстой корки окисла статуэтку лошади на квадратной подставке, скорее всего, бронзовое пресс-папье. Их, конечно, хозяйственно прихватили с собой в качестве вещдоков, но ведь обнаружить рассчитывали совсем другое...

Снова остановился, посветил вниз. Не раздумывая, опустился на дно, удержал равновесие на бугристом камне. Присев на корточки, протянул левую руку в луч фонаря и поднял тускло отразившую электрический свет вещичку.

Подводный компас, никаких сомнений, – тяжелая, массивная вещица. Ремешок, надо полагать, истлел, а это означает, что был изготовлен из кожи или иного естественного материала, не способного долго противостоять разъедающей морской воде. Такие ремешки давным-давно делают из пластика, это сколько ж времени провалялась тут старомодная штуковина? Впрочем, делать выводы преждевременно. Современный ныряльщик, не обремененный лишними деньгами, вполне мог использовать давным-давно списанную экипировку сороковых годов. В этом случае компас лежит тут года два-три... нет, все же гораздо дольше. Чересчур толстый слой известковых частичек и мшанок. Стекло разбито, торчат толстые зубчатые осколки по всей окружности. Стекло, а не опять-таки ударопрочный

надежный пластик. Такое впечатление, что компасом со всего маху хряпнули по острому выступу скалы и он не выдержал столь хамского обращения...

Сунув нечаянную находку в сумку на поясе, Мазур легонько оттолкнулся от дна, вытянулся горизонтально и поплыл дальше.

На миг показалось, что он летит в бездну. Разумеется, Мазур моментально справился с этой иллюзией – ничего страшного не произошло, просто туннель кончился и он оказался в огромной пещере, высоком гроте, и мощный луч, куда им ни поведи, не достигал стен или потолка, упирался во мрак. В луче мелькнул сверху вниз то ли рачок, то ли крупная креветка, моментально ушел из поля зрения. Вряд ли обитавшая в пещере мелочь когда-либо сталкивалась с ярким электрическим светом... или просто-напросто слишком много времени прошло с тех пор, как сюда заплывал хозяин разбитого компаса. Кстати, за каким чертом его сюда занесло, интересно бы знать? Вообще-то, пещера казалась идеальной базой для того, кто потаенным образом вздумал бы покопаться в кормовой части «Агамемнона»... но не нужно делать поспешных выводов. «Казалась» еще не означает «была». Неподалеку есть и другие пещеры, где сейчас точно так же шуруют со страховкой ребята...

Он опустил на дно, повел лучом. Ничего интересного – куски камня, заросшие водорослями, пустые раковины давно и благополучно померших своей смертью моллюсков, странно, что здесь совсем не видно рыбешек, они такие укрытия обожают... Стоп!!!

Развернувшись влево, Мазур посветил в то место. На чистое, без следов песка каменистое дно легла косая, сложная, чересчур уж не свойственная естественному объекту тень...

Акваланг, мать твою! Точно, акваланг!

Подавив желание немедленно подать сигнал подергиванием веревки, Мазур встал на дно и присмотрелся. Двухбаллонный акваланг какой-то старой конструкции, баллоны грязно-бурого цвета – краска давным-давно отслоилась, растворилась в соленой воде, изготовленные из обычного железа баллоны проржавели настолько, что зияли целой россыпью дырочек. Кончиком ножа Мазур осторожно коснулся ближайшего участка – и под клинком эта грязно-бурая поверхность податливо рассыпалась, провалился внутрь кусок с тарелку размером. Тяжелые чешуйки ржавчины, вяло кружась, опустились на дно. Это сколько же лет валяется здесь старомодная «дыхалка»? Двадцать, тридцать? Маска то ли разбита, то ли раздавлена – похожа скорее на восьмерку, железная основа погнута...

Что-то коснулось его щиколотки, легкое, мимолетное касание тут же

сменилось ощутимым сжатием, словно лодыжка угодила в тиски...

Мазур от растерянности не шелохнулся. Он явственно ощущал, как нечто гибкое и сильное, плотно охватившее лодыжку, будто бы пульсирует, прилипает, давит...

И тут в неподвижном луче фонаря, только что положенного Мазуром так, чтобы свет бил на акваланг, что-то шевельнулось. В первый миг это показалось змеей. Тут же он убедился, что ошибся: луч фонаря плавно, неспешно пересекло бурое щупальце в руку толщиной, покрытое круглыми присосками с четко различимыми по краям белесоватыми коготками. Конец второго, казавшегося из-за осмысленности движений самостоятельным разумным существом, словно бы ввинтился в полосу света, застыл, подрагивая. Через пару секунд щупальце скрылось во мраке.

Показалось, что резиновая шапочка на голове – из чистого, невероятно холодного льда. Мазур замер в первобытном, слепом ужасе, боясь шевельнуться. Давление на лодыжку немного ослабло, самую чуточку, но его правая нога по-прежнему оставалась в капкане.

Потом в голове панически пронеслось: «БОЛЬШОЙ МУЗУНГУ!» Покойный полисмен был прав, все это не сказка, а доподлинная быль, тут вам и звиздец...

Хорошо еще, он не упустил загубник, по-прежнему дышал размеренно, как и следовало. Именно ощущение загубника во рту и привело его в относительную норму, вместо панического хаоса первобытных страхов и желания немедленно рвануть прочь пришла кое-какая холодность мыслей.

Второе щупальце, определенно не то, что обвивало его ногу, все так же извивалось в луче фонаря. Это не жуткий монстр из фильма ужасов, это обычный осьминог, разве что, судя по толщине щупальцев, довольно большой...

«Нечего бояться, нечего бояться... – внушал себе Мазур, стоя совершенно неподвижно. – Нечего бояться...»

Это животное. Здоровенное, неглупое, но все же животное, обычный морской житель, никакая не нечистая сила. Это большой осьминог, всего и делов. Большой. Не гигантский из моряцких баек, якобы способный утопить фрегат вроде «Агамемнона». Гигант попросту не протиснулся бы в туннель...

Успокойся. Соберись окончательно. Он пока что не нападает, он попросту по своему всегдашнему обыкновению изучает новый предмет, которого прежде не было. Всего одним щупальцем. Хватка слегка ослабла, щупальце шарит по ноге, по ласту... Всего одно щупальце, значит,

осьминог спокоен, лежит себе на дне...

Словно музунгу прочитал его мысли – второе щупальце взмыло вверх, исчезнув из луча света, и тут же Мазур почувствовал прикосновение к груди, присоски чиркнули по ремням, по поясу с ножом и пистолетом...

Пистолетом! Он примерно представлял, где находится тело, оно же – голова. В пистолете четыре пули, вернее, стальных иглы, в просторечии именуемых «гвоздями». На дистанции поражения насквозь прошивают дюймовую сосновую доску...

Вот только осьминог мало напоминает доску. Скорее уж – желе. Его можно издырывать всего – гарпунами, пулями, копьями, но это мало чем поможет, если не попадешь с первого раза в уязвимые точки. Истыкаешь его «гвоздями» так, что станет напоминать ежа, – без особого вреда для твари...

Нужен один-единственный, но точный удар, а его-то как раз не нанести, не видя цели. Значит, стрелять не следует. Вцепится всеми щупальцами, отсечь их ни за что не успеешь, может сорвать маску, вырвать загубник, сам того не желая, не подозревая даже головногим умишком о существовании таких вещей...

«Спокойно, – повторял себе Мазур. – Спокойно. Знаменитая сцена из „Тружеников моря“ – побасенка чистейшей воды. Гюго был великим писателем, но в осьминогах не разбирался совершенно, ему тогда же на это указали ученые, коих классик высокомерно проигнорировал...»

Специально осьминог за человеком не охотится. Не питается он человечиной. Тут другое – раздраженное вторжением в его логово восьминогое создание может утопить не по природной злобности, а из тупого инстинкта. Не нравится ему, когда в пределах досягаемости щупальцев невозбранно шляются посторонние крупные организмы. Проблему следует ликвидировать немедленно, считает осьминог, – и труп останется валяться на дне, пока... Черт, не произошло ли именно так с хозяином старомодного акваланга? То-то маска разбита, скручена...

Одно щупальце елозило по лодыжке, второе изучало кобуру с подводным пистолетом, колыхавшуюся, как сухой лист, и весьма чувствительно стукавшую Мазура по бедру. Он стоял, обратившись в статую. Тактика поведения выработана ныряльщиками давным-давно: замереть, как в детской игре. Столкнувшись с полной неподвижностью, тварь рано или поздно уберет щупальца. И можно будет смыться.

Дернуть конец трижды, чтобы Князь в темпе его выдернул? Нет, чересчур рискованно. Хорошо, если музунгу просто лежит на дне, но если он уцепился хоть одним щупальцем за подходящий камень или успеет

уцепиться, пока Князь станет тянуть, – дело плохо. Судя по толщине щупалец, осьминог здоровенный, Князю его ни за что не перетянуть, а вот Мазуру тем временем будет совсем худо. Лишишься загубника – пропадешь...

Если обратиться не к сказкам, а к сухим фактам – в двадцатом столетии осьминоги в аналогичных условиях утопили, пожалуй, не менее пары дюжин оплошавших аквалангистов, моряков, простых купальщиков. Малейшая оплошность – и пополнишь сей печальный список...

Убедившись, что на пути его руки не будет осьминожьего щупальца, Мазур плавным, замедленнейшим движением дотянулся до пояса и двумя пальцами потянул конец «моментального» узла. Как и следовало, узел развязался мгновенно, канатик упал к ногам. Так оно будет лучше, еще придет в голову Князю потянуть напарника – и пиши пропало...

«Уйди, тварь такая, – взмолился Мазур про себя. – Уйди к той самой матери. Что я тебе – экспонат?»

Одно из щупалец утянулось во мрак. То, что прежде сжимало лодыжку. Второе переползло с кобуры на колено, оно не обвивало – просто прикасалось. Попробовать все же отчаянный рывок? Или чересчур опасно будет отступать по узкому проходу, имея на хвосте разъяренного музунгу?

Все внутри бунтовало, требуя резких движений, рывков, боя, отступления, и Мазур с превеликим трудом сдерживал себя, то и дело повторяя, как заведенный: спокойствие, спокойствие, обойдется...

Щупальце опало на дно, теперь Мазур его не видел. Ну, довольна эта тварь или нет? Ни черта не видно. Осьминог, разумеется, не полезет по доброй воле в луч света – к чему ему такие неудобства? Где он примерно может располагаться? Поди найди тот ножичек, поди найди тот ножичек...

Вот ведь, черт, совершенно не помню, хорошо ли эта тварь видит в кромешной тьме, есть ли у нее превосходство над человеком. А ведь читал что-то. На спецкурсах осьминогам и прочим спрутам почти не уделяли внимания, занимаясь главным образом ядовитыми рыбами и ядовитыми кораллами, барракудами, муренами, боевыми дельфинами, акулами...

Прислушавшись к своим ощущениям, Мазур понял, что почти полностью овладел собой. Пора было на что-то решаться. Он совершенно точно знал, где расположен за его спиной выход из пещеры, а вот ее высоты совершенно не представлял. Отшвырнуть пинком фонарь в сторону, может, тварюга на него отвлечется? Где он вообще, мешок с дерьмом? Не чувствуется ни малейшего движения воды. Значит, неподвижен. То ли рядом, то ли в отдалении. Нет, все же пора...

Медленно-медленно Мазур стал приседать на корточки, держа правую

руку на кобуре, вытянув левую к фонарю. Кровь стучала в висках.

Выпрямился, держа фонарь на отлете, в вытянутой руке – старый фокус, используемый во время перестрелок на ограниченном, замкнутом пространстве, в темных коридорах, переходах, бункерах... Так, а теперь попробуем осторожненько отработать задним ходом... Музунгу, не стоит забывать, еще лучше тебя ощущает малейшее движение воды...

Сразу три щупальца метнулись к фонарю, к нему, заранее размыкаясь так, что это не могло оказаться простой случайностью: осьминог видел цель и уверенно атаковал. Осознав это в неуловимую долю секунды, Мазур отшвырнул фонарь, не наобум отбросил, аккуратно, чтобы осветил поле боя. Вырвал из кобуры пистолет и моментально выпустил все четыре «гвоздя» туда, где, как ему яростно хотелось верить, угадывал тело...

Щупальца, так и не сомкнувшись на его теле, взвились вверх, во мрак, извиваясь, сплетаясь в кольца!

Мазур прянул в сторону, распластался на каменистом дне. И ощутил не то что движение – бурление воды. Над его головой щупальца бешено рассекали мрак, молотили впустую. А ведь зацепил, не понравилось ему, с-суке!

Выпустив бесполезный уже пистолет, Мазур, стелясь над самым дном, скользнул к фонарю, ухватил его, другой рукой выхватывая нож. Страх куда-то пропал, он вновь действовал, как автомат, как безупречная убойная машина, продукт многолетних усилий отличных специалистов одного из мощнейших военных флотов планеты...

Как только стало ясно, что перед ним не монстр, не мистическое чудище, не исполин, страх удивительным образом растаял, вмиг превратившись в боевую ярость. Теперь он точно знал, с чем столкнулся, а значит, готов был драться.

Мазур шел вперед, как торпеда, выставив фонарь, прекрасно представляя теперь расположение щупалец. Они вынырнули из мрака и справа, и слева, сверху, смыкались, извиваясь – но в белом конусе света уже зажглись два огромных глаза, неподвижные, выпуклые, холодные, нелюдские, и под ними из мягкой складки, напомнившей, вот странно, нечто гораздо более приятное, выскочил черный кончик клюва...

Уже чувствуя на тебе сомкнувшиеся щупальца, Мазур сильным движением ласт достиг цели, фонарь ударил в мягко-упругое, живое, стало гораздо темнее, левый глаз чудовища, пронзенный насквозь сильным лучом света, засиял диковинным образом...

Мазур нанес сильный удар, отчаянным усилием вспарывая эту живую, мягкую, упруго продавившуюся под клинком податливость, описал ножом

полукруг, инстинктивно защищая лицо, голову, маску левой рукой с фонарем, без труда вырвал нож и ударил вторично, налетев локтем на нечто острое, рванувшее рукав гидрокостюма. И еще один удар с поворотом клинка, и еще, твердые блямбы присосок соскользнули с боков, с груди, хватка не то чтобы ослабла – прекратилась совсем...

Он оттолкнулся от чего-то, мягко подавшегося под ластами, спиной вперед отпрыгнул назад. Опустившись на дно, повел лучом. Над блинообразно растекшийся тушей курился синеватый дымок – у осьминогов кровь голубая. Большой музунгу больше всего напоминал теперь грудю небрежно брошенного мокрого белья. Ни одно щупальце вопреки расхожим легендам не подрагивало, осьминог умер сразу и окончательно.

Темнота за спиной уже не таила угрозы, одно об осьминогах и прочих обладателях щупалец он помнил твердо: в отличие от многих морских жителей, они не стайные животные, терпеть не могут делить свое логово с кем-то еще, не переносят, извольте ли видеть, коммуналок – голубая кровь, аристократические привычки... Второго тут никак не может оказаться.

Тренированными приемами он восстанавливал нормальный ритм дыхания. Нервная дрожь все еще сотрясала тело легонькими приступами. Осьминог оказался не столь уж и чудовищным – если присмотреться и прикинуть, от кончиков щупалец до того, что при некотором напряжении фантазии можно счесть затылком, – не более пяти метров. Никак не Великий Кракен. Но утопить мог запросто, как с кем-то это в давние времена и произошло. Интересно, это тот же самый музунгу или другой, тоже выбравший наиболее подходящую пещеру?

Луч наткнулся на нечто округлое, Мазур невольно дернулся, выставил клинок, опасаясь, что все же плохо помнил обычаи осьминогов. Нет, предмет больше походил на...

Он подплыл к объемистым черным мешкам, кучей лежавшим в углу, наклонился, ткнул самым кончиком ножа. Судя по сопротивлению, с каким клинок входил, мешок был из толстой резины. Перехватив фонарь, Мазур запустил пятерню в разрез и выгреб что-то тяжелое, словно бы сыпучее.

Торопливо сжал пальцы. Из его кулака свисало длинное ожерелье – синие и красные неограниченные камни в затейливой тускло-желтой оправе. В луче фонаря разрез на боковине мешка так и брызнул радужным многоцветьем тонких лучиков.

Больше не было загадок и тайн, головоломка собрана, все кусочки легли на свои места, образовав не таившую неясностей, в чем-то даже примитивную картину. Много лет назад некий хваткий ныряльщик, то ли

один, то ли с напарником, ухитрился обобрать кормовые каюты «Агамемнона», где везли-таки самое ценное – камни, самоцветы, побрякушки. Мало того, все добытое ловцы удачи благополучно укрыли в подходящей пещере. Должно быть, они веселились под водой, барахтались, как дети, колотя друг друга по спине и пуская фонтаны пузырьков. Им казалось, что все позади и они теперь миллионеры.

А потом приплыл осьминог, которого никто не взял в расчет. Возможно, Мазур был в чем-то и несправедлив к Гюго – сцена из «Тружеников моря» претворилась в жизнь, правда, в гораздо более теплых морях... Опасное это дело, прятать сокровища в чужой квартире, господа, особенно когда хозяин – не кто иной, как большой музунгу. Выходит, местные предания не врал ни на капельку...

На догадку о том, что предшественников было двое, наталкивал найденный в проходе компас: сам по себе он никак не смог бы туда уплыть, тот, что попался осьминогу в пещере, так из нее и не вышел, это ясно. Второй, надо полагать, в панике удирал по туннелю, налетел на стену так, что компас сорвало с запястья. Интересно, уцелел он, а если да, то почему не вернулся? Ну, вполне мог, потеряв голову от ужаса, рвануть на подъем так неразумно, что подцепил «кессонку» и уже не выбрался с атолла. А по большому счету, на его участь глубоко наплевать, не хочется ломать голову над судьбой неведомого ловкача...

Посветив, Мазур нашел конец канатика и дернул его, подавая сигнал, вовсе не ощущая себя триумфатором.

Глава третья

...глубинный перепляс

Мазур провел затынутыми в черную резину пальцами по стволу автомата для подводной стрельбы, отгоняя любопытную рыбку мелочь, совавшую свои глупые носы к казеннику новейшего и секретнейшего оружия, взятого на вооружение всего год назад и попросту не имевшего в мире аналогов. Рыбки с удивительной синхронностью метнулись прочь.

Мимолетный взгляд на часы. Четырнадцать сорок одна – а это означало, что они торчали в скалах, окруживших полукругом обширную подводную долину, уже более часа. Лежали на заранее облюбованных местах, не имея права их покидать. Разве что не возбранялось проделывать комплекс защищавших от холода упражнений.

Сидеть в засаде всегда тягостно, томительно. А уж тем более под водой, когда холод понемногу проникает сквозь гидрокостюм, когда вместо знакомых лиц – однотипные маски, когда не слышно земных звуков: ни чириканья птиц, ни шелеста ветерка в листве. Сумрачное, сине-зеленое безмолвие, в котором чем дальше, тем сильнее начинаешь себя ощущать чужим, ненужным, нелепым.

Самое тягостное в том, что Мазур представления не имел, зачем их сюда сунули. Да и все остальные тоже, об заклад можно биться. Утром Морской Змей, собрав всех, вместо логичнейшего, казалось бы, в такой ситуации приказа паковать объявил нечто другое. «Уходим в засаду, – сказал он без обиняков. – Все. В ту долину, где носовая часть „Агамемнона“. Быть готовыми ко всему. Никаких соплей, хватит с нас одного Волчонка...»

А потом Хусаинов раздал автоматы. И по паре подсумков. Это в данных условиях означало одно – резню на поражение. На суше еще можно припугнуть противника грозно наведенным автоматом, но под водой другие правила, там никогда не грозят напрасно и не пугают зря, там либо бьют, либо нет...

И еще эти пояса – не узкие и не широкие, мутно-белые. Их выдали каждому и велели закрепить как следует. Эти штуки опять-таки должны означать одно: в скоротечном и жестоком подводном бою, когда и свой, и враг почти неотличимы из-за схожести снаряжения, только подобные опознавательные знаки помогают не оплошать с выбранной целью, не грохнуться ненароком своего. Бывали, знаете ли, прецеденты.

И комбинированные аппараты, которые выдали вместо аквалангов, – значит, не просто бой, а действия на глубине заведомо более сорока метров...

Разумеется, Морской Змей знал все – ради чего, почему и зачем. Иначе и быть не могло. Но он сказал ровно столько, сколько сказал, а лезть с лишними вопросами никому бы и в голову не пришло... Не дети малые, чай.

Мазур покосился в сторону почти неразличимого тоненького провода, змеившегося по дну, – персональная линия связи Морского Змея с кораблем, нехитрое устройство, при необходимости мигающее лампочкой по азбуке Морзе и позволяющее послать ответ с помощью ключа. Нехитро, но надежно – все прочие виды подводной связи либо чрезмерно сложны, либо противник, располагай он соответствующей техникой, сможет перехватить передачу...

Странно, конечно. Самое время отдать якорь и убраться восвояси. Сокровища на борту, задание выполнено. Но у начальства, как частенько бывает, свои, высшие соображения... На то оно и начальство.

Мазур вновь попытался проникнуть пытливым мыслям в загадочные соображения начальства, те самые, высшие. И вновь пришел к тому же выводу, что полчаса назад.

Дракон ждет визита. Не столь уж хитрая загадка, в самом-то деле. На «Сириусе» есть хитрая аппаратура, позволяющая «просматривать» глубины, без сомнения, поддерживается шифрованная связь с нашими кораблями в этом районе. Что-то такое начальство знает, чем не спешит делиться с рядовыми, пусть они все поголовно в офицерских званиях. Есть в таком поведении свой резон, ибо еще древние...

Внимание!

Располагавшийся метрах в пяти от Мазура Князь подал сигнал готовности, пришедший к нему, надо полагать, по цепочке прямой видимости.

И все постороннее мгновенно отлетело. Мазур прижался к жесткой скале, бегло проверил, надежно ли устроен на выступе автомат.

И отчетливо увидел их.

Они шли журавлиным клином, на трех уровнях, с того самого направления, в котором скрылись после нападения, куда умчались на подводных носителях. Пятеро... семеро... дюжина. Баллоны на груди, ритмично колышутся ласты, на голове у каждого поверх ремня маски – светло-зеленая полоса, тускло-фосфоресцирующая. У них тоже опознаватели, а значит, заранее получили схожий приказ... Двое буксируют

овальный предмет, нечто вроде плоской полусферы размером с обычную кухонную раковину, но наверняка гораздо более опасный – боевые пловцы обычно не таскают под водой ничего мирного. Судя по легкости, с какой они свою хреновину ведут, она обладает нулевой плавучестью... Ну да, эшелонированное движение, боевое охранение, ядро группы и мобильный резерв... Это «тюлени»! Это их ухватки, их тактика, отработанная где-нибудь в Коронадо, штат Калифорния. «Янки-Дудль был в аду, говорит – прохлада...» Ну что ж, добро пожаловать, ребятки, очень кстати, мы с вами тогда так и не договорили за Камрань...

Бой!!!

Когда с того места, где залег Морской Змей со своей «двойкой», выстрелили вверх три гибких силуэта, Мазур понял, что его время пришло и началась работа. И ничего уже нельзя изменить.

Он стартовал, рванул вверх по параболе, в полном соответствии со знакомым, сто раз обкашлянным раскладом ведя свою «тройку» так, чтобы отрезать «тюленям» отход. Чуть развернувшись, дважды нажал на спуск автомата, и «гвозди» достали того, что буксировал загадочный предмет, держась слева. Выпустил вторую очередь, гораздо длиннее, поливая огнем замыкающих. Уклонился от длинной, пенно-пузырчатой струи – это по нему палили то ли из того самого иглострела, то ли подводного пистолета.

Крутанув вираж, зашел со спины замыкающему – их мобильная группа уже справилась с первой растерянностью и спешно разворачивалась в боевое кольцо – и выстрелил едва ли не в упор. Мельком заметил, как дернулась черная фигура, как, обвиснув сломанной марионеткой, пошла ко дну. И бросился вперед.

Кадриль кружилась по всем правилам. Окажись здесь каким-то чудом человек сторонний, все происходящее непременно показалось бы ему хаотичным мельтешением без лада и склада, чередой никак не связанных меж собой бросков и перемещений. На самом деле во всей этой круговерти крылся железный порядок и наработанная тактика: те, кто подвергся нападению, торопливо строили круговую оборону, уже понимая, что задание сорвано и к цели не прорваться, а отступить невозможно. Нападавшие, с сугубо противоположными задачами, стремились оборону побыстрее разорвать...

Патроны кончились, а перезаряжать автомат было бы некогда – никто не собирался предоставлять ему такую шикарную возможность. Противник Мазура шел на дистанцию атаки с выставленным клинком, за стеклом маски уже можно было различить лицо и глаза...

Мазур проделал разворот, увел вооруженную руку врага в сторону,

одним движением ластов оказался чуть выше и по всем правилам ударил в шею, под маску. Лезвие вошло как надо, и тут же в обманном пируэте сверху навалился второй... Ну, эти штучки мы знаем... Разрыв дистанции, ножом сверху по локтевому сгибу, удар! Тело в черном комбинезоне, скрючившись, пошло в направлении дна...

Он взмыл выше, гораздо выше, ища глазами светло-зеленые полосы. Прошло аж несколько мучительно долгих секунд, прежде чем сообразил, что все кончилось. Все. Нигде не видно отступающих, над дном кружат лишь пловцы, перепоясанные мутно-белыми опознавателями, но почему их так мало?! Их гораздо меньше, чем следует по высшей справедливости жуткого своей скоротечностью боя, как их мало-то, господа!

Действуя как раз и навсегда заведенный механизм, он нырнул вниз, подобрал автомат и заменил магазин, сунув расстрелянный в подпружиненное гнездо подсумка. Подплыл к своим, выстроившимся в круг. Пятеро их осталось, только пятеро. А было в засаде восемь...

Там и сям на дне – тела в черных гидрокостюмах, с белесыми поясами и тускло-зелеными повязками на черных шапочках. Даже если и кажется, что кто-то из них шевелится, это следует отнести за счет причудливого преломления света на глубине. В таких вот подводных схватках просто-напросто не бывает раненых, которым еще можно в темпе оказать помощь: тот, кто ухитрился нанести удар, заведомо бил так, чтобы с маху решить все проблемы... Если уж достал – то достал навсегда. Дилетанты здесь не ходят...

Некогда было думать о постороннем. Морской Змей красноречивым жестом отдал приказ тщательно осмотреть себя и других – под водой ранения не чувствуешь, можно истечь кровью и заметить это слишком поздно, когда ничего поправить нельзя...

Все целы. Профессионалы, «морские дьяволы». Жест руки – и двое взмывают над полем боя, становятся в боевое охранение. Ну, а прочим самое время осмотреть тех, кто сам уже с глубины никогда не вернется.

Как всегда бывает в таких случаях, Мазур попросту не мог определить, кто остался жив, а кто погиб – все выглядели одинаково, нужно особенно пристально приглядеться, чтобы внести полную ясность, но на это-то как раз времени и нет... О такой ситуации он лишь слышал от опытных, а сам столкнулся с ней впервые, и сердце переполняла тоскливая жуть. Подумаешь про кого-то, что он лежит неподвижно на дне, среди тех, над кем еще курится темное облачко, – а он живехонек. И наоборот, судари мои, и, что печально, наоборот...

Морской Змей поманил его раскрытой ладонью, и Мазур ушел ко дну,

опустился на грунт рядом с тем местом, где Колька Триколенко сдирал черный капюшон с головы «тюленя», чем-то особенно, надо полагать, привлечшего его внимание.

Тугая резина поддавалась плохо, но Морской Змей был терпелив, он запустил два согнутых пальца под черную каемку на щеках, передвинул пальцы выше, упираясь коленями в камень, оглянулся на Мазура. Тот понял, придержал командира, чтобы ему было сподручнее.

Капюшону определенно что-то мешало соскользнуть с головы, будто держало что-то. Морской Змей досадливо передернул плечами, напрягся, рванул...

Копна светлых волос невесомо рассыпалась, стелясь над дном, путаясь в водорослях. Мазур заглянул в застывшее лицо с расширенными глазами – почти спокойное, только рот сведен застывшей судорогой, открывая оскал безукоризненных, белоснежных зубов. Гейл. Красотка с яхты Драйтона. На пару с другим боевым пловцом буксировавшая предмет, крайне похожий на подрывной заряд.

Буквально через пару минут они с Морским Змеем обнаружили среди мертвых еще две знакомые рожи – мускулистые молодчики с «Русалки», те самые беззаботные богатенькие плейбои. Остальные были незнакомы, никогда их прежде не видели.

Теперь и с этим не осталось недомолвок. «Русалка» – никакая не игрушка техасского нувориша, а обеспечивающее судно, чей экипаж укомплектован боевыми пловцами. «Нужно признать, – подумал Мазур самокритично, – нас купили неплохо. Классически. Впрочем, не нас одних». Забулдыга Драйтон, известный, наверное, всему острову, Драйтон, которого ни одна собака в Виктории не принимала всерьез: то он пародирует советский пионерский парад, то голышом качается на пальме в центре города, изображая обезьяну Читу, пока полицейские безрезультатно, смущенно уговаривают «основу местной экономики» не нарушать общественные приличия и спуститься вниз. Ежевечерние вечеринки с летящими за борт пустыми бутылками, девичьим визгом, стриптизом на палубе, эскапады и выкрутасы, постоянная прописка в колонке скандальной хроники обеих здешних газет, робкие увещевания отводящих глаза полицейских чинов, обязанных ежеминутно помнить, сколько твердой валюты оседает в здешних закромах Родины, выпорхнув из карманов таких вот весельчаков... Никто его ни в чем не подозревал, поскольку он и не занимался ничем предосудительным; он, как выяснилось, ждал своего часа, какого-нибудь кодированного радиосигнала... Нелепо думать, будто тайными были только эти трое, а все остальные на «Русалке» ни при чем,

ни сном ни духом. В подобных играх так не бывает...

Морской Змей, некоторое время присматриваясь, нашел защелку и откинул крышечку наверху странного предмета. Мазур заглянул туда. Небольшое горизонтальное окошечко под прочным стеклом, три ряда кнопок, защищенных резиновыми колпачками. Обозначения знакомы все до единого. Не самый новейший образец – старая знакомая, большая диверсионная мина ТЛГ-6, электронное программирование взрывателя, магнитные присоски снизу, идеально приспособлена для подводной транспортировки пловцами, мощности в тротиловом эквиваленте достаточно, чтобы проделать в днище «Сириуса» пробоину в пять-шесть квадратных метров, отправив на дно. Судя по цифиркам на дисплее, взрыватель на нуле, это и понятно: чтобы пустить часы, достаточно нескольких секунд, потом нажимаешь вот эту кнопку с пересеченным стрелой кружочком и, если времени достаточно в запасе, можешь удаляться вовсе даже неторопливо... «Липучесть» присосок такова, что даже если «Сириус» или иная намеченная цель аналогичного класса будет идти на максимальной скорости, мину потоком воды ни за что не сорвет. Это опять-таки не самодеятельность, ребята, это держава...

* * *

...Время от времени поглядывая на приборы, Мазур определил, что они отмахали уже не менее пяти миль. Группа шла целеустремленно, «полетом ворона», как выражаются англичане, в классическом походном порядке. Вот только людей у них уже не хватало для полноценного, по всем правилам, ордера – Мазур с Князем буксировали мину, Морской Змей шел в авангарде, а остальные двое выполняли роль боевого охранения в предельно урезанном варианте. Судя по поведению Морского Змея, нимало не рыскавшего, только временами сверявшегося с компасом, он точно знал, куда плыть. Должно быть, плохо знакомые Мазуру, а то и незнакомые вовсе ребятки, технари Дракона, ели свой хлеб не даром. Что же, все-таки субмарина? На «Русалке» при всей ее комфортности не хватило бы места для размещения подобной группы со всем ее снаряжением. Да и небезопасно было бы держать мину на «Русалке» – мало ли что придет в голову ахатинским властям при всем их благодушии и терпимости к источникам твердой валюты...

Вот оно! Повинуясь жесту, они опустили мину на дно. Держась над каменистой поверхностью, чуть ли не цепляясь за нее нагрудными

баллонами, они осторожно двинулись вперед – туда, где дно плавно понижалось, отлого уходило на батталь.

Сорок семь метров. Вокруг еще сумрачнее, зеленый потемнел, преобладает синий, густые пучки водорослей кажутся почти черными, но живности вокруг меньше не стало – они еще в «зоне жизни», где процветают и флора, и фауна...

А вот это, пожалуй что, фауна... Не считать же ее флорой? Субмарина лежала на дне, в зарослях высоких водорослей, кое-где достигавших основания рубки – почти горизонтально, с легким дифферентом на нос. Неподвижное, обтекаемое тело, казавшееся цельным, сплошным, мертвым. Ага, вон и шлюзовой люк виднеется, круглый, четко очерченный. Субмарина типа «Грейбек», знакомое корыто, специально приспособленное для транспортировки боевых пловцов...

Мазур положил большой палец на флажковый предохранитель автомата, совмещенный с переводчиком огня. Это и называется «решающий миг». Если гидроакустика лодки работает в нормальном режиме – их могут и засечь, как ни прячешься за камни и неровности дна. А дальше возможны варианты – либо наружу рванутся боевые пловцы и завяжется очередная кадрили, либо там, внутри, поймут, что случилось, и субмарина уйдет.

Что, Мазур уже понимал, станет для них провалом. Не зря же Морской Змей, практически не раздумывая, повел группу к лодке и заставил буксировать туда же мину... Он определенно должен был получить четкие инструкции по всем раскладам, какие только могут в этой ситуации возникнуть. Теперь можно с уверенностью полагать, что Дракон замыслил акцию, уклончиво-благозвучно именуемую в определенных кругах «адекватным ответом».

Официального объявления войны меж державами, конечно же, не было – и даст бог, долго еще не будет. Что ничуть не мешает подводному народу вести свои маленькие, незаметные миру, тихие войны. Чуть ли не по всему земному шару. Давно уже действует строгий принцип «адекватного ответа»: бросился с ножом – получи лезвие в ответ, шел на нас с миной – не изображай благородное негодование, если вдруг у тебя под ватерлинией рванет нечто соответствующее. Не зря англичане выдумали пословицу насчет стеклянного дома...

Нет. Прошло уже не меньше четырех минут, а серое обтекаемое тело не подает признаков жизни. Гидрофоны, быть может, и работают, но они в данный момент не опасны. Засечь подкрававшегося противника могут лишь активные устройства типа сонара, но их, очень похоже, не включают ради

полной конспирации. Если ты выпустил в рейд диверсантов с миной, предназначенной для уничтожения иностранного гражданского судна в территориальных водах третьего государства, – поневоле прикинешься шлангом, избегая всего, что позволит тебя засечь. Классика жанра. Законы ремесла.

Проследив за указательным пальцем Морского Змея, Мазур поняливо кивнул – даже с этого места можно было разглядеть черную нить, почти вертикально уходившую от рубки к поверхности. То ли буй с радиоантенной, то ли телефон для связи с судном обеспечения. В любом случае ясно – там, наверху, кто-то есть под безмятежным синим небом...

Морской Змей скороговоркой глухонемых объяснил задачу, не вызвавшую в душе Мазура никаких эмоций. Какие тут могли быть эмоции, когда шла работа?

Он поплыл вверх, размеренно шевеля ластами. Князь и Айн Либрих, по кличке Цвай-Драй, двигались чуть позади. Самое время помянуть добрым словом опыт и предусмотрительность Дракона – будь они с аквалангами, пришлось бы всплывать значительно дольше, со всеми «ступеньками», «порожками», декомпрессионными остановками, а вот комбинированный аппарат позволял достичь поверхности гораздо быстрее, без риска подхватить «кессонку».

Одиннадцать метров, десять, восемь... Вокруг уже совсем светло, отчетливо различимо днище корабля – отнюдь не грандиозного размера, примерно соответствующее корабliku водоизмещением тонн четыреста-пятьсот. Знаем мы один такой кораблик с красивым именем...

Он жестом приказал разделиться – и спутники разомкнулись вправо-влево, заходя один с кормы, другой с левого борта. Сам Мазур должен был нагрянуть в гости с правого борта. Уже виден руль и винт, уже ощущается легонькая качка, знаменующая близость поверхности...

Рывком, изогнувшись, Мазур ушел под днище корабля. Очень вовремя – прозрачную воду косо прошили пенные струйки. Судя по их обилию и другим характерным признакам, какая-то паскуда на палубе пыталась его достать из обычного автоматического оружия, залепила длинную очередь.

Новый веер пузырчатых трасс – настырный попался клиент, не понимает, очень ему хочется достать старшего лейтенанта Мазура, не имеющего пока что законной клички. Значит, у них там работает сонар. Есть, надо полагать, какие-то предварительные договоренности – автоматчик палит так решительно, словно заранее знает, что своих пловцов тут сейчас оказаться не может...

Нельзя до бесконечности прятаться под днищем – как только им придет в голову запустить двигатель, переменится весь расклад. Даже если не зацепят из своих тархтелок, придется уходить в глубину, а это автоматически означает невыполнение приказа...

Мазур скользнул под днищем к шестилопастному винту, сорвал с пояса свернутый линь и в два счета надежно запеленал лопасти и вал винта так, что неизвестный кораблик способности к активному передвижению лишился надолго. Во время этой процедуры сердце замерло в приливе щекочущей нервы тревоги: если движок запустят, можно и без грабок остаться, после чего долго сокрушаться о своей несчастной участи не придется...

Обошлось. То ли приказ держал яхту здесь, то ли другие соображения, но движок так и не запустили. Мазур вынырнул из-под кормы, переворачиваясь на спину в стиле атакующей акулы, пошел к поверхности. Он уже отчетливо различал левее, над невысоким бортом, искаженную преломлением в воде солнечных лучей фигуру – гад бдительно перегнулся через фальшборт с какой-то дурой в руках, но Мазур был в лучшем положении – поди-ка угадай наверху, где именно вынырнет пловец, которого ты безнадежно потерял из виду...

Он нажал на спуск, сделав должную поправку на преломление лучей. Фигура дернулась, перевалилась через борт головой вперед, шумно плюхнулась в воду метрах в трех от Мазура, левее, утюгом пошла на глубину. Краешком глаза Мазур успел заметить выпученные глаза, перекошенный рот, яркие плавки – и рванулся к поверхности, поскольку этот уже был не опасен.

Отработанным прыжком вылетел из воды, заранее прокачав в уме со всеми поправками высоту борта и прочие небесполезные обстоятельства. Отпустив повисший на ремне автомат, ухватился за кромку фальшборта, рывком перенес тело на палубу, в один неуловимый миг обретя вес. Ласты шумно шлепнули о палубу, Мазур приземлился на согнутых, широко расставленных ногах, одним движением перебросил автомат под локоть – и полоснул, не медля, очередью по человеку, развернувшегося было к нему от борта с чем-то огнестрельным в руках...

Промаяхнуться на таком расстоянии не смог бы и дилетант. Противника прямо-таки выбросило за борт; не издав ни звука, он улетел в воду головой вперед, только пятки мелькнули.

Мазур передвинулся правее, чтобы держать на глазах и ведущую в надстройку дверь – точно, «Русалка»! – и правый борт.

Негромкий треск подводного автомата. Стоявшая к Мазуру спиной на

носу фигурка – длинные белокурые волосы, загорелая спина перечеркнута алой завязочкой купальника – опрокинулась навзничь, словно сбитая кегля. Моника, вмиг опознал Мазур, проводив взглядом выпавший из ее рук автомат, «пятьдесят седьмую» «Беретту», неплохую игрушку для понимающего народа.

Над ней уже возвышалась обтянутая черной резиной фигура с задранной на лоб маской. Мазур узнал Князя. А где же Цвай-Драй?!

Некогда было гадать – из распахнувшейся двери брызнула автоматная очередь, и Мазур, рухнув на палубу, ответил скупой, но без промаха. Слышно было, как тело катится по лесенке вниз, как оно шумно впечаталось в переборку – и все звуки на этом оборвались.

Князь по сигналу Мазура залег на носу, выставив автомат. Мазур в темпе произвел нехитрый арифметический подсчет: если на «Русалке» не прибавилось новых людей, там, внизу, остался один-единственный...

Прижавшись к переборке рядом с дверью, он громко крикнул:

– Выходи, сволочь! Гранатами забрасаем! Считаю до пяти! Раз...

На счете «Три!» снизу донеслось:

– Я сдаюсь, если гарантируете жизнь...

– Гарантируем! – охотно пообещал Мазур, благо обещать – дело, в принципе, насквозь нехитрое.

– Не стреляйте, я выхожу...

Из предосторожности Мазур сменил позицию. Совсем скоро в проеме показались растопыренные пальцы поднятых вверх рук, а вслед за ними и физиономия их владельца. На сей раз Драйтон не напоминал ни пьяного, ни беззаботного – вполне волчья рожа, с осмысленным страхом в глазах...

Не теряя времени, Мазур вытащил его на палубу за ворот рубашки, упер ствол в ухо и шепотом рявкнул:

– Кто там еще? Ну!

– Никого больше...

Подозвав Князя, Мазур поручил ему пленника, а сам, подобрав «Беретту», спустился вниз по чистенькой лесенке. Выпустил в проем двери короткую очередь, чтобы заставить возможного врага занервничать и обнаружить себя ответным огнем. Тишина.

Через пару минут Мазур вновь поднялся на палубу, твердо уверенный, что внизу и впрямь никого больше не осталось. Все, что он там обнаружил, работало на версию о судне обеспечения – масса сложной электроники, неслабый арсенал...

– Где Цвай-Драй? – спросил он быстро.

– Нас обстреляли... – произнес Князь, стоя с автоматом наизготовку

над лежащим Драйтоном.

И ничего больше не сказал. Все и так было ясно. Коли уж получивший приказ атаковать боевой пловец так и не прибыл к цели, так и не всплыл на поверхность... При том, что в него стреляли... Взыв про себя от тоскливой боли в сердце, Мазур опомнился – нужно было продолжать работу...

Он огляделся, стоя у борта. Сияло солнце, безмятежно искрилось море, пустынное от горизонта до горизонта. Слева, метрах в десяти от «Русалки», на волнах легонько покачивался сине-зеленый, под цвет волн, шар размером с футбольный мяч – ну да, буй субмарины...

– Встать! – распорядился Мазур. – Сесть на корточки, руки за голову! Как делишки, Драйтон? Что-то вы сегодня трезвый...

«Добрый волчина, – оценил он, – матерый, правильный. Не вопит возмущенно о наглости бандитов, имевших хамство атаковать мирную яхту, не растекается – сидит себе на корточках, сверля умным, злым взглядом, в башке, надо полагать, лихорадочно вертятся расклады, хреновые, как один...»

– Обстановка пьянству не способствует, Сирил, – ответил Драйтон напряженно. – Некогда... Что вы намерены делать?

– Судно обеспечения? – спросил Мазур. – Да не жмитесь вы, как целка, и так все ясно, я порядка ради интересуюсь...

– Да.

– «Тюлени», а? (Драйтон дернул уголком рта, промолчал.) Да я и так вижу...

«А собственно, о чем его допрашивать? – подумал Мазур холодно. – И так все ясно, никаких загадок и недомолвок...»

– Какие у меня шансы? – быстро спросил Драйтон.

– На что?

– На жизнь.

– Ах, шансы... – Мазур даже не понял в первый миг, о чем там болтает этот живой покойник, он все еще думал об Айне. – Шансы, Драйтон, есть всегда...

Буй дрогнул! На миг приподнялся над волнами, потом опустил и нырнул так проворно, словно был поплавком исполинской удочки, на которую попалась вовсе уж грандиозная рыбина вроде легендарного Великого Кракена. Целеустремленно погрузился, пошел на глубину так шустро, что через пару секунд исчез из виду. Мазур повернулся к пленнику:

– Буй погрузился. Что это должно означать?

– Вы мне гарантировали...

– Гарантировал, – сказал Мазур. – Но вы не больно-то рассчитывайте на мои гарантии – их еще заслужить нужно хорошим поведением... Ну?

– Там подлодка...

– Знаю. Не тяните.

– Где наши люди?

– Это спорный вопрос, Драйтон, – ответил Мазур истинную святую правду. – Честное слово, не знаю, где они теперь, – но мне хочется верить, что там кипят котлы и смола шкворчит...

– Все?

– Мы не лопухи, – устало сказал Мазур. – Конечно, все... Ладно, не будем болтать о постороннем. Время поджигает. Что означает погрузившийся буй?

– Субмарина сейчас уйдет, – угрюмо поведал Драйтон. – Мы как-никак в территориальных водах суверенной республики. Пусть и кукольной. Все было четко распланировано – я о времени, отведенном на операцию. И был резерв времени, строго оговоренный. Они знали заранее: если не уложатся в лимит и опоздают хотя бы на минуту, лодка уйдет. Ждать не будут. Ничего страшного, не на Северном полюсе, они рано или поздно добрались бы до Баэ, там есть резидент, пути отхода...

«Все то же самое, – отрешенно подумал Мазур. – Как и следовало ожидать. Наше зеркальное отражение. Лимит времени, неумолимая секундная стрелка, четкий приказ, классическое „следую своим курсом“. Кто не успел, тот опоздал. И некого винить, кроме себя, ты давно и хорошо знал, что опаздывать не имеешь права... Наше отражение в зеркале».

– Нельзя надолго тут задерживаться, – продолжал Драйтон, судя по словоохотливости, твердо решивший зарабатывать жизнь. – В этом районе уже несколько дней болтаются ваши корабли... конечно, и наши тоже, но нам запрещено устраивать открытые морские сражения. Думаю, вам тоже, а?

Черное тело взметнулось над бортом, приземлилось на палубу, звонко шлепнув лапами, – и тут же на носу раздался схожий шлепок, словно эхо. Мазур не пошевелился – он сразу разглядел охватившие талии обоих белесые пояса.

Морской Змей выплюнул загубник, сдвинул на лоб маску:

– Болтаете?

– Беседуем с клиентом... – сказал Мазур. – Что там?

– Да все нормально, – сказал Морской Змей, глядя сквозь него пустыми, спокойными глазами. – Когда они начали втягивать буй, стало

ясно, что могут слинять. Ну, мы и прилепили «кастрюлю». А поскольку делать после этого там было нечего, пошли посмотреть, как у вас дела обстоят. Ничего, нормально...

– «Будильник» на сколько поставили?

– На полчаса. К чему затягивать?

Мазур примерно представлял себе то, что должно было вскоре произойти, он бывал на подводных лодках. Удар, толчок сбивает людей с ног, струя воды хлещет внутрь, мигает аварийное освещение, ошалелая паника первых секунд, лихорадочно задраивают переборки, пытаются привести в норму рули, выровнять лодку...

Вообще-то, у тех, внизу, есть кое-какие шансы. При невероятном везении и соответствующем оснащении часть экипажа может и спастись. Бывали в океане чудеса и похлеще. Крохотные шансы, но есть – и черт с ними со всеми, думать о них больше не следует. Все равно не побегут жаловаться ни ахатинским властям, ни в Морской суд Гааги, если кто-то выживет, затаят обиду при себе. Мы на их месте тоже не бегали бы по судам и властям, законы игры известны давно и хорошо...

– Когда пошел отсчет взрывателя? – спросил вдруг Драйтон.

– Ага, – сказал Мазур. – Он понимает по-русски... Да, Драйтон?

– Я профессионал, господа...

– Как он? – спросил Морской Змей у Мазура так, словно Драйтона тут не было вовсе.

– Болтает, – сказал Мазур. – Жить хочет.

– Как будто я не хочу... – задумчиво произнес Морской Змей.

– На вашем месте я постарался бы побыстрее отсюда убраться, – сказал Драйтон торопливо. – Куда вы поставили мину?

– Надежно, – хмыкнул Морской Змей.

– Если рубка окажется не задета и они смогут подать сигнал с грунта, выпустить буй... – Драйтон оглянулся на море. – Никто не станет поднимать шума, но в прилегающих квадратах есть и наши корабли... Наконец, меня могут вызвать по радио, потребовать объяснений...

– Точно, ты прав, – сказал Морской Змей задумчиво. – Хороший клиент, болтливый. Зарабатывает жизнь, как может...

– Я знаю правила игры, – в голосе Драйтона все же прорвалась нервная торопливость. – У вас на корабле есть агент... Человек, который работает на мое начальство...

– Ужасы какие, – без выражения отозвался Морской Змей. – И кто же, интересно, этот выродок?

– Давайте поговорим об этом в более подходящем месте, – твердо

сказал Драйтон. – В моем положении следует приберечь кое-какие козыри...

– Это верно, – сказал Морской Змей.

Мазур едва успел заметить, как он нанес удар. Затянутая в черную резину рука капитан-лейтенанта описала экономную дугу – к поясу, потом вверх! – встретила с солнечным сплетением Драйтона, уже отягощенная ножом. Короткое оханье, едва слышный хлюп – и «техасский миллионер» осел на палубу, вытаращив гаснущие глаза, прижав руки к животу.

– Эй! – невольно вскрикнул Мазур.

– Что такое? – уставились на него столь же спокойные и пустые глаза капитан-лейтенанта.

– Зачем?

– А на кой хрен он нам?

– Он мог знать агента... – растерянно пробормотал Мазур.

– Вполне мог, – согласился Морской Змей. – Мог и на связь с ним выходить... Только не надо забивать себе этим голову. Во-первых, не наше дело. На то есть другие. Во-вторых, никакого агента нет – я имею в виду, уже нет.

– Кто? – сгоряча, азартно спросил Мазур.

– Кирилл... – поморщился Морской Змей.

– Извини, – опомнился Мазур. – Да, тут такое дело... Цвай-Драй...

– Он на дне, – ровным голосом сказал Морской Змей. – Мы видели, как он... опустил. Пули попали в лицо. Лопухнулся Цвай-Драй, хоть вам и велели не портачить... Ладно, некогда расслабляться. Заманчиво было бы, конечно, доставить этого хмыря на борт живым, но чересчур уж рискованно шлаться с таким багажом... Короче, покойный был прав. Нужно в темпе убираться. Князь, нырни за... Айном. Он примерно в том месте, где мы залегали возле лодки. Мазур, подстраховываешь. Давайте в темпе. Поднимите Айна сюда, пройдем несколько миль на этом корыте, а потом придется его пустить на дно... Что стоишь?

– Я там винт линем обмотал, – сказал Мазур, опуская маску на глаза. – Так что учти...

– Обязательно учту, – серьезно сказал Морской Змей. – Пока будете нырять, снимем ваш линь... Ну, пошли!

Глава четвертая

Один солдат на свете жил, красивый и отважный...

Он не спал, но и, пожалуй что, не бодрствовал – лежал в некоем подобии забытья, измененного сознания и, что характерно, прекрасно это понимал. Но поделаться ничем не мог. словно без его участия мозг снова прокручивал то, что напоследок случилось на дне, в той самой пещере, где сначала осьминог, большой музунгу, разделался с неизвестными ловкачами, а потом Мазур – с осьминогом, не исключено, тем же самым.

Все трупы, предварительно освободив иные от улик, автоматных и пистолетных «гвоздей», они перенесли в пещеру. Там они и легли на каменистом дне двумя шеренгами, меж которыми было метров пять расстояния, – и Папа Карло с Черномором, и Цвай-Драй, и Корнет. И обе красотки, Гейл с Моникой, и Драйтон со своими мордоротами, и неизвестные орелики с тускло-зелеными повязками поверх ремешков масок. Ляжем – сравняемся, кумиры и селяне...

Ничего другого нельзя было сделать для своих – им еще предстояло возвращаться домой через половину земного шара, у них на борту была куча непосвященного народа. Невозможно было бы разместить столько тел в корабельных холодильниках – достаточно и того, что остается риск нарваться на бдительного таможенника, который обнаружит труп Волчонка с несомненными ранениями, причиненными неким оружием. Есть, разумеется, по всем правилам составленный Лымарем протокол вскрытия, показания свидетелей, согласно которым тов. Волков, скорее всего, в приступе умопомрачения покончил с собой, всадив себе в грудь какой-то заточенный штырь, но, во-первых, риск остается, а во-вторых, самый тупой таможенник может не поверить в массовое самоубийство, отчего-то случившееся на борту «Сириуса». Так что Дракон отдал совершенно недвусмысленный приказ...

Так они и легли на дне, люди, по гидрокостюмам которых и дыхательным аппаратам ни один пытливейший эксперт не смог бы, пожалуй, определить их национальную, равно как и государственную принадлежность. Просто земляне, и не более того. А если учесть, что через несколько лет проделает с останками морская вода... Много ли осталось от того, что подвернулся разъяренному музунгу?

Ну, а дальше было совсем просто: подрывной заряд в нужной точке сотворенного природой туннеля, никаких особых церемоний, они отплыли метров на сорок, дождались, когда сработает в расчетный срок кислотный взрыватель. Из черного зева бывшего туннеля выметнулось черное облачко – и вскоре осело на дно. Взрывная волна наружу не пошла. Лишь в ушах на миг почувствовался легкий толчок. Беглая проверка убедила, что камни, как и ожидалось, завалили туннель. Чересчур уж фантастическое стечение обстоятельств потребуется, чтобы кто-то в ближайшие годы забрел именно туда. С той стороны не следует ждать сюрпризов, комиссий по расследованию, хватких сыщиков, которые станут ползать с лупой по дну, брать отпечатки присосок у осьминогов и допрашивать подвернувшихся под руку макрелей. Нет нужды. Все и так ясно. В определенном количестве армейских личных дел будут сделаны соответствующие записи, а потом дела уйдут в архив. Останется безымянная братская могила. Ляжем – сравняемся...

Он старательно разлепил глаза, пытаясь доказать себе, что все же бодрствует. В каюте стоял полумрак, глаза к нему давно привыкли, и Мазур рассмотрел, как из крохотной ванной выходит Ирина, судя по силуэту, в его рубашке. Прикрыл глаза – не хотелось говорить, думать, общаться. Хорошо еще, она не стала умищаться на тесной койке, присела к столу, огонек зажигалки на миг осветил ее загадочно-прекрасное лицо, обрамленное спутавшимися темными прядями.

И хорошо, что он не оскандалился нынче ночью: почему-то представлялось, что после всего случившегося на дне и на поверхности он окажется ни на что не способным с женщиной. А получилось совсем наоборот, такой яростной, неуголимой силы он в себе сроду не ощущал, даже испугался немного...

– Спишь? – шепотом спросила Ирина, подойдя к койке. Он старательно, ровно задышал. Ирина попыталась осторожненько примоститься рядом...

Трах! Дверь каюты – а ведь запирал изнутри! – с грохотом отлетела, ударившись о стену, и мигом позже под потолком вспыхнула лампа. Застучали шаги.

Инстинктивно зажмурившись от режущего, неожиданного света, Мазур убедился, что это ему не снится, что это все на самом деле. Грохотали шаги, кто-то азартно выкрикнул:

– Стоять! Не шевелиться!

Он ухитрился, наконец, открыть глаза, хоть их и пекло немилосердно. Видел сквозь радужные пятна, как Ирина, встав коленями прямо ему на

живот, рванула на себя иллюминатор, но по ту сторону выставилась чья-то рожа, протянула с ухмылкой:

– Ку-ку...

Ирина дернулась назад, примяв коленями Мазурову диафрагму так, что он охнул и попытался встать. Она спрыгнула с кровати, и вновь крики, теперь уже в несколько глоток:

– Стоять!

– Руки!

– Руки на виду держи!

Кто-то старательно прикрыл дверь. Рывком приподнявшись, Мазур сел на койке. Оторопело огляделся.

Лаврик стоял у двери с пистолетом в руке, с азартно-яростным лицом, пенсне держалось на носу кривовато, в нем отсвечивала яркая лампа. Трое его орлов рассредоточились по каюте. Ирина стояла посередине, у стола.

Никто из ворвавшихся ее не трогал, пальцем не прикоснулся, они стояли неподвижно, как в той самой детской игре, но она все равно металась так, будто ее ловили тянувшиеся со всех сторон руки, дергалась то вправо, то влево, шажок сюда, шажок туда, дикий, нелепый танец, от которого холодело внутри, заполoshные прыжки человека, оказавшегося в комнате, где на полу ползает масса гадюк... но ведь не было ничего, никаких змей!

Мазур увидел ее лицо – и перестал что-либо понимать. Разве что сердце захолонуло. На исказившемся бледном личике мелькали то злоба, то страх, губы дергались, Мазур ее не узнавал...

Привалившись к косяку, держа пистолет дулом вверх, Лаврик с ухмылочкой сказал в пространство:

– Прошу любить и жаловать. Смотрите в оба, орлы. Практическое занятие по семинару «Взятие шпиона с поличным». Обратите внимание на игру лицевых мускулов, частоту сердечного ритма, обильное потоотделение, нескоординированность движений. Общее эмоциональное состояние колеблется от осознания провала до иррациональной надежды, что все волшебным образом прекратится... Ладно, киньте ей шмотки... Не в театре.

Тот, что был ближе всех, крепко ухватил Ирину за локти и подтолкнул к стулу с ее одеждой. Еще один скрылся в ванной.

– Одевайся, сучка, – сказал Лаврик. – Живенько. Человека из-за тебя разбудили... Ну, что там, Барцев? – Заглянул в протянутую ему расстегнутую сумку и хмыкнул. – Ага, конечно... Малый джентльменский набор. Руслан, убери рожу из иллюминатора или хотя бы рот захлопни, а то

видок у тебя...

Мазур отчетливо видел все происходящее вокруг, но с мозгами у него происходило что-то странное: увиденное не проходило в рассудок, не поддавалось осмыслению, словно натываясь на некую преграду... или он попросту боялся понять.

Сидя на разворошенной постели, он смотрел, как ее силком заставляют одеться, как уводят, крепко держа за запястья. Оставшись в одиночестве, Лаврик, покачивая сумкой, подошел к койке и присел рядом. Снял пенсне, потер большим и указательным пальцами припухшие глаза. Виновато улыбнулся:

– Сутки не спал...

Мазур смотрел на него и молчал, все так же боясь впустить в сознание правду.

– Ну что ты тарацишься? – тихо, устало спросил Самарин. – Я тебя умоляю, не надо про тридцать седьмой год и прочие ужасы. Семьдесят шестой – он и есть семьдесят шестой. Так-то. Так-так-так, так-так-так, так-то... Знаешь такие стихи?

– Нет, – мертвым голосом произнес Мазур.

– Рыжий конь скакал вдоль тракта, с перебором на три такта – так-так-так, так-так-так, так-то...

Мазур молчал. Он прекрасно знал это состояние – когда все позади и неутолимо тянет выговориться, плести что угодно, только бы не молчать, выплеснуть, разрядить пережитое напряжение, дикое и долгое, – иначе крышей поедешь...

– Но этого же не может быть, – сказал он, прекрасно сознавая, что не спит. – Не может.

– Может, – сказал Лаврик столь же тускло и тихо. – Пора бы уж понять, что шпионов придумывает не студия Довженко и Юлиан Семенов. И шпионы – это вовсе не склизкие субъекты с поднятыми воротниками, бегающими глазками и торчащей из кармана бомбой. Шпионы – они обыкновенные. Как все. Даже больше – общительные такие, веселые, затейники и душа компании, очаровательные бабы, к которым душа сама тянется... Иначе нельзя, иначе не поработает шпион толково и с пользой для хозяев... На, полюбуйся, – он подсунул к самому лицу Мазура распахнутую сумку. – Это добро у тебя три дня валялось под ванной, в дальнем уголке. Это вот не только транзистор, он и еще кое-какие функции выполняет: прием сообщений, кодировка своих, запись на пленку компакт-сигнала. А это и не авторучки вовсе. Если взять вот так и сжать пальцы – пойдет сигнал. Тот самый «пакет». Не забыл, чему на курсах учили? Если

есть желание, потом посмотришь на все это в разобранном виде.

Убеждали даже не эти компактные приспособления, и впрямь напомнившие Мазуру кое-какие спецкурсы, а этот тихий, ровный, усталый голос.

– Но как... – только и смог он произнести.

– «Как» – это уже дело десятое, – сказал Лаврик. – Девочке, я так полагаю, хотелось жить красиво. Иногда так хочется жить красиво, что о средствах не думают абсолютно. Откровенно тебе скажу, я пока еще не знаю в точности, на чем ее приловили и как так вышло, что согласилась. Не моя епархия. Но вот в том, что работала она старательно, могу тебя заверить честным словом офицера. Однако ж переиграли... Прихватили за ушко. Вообще-то, задумка была неплохая: сначала она, играя жертву раздирающих душу сомнений, все же рассказывает сквозь зубы, что это именно из твоего иллюминатора свисал проводок, когда мы перехватили передачу... Что ты тарачишься? Именно так и рассказала, выполняя свой гражданский долг и долг офицера...

– Зачем? – тоскливо спросил Мазур.

– То есть как? – Лаврик даже удивился немного. – Мы, влекомые служебным долгом и охотничьим азартом, немедленно к тебе вваливаемся, переворачиваем все вверх дном, благо ты на заметке после известных твоих странствий по острову... Ничего не найдя, к тому же установив по своим каналам, что никаких проводков из твоей каюты не торчало, вежливо извиняемся за ошибку и снимаем тебя с листа подозреваемых. И становится твоя каюта «чистым» местечком, куда с обыском и вообще с осмотром никто уже не будет наведываться. Тем самым местом, куда можно украдкой перенести все уличающие штучки – у нее ж тоже нервы, хлебчик шпиона горек, под расстрельными статьями ходит... Использовали тебя, мой милый. За болвана. Случается такое. Ты не первый и даже не сотый, если такая арифметика хоть немного утешит. Моя б воля, я бы тебе легонько настучал по сусалам – за то, что вопреки строжайшим инструкциям распускал язык в постельке: «Когда мы, наконец, отсюда уберемся?» «Скоро, милая, два-три дня, не более, а теперь раздвинь ножки...» Эк тебе кровь в рожу бросилась, – сказал он безжалостно. – И правильно. Чтоб проняло до печенок, тогда, может, и поймешь, что инструкции для того и пишутся, чтобы их исполняли в точности. Независимо от того, кто перед тобой – родная мама или очаровашка, которая тебе дает со всем прилежанием, так что у тебя от павлиньего самомнения мозги плывут... – Он усмехнулся. – Ничего-ничего, пусть тебя корчит как следует... Не в ЖЭКе трудишься. Были микрофоны в каюте, а

как же. За битого, как известно, аж двух небитых дают... Она все сливала, ты понял? Все, что проходило через ее ручки. Правда, с некоторого момента через ее ручки начало проходить то, что с реальностью имело мало общего, но это уже другая песня... Ладно, – он устало поднялся, похлопал Мазура по плечу. – Не надо биться башкой о стену. Не будет у тебя особых неприятностей, честное слово. Тут ты ни при чем. Самое большее, что получишь за длинный язык, – устное порицание в матерной форме. Неприятности будут кое у кого другого, которого здесь и нет вовсе, у тех, что всерьез прохлопали, хотя обязаны были бдить... Ну, тебя можно оставить одного? В петлю не полезешь? Я серьезно спрашиваю.

– Поди ты, – огрызнулся Мазур.

– Значит, не полезешь, – констатировал Лаврик. – И правильно. Не стоит оно того.

– Но как же...

Он и сам толком не знал, что хотел сказать. Однако Лаврик, очень похоже, его понял.

– Да вот так, – сказал он, подумав. – Ни симпатичная мордашка, ни папа-адмирал еще не гарантируют от того, что в мозгах не заведется блудливость, плавно перетекающая в шестьдесят четвертую статью... Это где-то у Стругацких, кажется? «Она была такой красивой, что не могла не быть умной, доброй...» Вздор. Муть голубая. Ежели судить по физиономии, то нашему Панкратову пора маршальские звезды навесить или вылепить с него статую доброго самаритянина, аллегорическую персону «Доброта и души тепло»... – Он вздохнул, поднялся, тщательно застегнул брякнувшую сумку, похлопал Мазура по плечу. – Ну, я пошел, мне теперь до утра глаз опять не сомкнуть, душевные беседы пойдут, пока клиентка в нужной кондиции и не оклемалась толком...

Дверь тихо закрылась за ним. Мазур зажал лицо ладонями.

Такого прилива жгучего стыда и бессильной злости с ним еще, пожалуй что, и не случалось вовсе.

«Один солдат на свете жил, красивый и отважный, но он игрушкой детской был, ведь был солдат бумажный...»

Слишком много для одного человека, право же. Слишком много. Чтобы вот так, со всего размаха – мордой в грязь, в самое поганое дерьмо... Как же теперь жить-то? Неясно совершенно. Но в одном Лаврик прав: никакой петли, мужик обязан держать удар...

Глава пятая

...в чьем сердце пляшет желтый бес

– Завтракал? – спросил Морской Змей, не оборачиваясь.

Плетущийся за ним Мазур мотнул головой:

– Нет.

– Это ты зря. Давай-ка по уставу, прием пищи есть прием пищи... Потом сразу пойдешь и как следует подзаправишься.

– А куда мы?

– Бумажку подмахнуть, – загадочно ответил Морской Змей. – Так, проформы ради... А затем начинается боевое дежурство. Минут через несколько снимаемся с якоря и уходим в точку randevu. На эсминце груз будет целее, а нам еще тащиться через половину шарика... Ты что фыркаешь?

– Знаешь, мне вдруг пришло в голову... – сказал Мазур, пытаясь прогнать из души эту чертову пустоту. – Мы столько дней тут пластаемся, под водой творится черт знает что, а ни одна живая душа из посторонних понятия ни о чем не имеет. А ведь их чуть ли не полсотни... Смешно?

– Не смешно, а закономерно, – сказал Морской Змей. – Значит, мы хорошие профессионалы... Имей в виду, тут нарисовался еще один непонятный сюрприз. С рассветом пришла моторка. Оператор нашей Мадлен, этот байбак сонный, и еще какой-то сопляк. Привезли ей из Виктории почту, все вроде бы естественно, но потом у них, изволите ли видеть, мотор накрылся. Мы, конечно, благородно полезли помогать, выяснилось – не врут, накрылся, и качественно. Вот только, чтобы добиться такой поломочки, надо хорошо потрудиться напильником... Придется везти их в Баэ, а что поделать? Не за борт же выбрасывать...

– Не нравится мне это, – сказал Мазур.

– А никому не нравится. Дракон велел быть настороже, тебе по раскладу выпадает шлюпочная палуба. С одной стороны, троих лягушатников особенно остерегаться не следует при нашем перевесе, а с другой – поди пойми, что у них на уме и кто им может на подмогу нагрянуть.

– Ну, у нас же полицаи на борту. Эти ребятки, что с Дирком, смотрятся и покруче, чем те двое покойничков, и вооружены лучше.

– То-то и оно... – задумчиво промолвил Морской Змей. – Заходи.

Он распахнул перед Мазуром дверь с табличкой: «Лаборатория № 5.

Посторонним вход воспрещен». Мазур послушно вошел в их лазарет, потаенный, в хозяйство Лымаря.

Сам Лымарь, не обернувшись на стук двери, согнувшись, старательно сметал в совок позвякивающие осколки – кажется, обычного стакана. Одно из белых кресел оказалось перевернутым, на глазах у Мазура Лаврик поднял его, аккуратно поставил под иллюминатором. Поморщившись, поднял руку ко рту и пососал длинную кровоточащую царапину на тыльной стороне ладони.

– Йодом помажь, – угрюмо сказал сидевший здесь же Дракон. – Не тяни в пасть...

Лаврик не отреагировал, продолжая сосать царапину. Он был растрепан и как-то незнакомо возбужден, пенсне сидело на носу косо.

– Ага, садись, Кирилл, – сказал Дракон помягче. Придвинулся поближе, хлопнул Мазура по коленке. – Понимаешь, тут такое дело, придется тебе в качестве свидетеля на протоколе расписаться...

Несмотря на весь душевный раздрай, не отпуская с самого момента пробуждения, Мазур все же холодно отметил, что адмирал пытается выглядеть спокойным и участливым, а на самом деле столь же возбужден, как и Лаврик, как Лымарь с его суетливыми движениями совком и веником...

– Какой протокол? – спросил Мазур настороженно.

– Ну, не допроса, конечно... Заверишь протокол врачебного осмотра покойной. Как полагается. Врач, капитан и два свидетеля. Триколенко уже расписался, а Самарину светиться не стоит... Труп у нас, знаешь ли. Скончалась гражданка Гридасова от острой сердечной недостаточности. Сердце у нее оказалосьдохленькое...

Мазур оглянулся на белую ширму, но не смог ничего за ней рассмотреть. Резкий, острый аптечный запах, вовсе не напоминавший сердечные лекарства, еще висел в каюте – и усилился, когда совсем рядом с Мазуром осторожно пронес совок Лымарь.

Подняв голову, Мазур встретил взгляд адмирала – не злой, как следовало бы ожидать, а полный боли. Именно этот взгляд и заставил молчать, хотя у Мазура так и рвалось из груди то ли ругательство, то ли оханье.

– Как же... – только и пробормотал он.

Дракон нагнулся к нему, произнес тихо, доверительно:

– Понимаешь, Валерка Гридасов – золотой мужик. Я с ним воевал, от звонка и до звонка, Отечественную, а потом и с япошками. Он правильный мужик, ясно? Моряк от бога. Ни в чем он не виноват, конечно, но из-за этой

поганой мокрохвостки, зуб даю, не только может огрести полные трюмы неприятностей, но и погон лишиться. А это будет неправильно. Категорически неправильно... Только кто ж нас послушает, наверху после этого пидера, Саблина, совсем озверели, в другое время еще можно было рассчитывать на объективное рассмотрение, а теперь... Нас тут пятеро, и четверо собираются молчать, как рыбы... Присоединишься?

– А...

– Получится, – подхватил Дракон на лету его невысказанную мысль. – Обойдется. Будет, конечно, Валерке втык и разнос, не без того, но это уже пройдет по другому разряду. Нам, старикам, к строгачам не привыкать... Видишь ли, эта паршивка сама к нам пришла, чтобы ты знал. И, путаясь в соплях, настрочила обширнейшую явку с повинной. Вон, на столе лежит... эпистоляр, что твоя «Война и мир». Что у нас прописано в уголовном кодексе? Освобождается от ответственности гражданин СССР, завербованный западной разведкой, ежели он пришел с повинной и чистосердечно во всем признался. Пришла она и призналась. А потом сердчишко не выдержало. Для адмирала Гридасова этот вариант весьма неприятен, но другой расклад был бы еще хуже... Я на тебя надеюсь, Кирилл... Все я понимаю, что у тебя на душе, да, видишь ли, войны никогда не бывает ни слишком мало, ни слишком много. Война – она и есть война. На аркане тебя в «морские дьяволы» не тянули, сто раз мог гордо развернуться и уйти...

Мазур покосился на Лаврика.

– Там тоже могила, – сказал адмирал. – Ребятки молчать умеют...

Мазур молчал, избегая смотреть в сторону раздвинутой на полкаюты белой ширмы. Несколько дней назад, совершенно точно знал, принялся бы что-то вякать, в бутылку лезть, но вот теперь... Что-то сломалось в душе навсегда. Быть может, это означало, что он повзрослел окончательно.

– Как пистолет с одним патроном в старину? – спросил он, кривя губы в жалкой, вымученной улыбке.

– Вроде.

– Где расписаться?

– Вон там, Самарин покажет...

* * *

...Выйдя на шлюпочную палубу, он плюхнулся на белую скамейку и равнодушно смотрел, как исчезает на горизонте атолл – «Сириус» – уходил

прочь от того места, где покоились на дне «Агамемнон» и «Русалка», где в подводной пещере лежали рядышком свои и чужие, где старший лейтенант Мазур показал себя настоящим «морским дьяволом», но получил взамен выжженный напрочь кусочек души. Ему казалось, что теперь он не сможет никого любить и верить никому не сможет – за исключением своих, родной стаи...

– Ну, наконец-то я тебя нашла...

Он равнодушно поднял глаза – Мадлен стояла над ним, в белых брючках и легкой синей блузке, свежая, веселая, улыбающаяся. Гибко присела рядом:

– Я, случайно, не помешала полету научной мысли? Если ты рождаешь эпохальную теорию, так и скажи...

– Да нет, – сказал он вяло.

И устался на ее шею, едва заметно пульсировавшую артерию под ухом. Мазур вовсе не хотел ее убивать, он же не сошел с ума, в конце-то концов, просто задумался вдруг: если чикнуть лезвием по этому самому месту, по загорелой коже, все будет легко. Что-то с ним произошло, что-то в нем изменилось – он смотрел на человека и думал, как нетрудно, оказывается, его убить. Несильное движение клинка... Нет, он не рехнулся, но определенно стал другим, смотрел теперь на людей по-иному...

– У тебя что-то случилось?

– Да нет, – сказал он спокойно. – Просто не выспался.

«Судя по твоему беззаботному виду, с тобой тоже еще ничего не случилось, – продолжил он мысленно – холодно, отстраненно. – Но вскоре что-то обязательно случится, потому что нельзя оставлять это просто так, пора что-то делать... Интересно, на чем Лаврик ее подловит? Если ее и будут ломать, а иного и предположить нельзя, то – совсем скоро...»

– Ты не видел лейтенанта Ожье?

– Нет.

– Запропастился куда-то поутру, в каюте его нет...

– Тебе, я думаю, лучше знать, а?

– Ох! – вздохнула Мадлен, старательно закатив глаза. – А ведь кто-то обещал не ревновать... И не делал к тому же ни малейших попыток продолжить на корабле то, что имело место в Виктории...

– Я и не ревную. Просто констатирую факт.

– Куда подевалась вся твоя романтика? – фыркнула Мадлен. – Море, солнце, прекрасная погода... – она нараспев продекламировала:

Un matin nous patrons? le cerveau plein de flamme

Le coer gros de qrancune et de de sirs amers,
Et nous allons, suivant le rythme de la lame,
Bercant notre infini sur le fini des mers... [5]

– Это что? – спросил ничего не понявший Мазур.

– Это Бодлер, «Плаванье». У меня не хватит таланта перевести на английский, получится неуклюжий подстрочник... Найди потом книгу, почитай сам, я знаю, Бодлера переводили в России.

– Ага, – сказал он отрешенно.

Поднял голову, услышав целеустремленный стук тяжелых ботинок по надраенной палубе. К ним направлялись трое полицейских Дирка – крепкие, высоченные парни с итальянскими автоматами на ремнях, ничуть не похожие на раздолбаев Ожье, в конце концов и поплатившихся жизнью за свою профессиональную неуклюжесть. Береты набекрень, рукава закатаны, кошачьи движения... Этих-то врасплох хрен застанешь.

Передний козырнул:

– Мистер Мазур, капитан вас срочно приглашает к себе в каюту.

– В чем дело?

– Не могу знать, – отчеканил верзила. – Там какое-то совещание с участием субинтенданта Дирка и ваших старших офицеров...

«Из-за Ирины, быть может?»

– Пойдемте, – он поднялся.

– Сирил! Постарайтесь освободиться побыстрее, я вас жду...

Он смотрел на Мадлен, не веря своим глазам – человек посторонний не понял бы, но Мазур мог поклясться, что она только что сделала правой рукой тот самый знак боевого пловца, что означает: «Опасность!» Или показалось? И крыша все-таки едет?

Некогда было присматриваться, и уж тем более не станешь спрашивать у нее вслух... Мазур пошел впереди, верзила затопал за ним. Двое остались с Мадлен. Судно казалось вымершим, ни одна лебедка не работала – видимо, научный состав сидел по каютам, паковал сувениры, Дракон устроил им парочку экскурсий на атолл, чтобы меньше болтались под ногами, дал время раковины собирать, камушки красивые...

Как ни напряжен был, а не уберется!

Безжалостный удар сзади, в область меж шеей и плечом, обрушился совершенно неожиданно, когда Мазур уже брался за ручку двери капитанской каюты. Он не потерял сознания, но пару секунд проиграл. Конвоиру этого хватило, чтобы, рывком распахнув дверь, послать Мазура

головой вперед через всю каюту, в угол. Туда, где уже сидели на полу Дракон и Лаврик, сцепив пальцы на затылках, посверкивая глазами. У противоположной стены торчал полицейский с автоматом наизготовку, к которому Мазуров конвоир тут же и присоединился.

– Приношу извинения за некоторую резкость в обращении, мистер Мазур, – сказал субинтендант Дирк, не поднимаясь из-за Драконова стола. – Видите ли, я помню ваши подвиги, и там, на корыте Джейка, и после, когда нагрянули «акулы», чутье мне подсказывает, что очень уж опасно вас недооценивать или предоставлять излишнюю свободу...

Он сидел за столом вальяжно, по-хозяйски, положив руку на пистолет, застегнутый на все пуговицы, прямой, словно проглотил аршин или, точнее, ярд. И говорил без малейшего оттенка эмоций, с бесстрастностью исполнительного служаки.

– Ну вот, теперь все в сборе, – продолжал субинтендант. – Не хватает разве что очаровательной Мадлен, но это и к лучшему – не стоит втягивать женщин в серьезные мужские дела, в особенности если они имеют отношение к прессе. Терпеть не могу этих наглых, развязных репортеришек, лезущих в любую щель... А вы?

– Наоборот, – буркнул Мазур из чистого протеста.

– Да? – поднял бровь Дирк. – Дело вкуса... пожалуйста, примите ту же позу, что и ваши друзья. Так будет спокойнее... Благодарю. Господа, у нас мало времени, поэтому не будем баловаться дипломатией, благо среди нас и нет профессиональных дипломатов. Ставлю вопрос ребром: где груз «Агамемнона»? Я вас умоляю, не нужно вытаращенных в безмерном изумлении глаз, ошарашенных физиономий. Все мы тут взрослые и серьезные люди. Я...

Стоявшая перед ним компактная рация – несомненно, ему и принадлежавшая, у них подобных не было – вдруг ожила, донесся четкий голос:

– Второй, доложите обстановку.

Прижав ладонью кнопку на квадратном толстом микрофоне, Дирк произнес:

– Операция началась только что.

– Мы идем к вам, второй. Побыстрее, понятно? В прилегающем квадрате замечены русские эсминцы, да и президентская свора может что-то пронюхать. Побыстрее там!

– Вас понял, – спокойно сказал Дирк, вложив микрофон в гнездо. – Итак, господа, времени совсем мало... А, ну да, вы все слышали... Тем лучше, меньше будет увиливаний, недомолвок не остается вовсе...

Представляй я полицию Ахатинской республики, у вас была бы возможность запираяться и влиять, рассчитывая на сложность поиска судовых тайников, поддержку ваших дипломатов и на скрупулезное соблюдение нами законов... Увы, сложилось так, что я на сей раз представляю не полицию, а... скажем, человека, которому понадобился ваш груз. Настолько, что он готов принять самые решительные меры. Должен предупредить: на радиостанции и в ходовой рубке – мои люди. Судно под контролем. Мы пока что остаемся в территориальных водах республики, и, могу вас заверить, здесь не найдется какого бы то ни было должностного лица, способного остановить происходящее. Некому меня останавливать. И ввиду сложности обстановки я, с превеликим прискорбием признаюсь, не могу себе позволить играть в гуманизм. Прошу мне верить, так и обстоит... Где груз?

В каюте повисло молчание. Действительно «Сириус» стал замедлять ход или Мазуру показалось? Со своего места, крайне невыгодной позиции на полу, он видел в иллюминаторе лишь крохотный кусочек неба с краешком пухлого белого облака, а потому определить точно не мог.

– Не нужно меня злить, – ровным голосом произнес Дирк, вышел из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по комнате.

Мазур помнил эту его привычку расхаживать – на том допросе держался точно также. Дирк благоразумно не приближался к сидящим в углу, ни разу не оказался меж ними и стволами автоматов.

– Хорошо, – сказал Дирк. – Давайте рассмотрим варианты...

Чшшшш-шак! Чшшшш-шак! Чшшшш-шак!

Револьвер с глушителем, появившийся в распахнутом иллюминаторе, еще два раза выплюнул язычок огня. Автоматчики не успели упасть, когда дверь с грохотом распахнулась.

– Руки! Стоять!

– На месте стоять, стреляю!

Они ворвались в каюту, как вихрь, прикрывая друг друга по всем правилам – Мадлен отпрянула к переборке, обеими руками держа на уровне глаз большой черный пистолет, а ее оператор, тот самый сонный байбак Жиль, ухитрявшийся, судя по прошлым наблюдениям, дрыхнуть и на ходу, пролетел разделявшее их с Дирком пространство в мгновение ока и, неуловимо крутнувшись, сбил субинтенданта на пол мастерским ударом пятки под сгиб колена. Револьвер все еще маячил в иллюминаторе. И исчез, когда Мадлен с незнакомо злым лицом, яростно-сосредоточенным, отдала громкую команду, из которой не знавший французского Мазур не понял ни черта. Оседлавший субинтенданта Жиль заломил ему руки за спину, не

обращая внимания на болезненный вопль, вмиг защелкнул наручники.

Они, трое, так и сидели на полу. Автомат одного из убитых отлетел к столу, лежал не так уж и далеко от Мазура, и тот с большим интересом на него поглядывал, планируя бросок.

– Да вставайте вы! – сердито бросила Мадлен. – Что расселись? – Она прямо-таки бежала на месте, переминалась с ноги на ногу. – Капитан, они разнесли вам радиорубку... у вас есть где-то запасная рация? Не может не быть...

– Предположим... – осторожно произнес Дракон, грузно выпрямляясь.

– Немедленно свяжитесь с вашими кораблями, они где-то неподалеку. И уводите судно в нейтральные воды, немедленно! Что вы стоите? – Она выпустила длинную фразу на французском, судя по интонации и яростному личику, сплошь состоявшую из самой что ни на есть ненормативной лексики. – Шевелите задницами! «Герцогиня» вас превосходит в скорости чуть ли не вдвое, они уже идут сюда! Ну что вы на меня таращитесь, мать вашу? Уходите в нейтральные воды и вызывайте ваши эсминцы! Времени нет совсем!

– Там его люди... – в полном замешательстве сказал Лаврик.

– Там только его трупы, болван! – огрызнулась Мадлен. – Ваш рулевой меня не слушает, требует вас! Живо! Ваше золото мне совершенно не нужно! Ясно?

– «Герцогиня»? – переспросил Лаврик. – Значит, Лажевен?

– Нет, его старуха бабушка! – заорала на него Мадлен. – Шевели жопой, идиот! Лажевен в этих местах – царь и бог, «Герцогиня» вооружена так, что вам хватит выше крыши!

– Присмотри тут, – бросил Мазуру Дракон. – Самарин, марш!

Мазур впервые видел адмирала бегущим. Дракон грузно рванул к двери, на добрый метр опережая Лаврика. Вслед за ними, повинаясь энергичному жесту Мадлен, бомбой вылетел Жиль, толкавший перед собой Дирка.

Как ни в чем не бывало заткнув своего «Манурина» за широкий пояс джинсов, Мадлен уселась за стол, присматриваясь к рации. Косясь на нее, Мазур подобрал автомат и убедился, что «Беретта» снята с предохранителя, поставлена на непрерывный огонь.

– Не балуйся, – устало бросила Мадлен. – У вас на корабле есть что-нибудь вроде пулеметов? На «Герцогине» – автоматическая пушка, довольно старенький «Эрликон», но все равно убойный... Есть, спрашиваю?

Мазур растерянно мотнул головой. Она, заведя глаза в потолок, тяжело

вздохнула:

– Бог ты мой, ну разве трудно было запастись? – Резко развернувшись с вращающимся креслом, уставилась в иллюминатор. – Ага, ускоряем ход... Уже легче...

– Что им нужно? – глупо спросил Мазур.

– Золото, – не оборачиваясь, бросила Мадлен. – Так трудно понять? Гольден, оро, голд, ор... Нет, не видно пока... Сирил, сделай что-нибудь со своим лицом. Оно у тебя очень уж идиотское. Что, никогда не видел тайных агентов под прикрытием? А сам-то ты кто? Твой адмирал поумнее...

– Адмирал?

– Ну да, а кто же? Милый, люди вроде вашего Зимина – чересчур заметные персоны, числятся в любой серьезной картотеке. Вот меня пока что в ваших картотеках нет, что меня, признаюсь, вовсе не удручает... Ты не мог бы целиться в другую сторону? Терпеть не могу, когда в меня тычут автоматом... черт, поздно! Говорила же!

Мазур одним прыжком оказался рядом с соседним иллюминатором. Справа, неизвестно откуда вынырнув, появился белый кораблик с изящными обводами, до него была, если прикинуть, чуть ли не миля, но Мазур и на таком расстоянии узнал «Прекрасную герцогиню». На баке у нее блеснула череда крохотных вспышек, и в море взлетел рядок белопенных фонтанов.

– Слишком далеко, – сказала Мадлен почти спокойно. – Пока что – не опасно. Но они быстрее...

На корме «Герцогини» замигали острые вспышки ратьера. Без всякого труда Мазур расшифровал то, чего и следовало ожидать: «Застопорить машины, лечь в дрейф. Открываю огонь».

Не похоже было, чтобы рулевой послушался команды, – «Сириус», выжимая из машин все возможное, уходил к зюйду. Однако белый кораблик вырастал удручающе быстро...

– Собери магазины, – распорядилась Мадлен. – Чует моя душа, придется хлестаться... Черт!

Вторая полоса фонтанов взлетела очень уж близко от борта, кабельтовых в полутора. Уже можно было рассмотреть развернутую в их сторону автоматку на турели, суетившиеся вокруг фигурки – и другую группу, снимавшую брезент с чего-то продолговатого, на крыше надстройки...

– Ложись! – заорал Мазур, оторвал ее от иллюминатора и бросил на пол, плюхнувшись рядом.

По надстройкам «Сириуса» словно провели великанской палкой. Оба

иллюминатора так и брызнули осколками толстого стекла. Пулеметная очередь хлестнула по кораблю слева направо, справа налево...

– Топить они нас не будут, – неподвижно лежа на спине рядом с Мазуром, сказала Мадлен в промежутке меж двумя новыми очередями. – Это означало бы потопить и груз... Но прижмут качественно... Ох, как палят...

Дико, но в ее последних словах прозвучало нескрываемое удовлетворение. Она даже повторила:

– Ах, как палят... Прелестно...

– Да? – поморщился Мазур, пригибая голову.

– Прелестно, – сказала Мадлен. – Именно так. От такой пальбы остаются чересчур уж наглядные следы, вот что...

Она, низко держа голову, подползла к столу, на ощупь вытянула руку и сдернула на пол рацию, подхватила ее на лету. Рация оказалась в простенке и потому ничуть не пострадала.

Дверь распахнулась. Кто-то, скуля и подвывая, распластавшись так, словно стремился стать не толще газетного листа, вполз в каюту. Мазур не сразу узнал Панкрата – перепуганного, перепачканного, оставлявшего на полу кровавые пятна. А узнав, подполз к нему, перевернул на бок, осматривая. Панкратов скулил и выдирался.

– Лежать! – рявкнул Мазур.

Очередная пулеметная очередь, как можно понять, прошла где-то выше, по самым верхним надстройкам. И тут же справа послышался треск – судя по звукам, в борт вlepили-таки малокалиберный снаряд из устаревшей, но надежной автоматки.

Панкратов в ужасе замер, и Мазуру удалось, наконец, отыскать рану – ничего страшного, в общем, пуля по касательной рванула плечо, крови не так уж мало, но от такого никто еще не умирал... Разодрав на себе рубашку, Мазур в лихорадочном темпе наложил тугую повязку, затянул узел так, что Панкратов взвыл. Замахнулся:

– Лежи, хрен такой! Выживешь!

– Что происходит? – паническим шепотом спросил бледнейший замполит, кривясь и закатывая глаза. – Почему в капитанской каюте иностранные граждане?

– Уйми этого идиота, – спокойно сказала Мадлен, лежа на полу лицом к рации и старательно крутя верньеры.

– Тихо! – шепотом рявкнул Мазур, сжав ладонью замполитовы щеки. – Убью, на хер!

Как ни удивительно, Панкратов заткнулся. Пополз в угол.

– Всем, всем, всем! – громко, отчетливо говорила Мадлен в толстый квадратный микрофон. – Всем, кто нас слышит! Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй! Советское научное судно «Сириус» обстреляно в международных водах неизвестным кораблем!

– Частота... – громко сказал Мазур, подползая ближе под грохот захлебывавшегося совсем близко пулемета. – Нужно работать на частоте в пятьсот...

– Без тебя знаю... – мельком бросила Мадлен через плечо, вновь поднесла микрофон к губам. – Мэйдэй, мэйдэй! Говорит советское научное судно «Сириус», нас обстреливают в международных водах... Всем, всем, всем, просим помощи!

Мазур уже ничего не пытался понять в происшедшем. Он лежал, хозяйственно придвинув к себе автомат, время от времени грозными взглядами и жестами утихомиривая пытавшегося что-то сказать замполита. Пулеметные очереди стали реже, но легче от этого не стало, очень уж близко они трещали...

Из овального, забранного решеточкой динамика раздался громкий, незнакомый голос, старательно выговаривавший слова по-английски с жестяной бесстрастностью робота:

– Внимание, русское судно! Внимание, русские! Ваш сигнал принял, меняю курс! Постарайтесь продержаться, поднимаю дежурное звено. Я – Эркюль, Эркюль! Постарайтесь продержаться, звено в воздухе! Шесть, два, шуан, шесть, два, шуан, я – Эркюль, я – Эркюль!

Ближе к корме раздался грохот, судно сотряслось.

– Шуан, два, шесть, шуан, два, шесть! – закричала Мадлен в микрофон что-то непонятное. – Шуан, два, шесть!

– Роджер! – каркнул жестяной голос. – Роджер!

Она выпустила микрофон, перевернулась на спину, раскинула руки и улыбнулась так безмятежно, словно валялась на пляже, а не под прицельным огнем.

– Что это за субъект? – прижавшись щекой к прохладной стали автомата, спросил Мазур.

– Эркюль? – Мадлен смотрела на него, все так же улыбаясь, у нее лицо стало совсем прежним, красивым и азартным. – Это не человек, Сирил, это корабль... Все в порядке... Все... Это и называется – кавалерия из-за холмов...

Отчаявшись что-либо понять, Мазур прислушался. Не сразу сообразил, что тишина означает то ли передышку, то ли... Вскочив на корточки, кинулся было наперерез Мадлен, но она уже достигла стены,

прижалась к ней, осторожно выглядывая в иллюминатор. Азартно выдохнула:

– Ага! Забеспокоились, перехватили разговор, быть может...

Мазур, соблюдая все предосторожности, выглянул в круглый железный обод, по краям усеянный острыми треугольничками выбитого стекла.

«Прекрасная герцогиня» была кабельтовых в двух. Она все еще шла параллельным курсом, с некоторым опережением, но полоса воды меж двумя судами вроде бы расширялась... Люди у пушки и пулемета стояли неподвижно, задрав почему-то головы, только одна фигура, чем-то смутно знакомая, прямо-таки металась меж ними. Рация за спиной работала вовсю. Сквозь непонятную французскую скороговорку, сквозь далекую перекличку на русском прорвался тот же жестяной голос:

– Внимание, судно «Прекрасная герцогиня»! Внимание! Говорит военный корабль Французской республики «Эркюль»! Ваши действия признаю пиратскими, требую немедленно лечь в дрейф, иначе будете потоплены!

Потом с неба обрушился шелестящий гул, крепнувший с каждой секундой. Не рассуждая, Мазур кинулся следом за Мадлен на палубу, хозяйственно прихватив автомат. Под ногами хрустело стекло, трещали щепки, стена напротив двери на палубу вся в выбоинах от крупнокалиберных пуль.

Самолеты, свалившиеся с синего прозрачного неба, пронесли над «Сириусом» крыло к крылу, разомкнулись, разошлись в стороны, один «горкой» ушел в высоту, второй, на пару секунд завалившись перпендикулярно воде, показав гроздь остроносых ракет и гондолы с пушками, скользнул над синей искрящейся гладью в лихом вираже, пошел следом за напарником, заливая все вокруг шелестящим гулом, почти непереносимым для слуха.

«Герцогиня» разворачивалась – видимо, они пытались уйти в территориальные воды. Мадлен сжала плечо Мазура с неженской хваткой.

Самолеты возвращались. Один держался высоко, описывая протяженный круг, второй клюнул острым носом, вошел в пике... Он шел по идеальной прямой, сверкая продолговатым фонарем кабины, так низко, что Мазур уже различал две головы в круглых белых шлемах, одна за другой, видел нарисованного пониже кабины зеленого чертенка в красном берете, с вилами в лапе. Он уже узнал французский палубный штурмовик «Дориак-4» – ну да, теперь окончательно стало ясно, что «Эркюль» не просто военный корабль, а авианосец. Что за игры?

Рев нарастал, став невыносимым, давящим, жутким. Штурмовик шел на боевой заход целеустремленно и неумолимо. Мазур ни за что в жизни не хотел бы оказаться на месте тех, кого сейчас атаковал остроносый ревущий птеродактиль. Им должно быть страшно, неимоверно страшно, такое зрелище всю жизнь будет мучить кошмарами, ночным ужасом...

По обе стороны овального воздухозаборника вспыхнули, ярко запульсировали желтые язычки пламени – автоматические пушки. Белоснежная корма «Герцогини» словно взорвалась изнутри, брызнув веером перемешанных с дымом обломков. «Дориак» промчался над самой мачтой суденышка, набирая высоту, полез к солнцу.

«Сириус» замедлял ход. Мазур видел, что «Герцогиня», конечно же, осталась на плаву, но винта либо руля определенно лишилась, а то и всего вместе. Ее разворачивало, она рыскнула носом, фигурки на баке и верхней палубе лежали неподвижно, прижимаясь к доскам так, словно хотели провалиться сквозь них внутрь. Ни малейшего шевеления. Пожалуй что, долго будут еще валяться. Мазур знал, как это бывает, человеку необстрелянному кажется, что атакующий самолет прямо-таки ошарашил по башке днищем...

– И что теперь? – спросил он так спокойно, словно был зрителем в кинотеатре.

– Ничего особенного, – сказала Мадлен, не поворачиваясь к нему. Ветерок развеивал ей волосы. – Сейчас подойдут вертолеты с нашими парнями, высадят десант на палубу... Совершенно предсказуемая и во всех смыслах законная процедура задержания пиратов, а? Любое военное судно прямо-таки обязано принять меры к немедленному задержанию пиратов, осмелившихся нападать на мирные суда в международных водах... А вот это уже, похоже, ваши...

Мазур взглянул в ту сторону. Она была права. Кабельтовых в пяти разворачивался к ним левым бортом длинный изящный корабль, советский эсминец типа «Жгучий» (по натовской классификации – «Канин»), счетверенная пулеметная установка была предусмотрительно развернута в сторону «Герцогини» (калибр – пятьдесят семь миллиметров, между прочим), два мотобота уже опускались на таях к синей воде, и на фоне белых форменок знакомо чернели мундиры морской пехоты.

– А самое смешное – все довольны... – сказала Мадлен, ухмыляясь во весь рот.

– Почему? – спросил Мазур.

– Нет, Сирил, до чего же ты все-таки милый и невинный мальчишка... Честное слово, я сохраню о тебе самые приятные впечатления...

– Лажевен? – осенило его.

– Вот именно, золото мое, – сказала Мадлен. – Арман Лажевен, его высокопревосходительство, генерал, губернатор, член парламента и Высшего совета... Сирил, я и правда не знаю, почему он не устраивал... ну, скажем, больших людей далеко отсюда. Не мое дело. Я получаю приказы и обязана их неукоснительно выполнять. Это не наш с тобой уровень, милый, – такие хитросплетения. Ты ведь, судя по возрасту, лейтенант либо капитан-лейтенант? У вас почти такая же система званий, насколько я помню... Ну вот, я тоже не адмирал. Это не наше дело. Сферы влияния, военные базы, глобальная стратегия, региональное равновесие... Главное, мсье Лажевен весьма и весьма не устраивал тех, что сидят в огромных кабинетах и гонят на задание мелочь вроде нас с тобой. Но убрать его было трудно. Имелся кое-какой дохлый компромат, и не более того. Зато теперь... Согласно морскому праву, то, что они выкинули, именуется пиратством в международных водах и карается весьма сурово. Ему ни за что не отмыться. Черт с ним, с золотом, решило командование. Берите его себе и стройте на него коммунизм, вдруг да получится, в чем я, откровенно тебе признаюсь, серьезно сомневаюсь... Черт с ним, с золотом. Не столь уж высокая цена за скальп Лажевена. Особенно если учесть, что особых трудов от нас не потребовалось, нужно было только присматривать за вами и вовремя направлять в нужную сторону...

«Представляю физиономию Дракона, – подумал Мазур. – Представляю физиономию Лаврика. Представляю...»

– Значит, это все ты...

– А кто же еще, милый? – улыбалась Мадлен. – Я тебе скажу больше. Только не обижайся, твоей вины ни в чем нет... Тот секстан, что ты у меня видел, конечно же, настоящий, подлинный, злодейски реквизированный из запасников музея в Сен-Мало, – да только надпись на нем, я тебе признаюсь, стопроцентная подделка. Специалисты старались... Что поделать, у меня уже не хватало нервов смотреть, как вы копаетесь совсем в другой стороне. Ну да, мы с некоторых пор знали настоящее место. И Лажевен знал – вот только у него не было опытных пловцов, а найти их не хватило времени. Дальнейшее рассчитать нетрудно – вы обязательно должны были наткнуться на обломки фрегата, а Лажевен не мог не сыграть ва-банк. Правда, Ксавье в роли сообщника «акул» для нас оказался полнейшей неожиданностью, но всего предусмотреть нельзя. И черт с ним. Главное, все довольны...

Мотоботы шли к «Сириусу». Мазур не чувствовал ничего, кроме лютой, опустошающей тоски. Работа. Экзотика. Се ля ви. Крючки и

приманки...

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказала Мадлен. – Лишь бы нам с тобой никогда не встретиться на глубине. Исход, знаешь ли, заранее предсказать трудно...

Мазур взглянул на нее и согласился про себя с последними словами: чем взрослее человек, тем меньше у него самоуверенности... Он уже не считал себя сказочным героем, способным свернуть горы.

Эпилог

Документы

«Ассошиэйтед Пресс. Виктория, Ахатинские острова

Сегодня в тюрьме Виктории был повешен экс-губернатор острова Баэ генерал Арман Лажевен, приговоренный военным трибуналом к смертной казни за государственную измену и акт пиратства в международных водах. Апелляция о помиловании была отклонена президентом республики».

* * *

*«Вице-адмиралу эскадры П. Альбре,
штаб ВМС Французской республики
Мой адмирал!*

В связи с успешным завершением операции «Сандрильона» прошу поддержать мое ходатайство о награждении офицерским крестом ордена Почетного легиона военнослужащих 2-го эскадрона 9-й дивизии морской пехоты, временно прикомандированных к группе «Шуан»:

Мадлен де Ронак – капитана третьего ранга

Жиля Буайе – капитан-лейтенанта

Робера Клоссона – аспиранта^[6].

Заслуги вышеперечисленных лиц Вам известны.

Ж. Буррель,

капитан первого ранга,

штаб оперативного командования ВМС

Французской республики в зоне Индийского океана».

* * *

Резолюция на документе: «Не возражаю. Разрешить оформление документов согласно существующему порядку. Альбре».

* * *

Для служебного пользования
Указ Президиума Верховного Совета СССР
о награждении правительственными
наградами СССР военнослужащих
Министерства обороны СССР

За образцовое выполнение специальных заданий партии и
правительства и проявленные при этом мужество и отвагу наградить

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

ЗИМИНА

НИКОЛАЯ ФЕДОТОВИЧА —

вице-адмирала

ОРДЕНОМ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПАНКРАТОВА

СЕМЕНА ИВАНОВИЧА —

капитана второго ранга

ОРДЕНОМ БОЕВОГО

КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

АВДОХИНА

ВИЛЕНА КОНСТАНТИНОВИЧА —

старшего лейтенанта (посмертно)

ВОЛКОВА

ЮРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА —

старшего лейтенанта (посмертно)

ЗАСЯДЬКО

ОЛЕГА ВАСИЛЬЕВИЧА —

старшего лейтенанта (посмертно)

КРАМЕРА

СЕРГЕЯ ГЕНРИХОВИЧА —

старшего лейтенанта

ЛИБРИХА

АЙНА ЮЛОВИЧА —

старшего лейтенанта (посмертно)

МАЗУРА

КИРИЛЛА СТЕПАНОВИЧА —

старшего лейтенанта

САМАРИНА

КОНСТАНТИНА КИМОВИЧА —

капитан-лейтенанта

ТРИКОЛЕНКО

НИКОЛАЯ ТЕЛЬМАНОВИЧА —
капитан-лейтенанта
РАХМАТУЛИНА
ЗИЯТА ГАЙНУТДИНОВИЧА —
старшего лейтенанта
ФЕДУЛОВА
МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА —
старшего лейтенанта (посмертно)
ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
ГРИДАСОВУ
ИРИНУ ВАЛЕРЬЕВНУ —
старшего инженер-лейтенанта (посмертно)
МЕДАЛЬЮ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»
БАРЦЕВА
ДЕНИСА АНДРЕЕВИЧА —
лейтенанта
ВАГИНА
МАКСИМА НИКИТОВИЧА —
лейтенанта
ЖЕЛТОВА
БОРИСА СЕМЕНОВИЧА —
инженер-лейтенанта
КЛИМЕНКО
ВИКТОРА МАКАРОВИЧА —
лейтенанта
ЛУКАНКИНА
РУСЛАНА ТИХОНОВИЧА —
лейтенанта
ЛЫМАРЯ
ГЕННАДИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА —
старшего лейтенанта
МАНСУРОВА
ВЛАДИСЛАВА АРТЕМЬЕВИЧА —
старшего инженер-лейтенанта
ПОЛИДАРОВА
СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА —
инженер-лейтенанта
СВИРИДОВА
ВАСИЛИЯ ИПАТОВИЧА —

лейтенанта
ХУСАИНОВА
ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА —
мичмана
ЯРЦЕВА
ЛЕОНИДА МИХАЙЛОВИЧА —
мичмана
Москва, Кремль
21 августа 1976 года
№ 1748
Председатель Президиума Верховного
Совета СССР
Н.В. Подгорный
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М.П. Георгадзе

* * *

...Чуть ли не единственное, что запомнилось Мазуру после Кремля, – это удивление оттого, что член Политбюро ЦК КПСС товарищ Подгорный в жизни оказался совсем не похож на свои знакомые портреты. В жизни он был гораздо старше, настолько, что Мазур чувствовал явственное разочарование.

* * *

...А с Анечкой у него все наладилось.

* * *

...И это – первый из рассказов о Маугли, сказал Киплинг.

* * *

Красноярск, 1999

---

notes

Примечания

Ют – кормовая надстройка на судне. – Прим. авт.

Принята следующая классификация морских глубин: литораль – зона морского дна, затопляемая при приливе и осушаемая при отливе; сублитораль – до 200 м; батраль – от 200 до 3000 м; абиссаль – глубины свыше 3000 м. – Прим. авт.

БПК – большой противолодочный корабль. – Прим. авт.

Кабельтов – 0,1 морской мили, или 185,2 м. – Прим. авт.

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Шарль Бодлер, «Плаванье», перевод М. Цветаевой.

Аспирант – воинское звание в вооруженных силах Франции, примерно соответствующее советскому младшему лейтенанту.